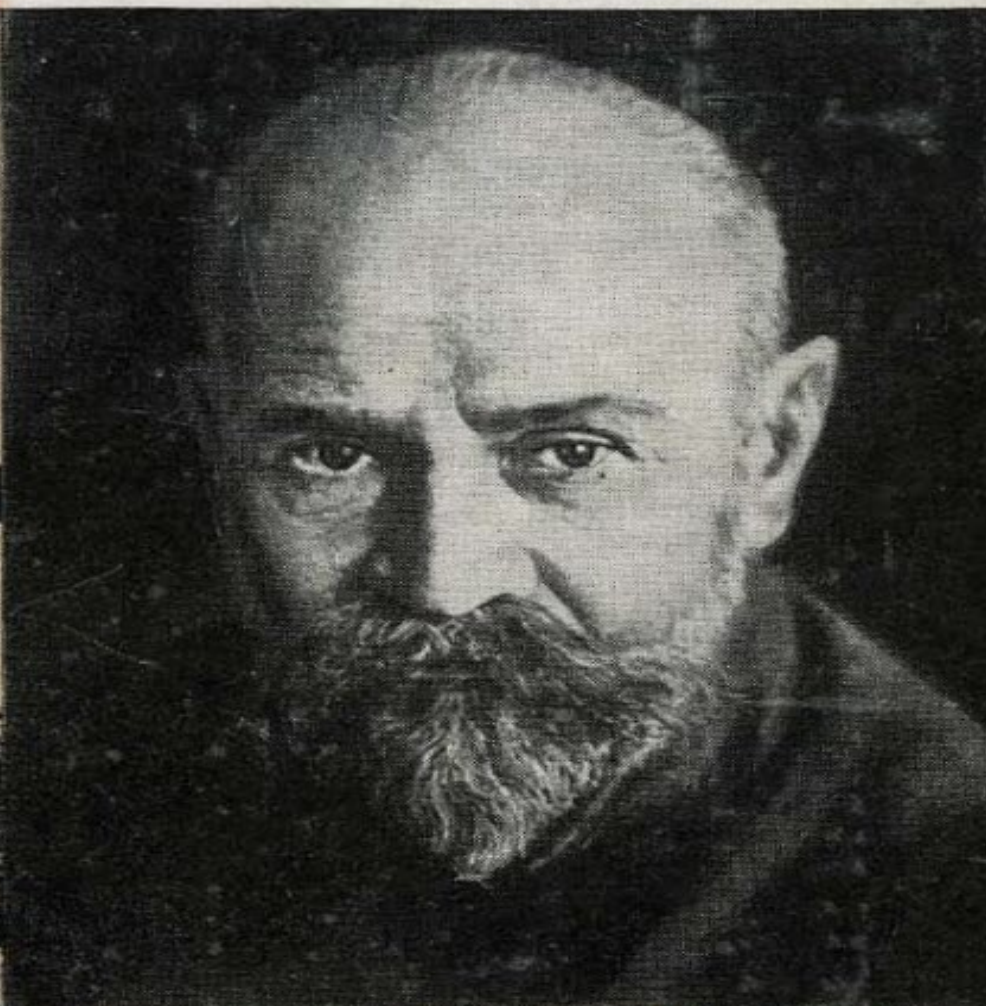

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

В. Викторов,
В. Куманев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о жизненном пути И. И. Скворцова-Степанова — одного из видных деятелей партии, друга и соратника В. И. Ленина, члена ЦК партии, ответственного редактора газеты «Известия». И. И. Скворцов-Степанов был блестящим публицистом и видным ученым-марксистом, автором известных исторических, экономических и философских исследований, переводчиком многих произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на русский язык (в том числе «Капитала»).

[Адаптировано для AlReader]

-
- [В. Викторов, В. Куманев](#)
 -
 -
 - [К ЧИТАТЕЛЯМ](#)
 - [ПРОЛОГ. ПУТЬ К БОЛЬШЕВИЗМУ](#)
 - [ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ](#)
 - [СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД](#)
 - [ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ](#)
 - [СОРАТНИК ИЛЬИЧА](#)
 - [ЗА ЛЕНИНСКОЕ ЕДИНСТВО](#)
 - [УЧЕНЫЙ. АТЕИСТ. РЕДАКТОР «ИЗВЕСТИЙ»](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

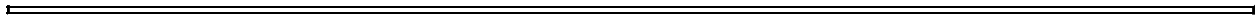
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 1

663

В. Викторов, В. Куманев

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Научный редактор — доктор исторических наук,
профессор **П. А. РОДИОНОВ**

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

*Авторы приносят глубокую благодарность друзьям
и близким Ивана Ивановича Скворцова-Степанова за их
неоценимую помощь, особенно его дочери — Наталье
Ивановне Скворцовой*

К ЧИТАТЕЛЯМ

Выступая 16 марта 1920 года на торжественно-траурном заседании в Большом театре, посвященном первой годовщине со дня смерти Я. М. Свердлова, В. И. Ленин указывал, что «десятки, сотни тысяч строителей Советской власти должны иметь перед собой историю выдающихся деятелей революции и руководителей ее, их личный опыт, воспоминания о том, как организаторские таланты пробивали себе дорогу».

Эти слова Владимира Ильича Ленина в полной мере можно отнести к такому выдающемуся революционному деятелю, как И. И. Скворцов-Степанов. Профессиональный революционер, пропагандист марксизма-ленинизма, или, как его называли, «просветитель пролетариата», он весь свой талант публициста, ученого и организатора революционных боев отдал великому делу победы Советской власти и ее укреплению, социалистическому строительству в СССР.

И. И. Скворцов-Степанов — один из активных участников социалистической революции в Москве. Второй Всероссийский съезд Советов избрал его первым народным комиссаром Советского правительства, XIV и XV съезды партии — членом ЦК ВКП(б). Он плодотворно трудился на посту ответственного редактора газеты «Известия», директора Института В. И. Ленина. Верный друг и соратник Ильича, И. И. Скворцов-Степанов и после кончины Ленина продолжал активную борьбу за единство партии, против оппортунистов и раскольников всех мастей.

Талантливый ученый-марксист, крупный теоретик, он добился всего упорным трудом, самообразованием и стал одним из самых образованнейших людей своего времени. Им написано много глубоких по содержанию книг и статей по экономическим, историческим и философским вопросам. В нем мы находим замечательное сочетание мыслителя-ученого и революционного борца. Иван Иванович широко известен и как блестящий литературный критик, превосходный редактор и переводчик. Ему принадлежит заслуга перевода на русский язык многих произведений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в том числе «Капитала». В. И. Ленин считал перевод «Капитала» Скворцовым-Степановым подлинно научным.

Иван Иванович по праву считался крупнейшим знатоком истории религии и видным теоретиком научного атеизма. «Патриарх безбожников»

— так называли его в шутку друзья.

Доктор исторических наук В. М. Викторов и профессор В. А. Куманев создали интересное и содержательное повествование о жизни, революционной борьбе и научном творчестве И. И. Скворцова-Степанова. По существу, впервые создана подробная биография этого выдающегося партийного и политического деятеля. Авторы рисуют яркий и колоритный образ своего героя. При чтении книги возникает живой облик этого чрезвычайно одаренного русского самородка, целиком отдавшего себя делу свободы и счастья народа.

Наш народ чтит память о пламенном революционере и ученом. Его прах покоится в Кремлевской стене у Мавзолея В. И. Ленина. Миллионы людей читают газеты, журналы, книги, напечатанные в типографии «Известий Советов народных депутатов СССР», носящей имя И. И. Скворцова-Степанова. А воды морей и океанов бороздит лайнер «Иван Скворцов-Степанов»...

Жизненный путь большевика-ленинца Ивана Ивановича Скворцова-Степанова послужит примером для миллионов юношей и девушек, которые своим трудом продолжают великое дело ленинской гвардии — строительство коммунизма.

Профессор П. А. Родионов

ПРОЛОГ. ПУТЬ К БОЛЬШЕВИЗМУ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло...

Усталые, замученные арестанты волочили тяжелые кандалы по Владимирской дороге. Грубо понукали их полупьяные конвоиры. Молча наблюдал эту мрачную картину, лежа за обочиной дороги, на окраине небольшого городка Богородска, черноволосый босоногий парнишка. Звали его Ваня Скворцов.

На многие тысячи верст простиралась эта дорога из Москвы в Сибирь. И не было, казалось, конца политическим заключенным, которых вели по ней на каторгу и ссылку царские стражники. Пройдет потом много лет, но на всю жизнь запомнятся Ване жуткие сцены тех дней, когда «по этапу» гнали арестантов в далекую и, сказывали, очень морозную Сибирь. Еще долго в ушах будут слышаться крики и ругань конвоиров, усталые шаги и хриплое дыхание ссыльных, леденящий душу кандалный звон.

Не раз в детстве Ваня слушал рассказы о мучениях «политических» и в то же время об их удивительном терпении, стойкости, отваге. А когда однажды он спросил, почему они такие сильные и гордые, кто-то полушепотом сказал: «Потому что они страдают за народное дело». «За народное дело...» — эти слова навсегда врезались в сердце Вани.

Как только слышался вдали шум колонны ссыльных арестантов, жители городка высыпали на улицу, становились вдоль дороги. Простые люди помогали чем могли «врагам государевым»: кто успевал сунуть незаметно им в руки краюху хлеба, кто печеную картошку, а кто деньги. Многие женщины причитали и плакали...

Бесконечно тянется плотно утоптанная ногами каторжан и ссыльных проселочная дорога на восток. Сумрак облаков навис над землей и давит все живое, окутывая чахлые деревца и кусты, а вокруг простираются

бескрайние российские дали, виднеются в дымке холмы и перелески. Все тише вдали стук колодок, скрип телег и звон кандалов, все глуше тяжелые шаги арестантов.

Еще многого не понимал Ваня Скворцов, но уже тогда у него появилось искреннее сострадание к «узникам царя», а когда он однажды услышал, что «это и есть революционеры, которые за простой народ», жалость переросла в негодование против насилий жандармов, конвоиров и всех «слуг престола».

Владимирка оставила неизгладимый след в душе Вани. И может, именно она зародила в нем революционного борца. Однако мог ли тогда мальчик думать, что и его постигнет участь каторжан, что и он не избежит дороги в сибирскую ссылку...

*

24 февраля (8 марта по новому стилю) 1870 года в семье мелкого служащего Ивана Степановича Скворцова и жены его Марии Прохоровны родился пятый ребенок, которого нарекли Иваном. Деревня Мальцево-Бродово, где они жили, была расположена на живописной речке Клязьме, неподалеку от железнодорожной станции Тарасовка.

Иван Степанович работал конторщиком у купца Василия Фомичева — человека весьма упрямого и деспотичного. Мануфактура купца производила великолепные шелковые, парчовые и бархатные ткани. Часть предприятий Фомичева находилась в Богородске, так что семья Скворцовых жила то в Мальцеве-Бродове, то в Богородске. Хозяин фабрики упорно не хотел применять у себя паровые двигатели, считая их пустой «германской выдумкой». Этим воспользовался более расторопный соседний фабрикант Сапожников: не медля, он ввел у себя «европейский способ производства» и одержал верх в конкурентной схватке со старомодными купцами — владельцами шелковых мануфактур. Пострадало дело и у купца Фомичева, что сразу же сказалось на жалованье рабочих и конторщиков, в том числе и Скворцова. Семья Скворцовых жила более чем скромно в городе Богородске (ныне город Ногинск) в полуподвальном этаже дома, принадлежавшего владельцу Смирнову, которого жильцы почтительно при разговорах обычно называли «Макей Иваныч». Все пять крошечных окошек квартирки смотрели на Московскую (ныне III Интернационала) улицу; через нее проходила Владимирка.

Иван Степанович считался в округе человеком весьма

свободомыслящим, уважающим образование и ученое слово. Перед тем как поступить на фабрику Фомичева, он некоторое время работал счетоводом на богородском предприятии по шелковому делу, где хозяином был Тихон Павлович Шалаев, от которого часто попадало всем подчиненным — и правым и виноватым. Ивану Степановичу в редкие минуты отдыха доставляло удовольствие сочинять про купцов едкие стихи. Ване особенно нравились строфы, высмеивающие Шалаева, которого отец именовал «Тихий Потапович Лаев» за его особое пристрастие к ругательствам.

Когда Ване минуло шесть лет, Иван Степанович, находясь в Мальцеве-Бродове, внезапно умер. Остались без кормильца и без всяких средств к существованию его вдова и пятеро детей: Петр, Николай, Людмила, Михаил и Иван. Нужда заставила осиротевших Скворцовых переехать в Богородск к сестре Марии Прохоровны — Александре Прохоровне Грайворонской, просвирни при Тихвинской церкви. Жить стали в сторожке с большой печью — в маленьком прокоптелом полуразрушенном помещении при церкви. В этой комнатке ютились семь человек, если не считать престарелую бабушку (мать Марии Прохоровны и Александры Прохоровны), которая, как запомнилось Ване, все время проводила на печке.

Хозяйка комнаты Александра Прохоровна терпеливо несла ниспосланный ей крест, держа своих племянников, делясь с ними последним куском хлеба. Впрочем, и его часто не оказывалось у бедной просвирни; нужно было к тому же детей обууть и одеть. Зато «скворчата» платили тетушке преданностью и любовью. По праздникам Александра Прохоровна изготовляла просвирки, угощая при этом сирот. А когда «дегустация» заканчивалась, дети никогда не забывали хором сказать: «Спасибо, тетушка прошвирия» (все «скворчата» слегка картавили и пришепетывали).

Хотя Александра Прохоровна искренне верила в господа бога да и к церковным делам имела прямое отношение, своих племянников и племянницу ей не удалось воспитать верующими: в церковь они не ходили и не скрывали своих сомнений насчет существования и всевышнего, и «потустороннего мира», отпуская колкие замечания насчет некоторых церковных догматов и задавая очень трудные для Александры Прохоровны вопросы.

Однажды, это было зимой, в пригороде Богородска, селе Торбееве, шести-семилетние малыши, предводительствуемые подростком Костей, сыном протопопа, начали лепить снежного истукана. Получилось большущее человеческое туловище на коротких и толстых ногах. Затем к

нему приделали руки и голову. Вместо глаз Костя вставил угли. В правой руке у истукана появилась увесистая дубинка, а левая угрожающе протянулась с растопыренными пальцами вперед. Но самой страшной в истукане была широкая пасть, из которой торчали большие кривые зубы.

Костя построил малышей в два ряда перед ледяным чудищем и, приказав повторять все движения, стал впереди ребят. Он молитвенно поднял руки, потом приложил их к груди, а в заключение простер к истукану и возгласил: «О бог, о царь этих мест! Будь к нам милосерд! Воззри на наше смирение! Прими наши жертвы и осени успехом и счастьем всяк наш шаг!»

Он закончил свое моление низким поклоном и долго стоял, склонившись в благоговейном молчании. Потом Костя порылся у себя в кармане и, отыскав завалявшийся пряник, положил его на дощечку, прилаженную перед чудовищной пастью.

У стоявших в строю малышей стало жутко и боязно на душе.

Отныне все дети, чтобы умаслить чудище, обязаны были приносить ему в жертву конфетку или медовый пряник, грецкие орехи или горстку подсолнухов. Приносить ежедневно. Иначе, возвестил всем Костя, не избежать всей ребятне страшной мести грозного царя села Торбеева и окрестных мест.

И малыши строго выполняли этот завет, отдавая все, чем были «богаты», свирепому идолищу. Но однажды маленький Вася заигрался и забыл пожертвовать конфетку торбеевскому царю. Мальчик ждал его мести, но ничего не произошло. В другой раз он увидел, что из кармана Кости высовывалась бумажка от конфетки, пожертвованной идолу рыжим Пашкой. Вася стал все чаще «забывать» жертвовать свои сладости ненасытному истукану. Это заметил Костя и, нахмурив свои пшеничные брови, начал рассказывать малышам страшные истории про месть ледяного владыки. А потом ужасно напугал маленького Васю: темным мартовским вечером, когда Вася и его сестренка Катя возвращались домой, со стороны угрюмого божества раздался хриплый, замогильный голос: «Великий грешник Вася, покайся!» Весь в слезах, трясаясь от страха, Вася вбежал в горницу. Ночью ему снились сны один страшнее другого.

Утром, когда мальчик проснулся, отец и мать узнали причину его страха. К полудню, когда стало припекать весеннее солнце, истукан начал сильно таять и вскоре принял весьма жалкий вид. А в довершение всего Васин отец поверг и раскрошил чудище несколькими ударами лопаты. Вася невольно рассмеялся...

Так крушение торбеевского идола привело к появлению у маленького

Васи антирелигиозных мыслей.

Шестилетним Васей был Ваня Скворцов. А описанный случай — эпизодом из его детства, о котором он красочно рассказал в зарисовке «Торбеевский царь», включенной в книгу «Это было».

Поколебал веру в бога и ангелов у Вани Скворцова и другой эпизод его детских лет. У старшего брата Вани завелся микроскоп, купленный на Сухаревском рынке в Москве, позволявший рассмотреть удивительный мир, живущий во всякой капле воды.

«Дьявол нашел во мне легкую добычу: на свою пагубу я был любознателен, как всякий ребенок, — рассказывал в одной своей публичной лекции в 1918 году Скворцов-Степанов. — И подтолкнул меня нечистый рассмотреть под микроскопом каплю выдержанной святой воды. Вероятно, бабушка неплотно закупорила свой полуштоф, или, вернее, забыла перекрестить горлышко и тем запечатать от вторжения нечистой силы».

Изумленному взору любопытного мальчика в «святой капле» открылась диковинная картина: на стеклышке ворочались и суетились существа с рожками, с усиками, лупоглазые, пузатые. С некоторыми, правда, Ваня был знаком и раньше: видел их на картинках ада и «Страшного суда». Но все же на этих картинках не было такого подавляющего разнообразия, как в этой капле. К тому же эти букашки были живыми — копошились, толкались... Вот тебе и «святая вода»!

Период сомнений усилился. Ваня все больше стал вкушать от «древа познания», утратив «рай» веры.

Однажды, еще в 1881 или 1882 году, в дом к Скворцовым зашел бродячий монах и потребовал подаяния. Бабушка не любила таких здоровенных попрошайек и сухо сказала: «Бог подаст». Но тот требовал все настойчивее и засверкал глазами. Тогда вмешался Ваня и сказал монаху, чтобы тот шел своей дорогой. Обозленный служитель всевышнего в ответ, едва выйдя в сени, схватил там санки и с угрожающим видом положил их поперек порога: «На-ко, попробуй-ка теперь выйти». Ваня не стерпел такого вызова — разбежался и одним прыжком перемахнул через «заколдованные» санки. Он торжествующе, с видом великого победителя поднял их над головой. Монах, не ожидавший от мальчика такой прыти, в явном смнении повернулся и зашагал прочь.

Мать и тетя постарались детям дать то немного, что было в их силах. Прежде всего Мария Прохоровна принялась обучать их грамоте. В 1879 году, научившись читать и писать, Ваня сумел поступить в городское училище, удивив всех экзаменаторов недюжинными способностями по

части чтения, письма и счета. К тому же мальчик успел прочесть и запомнить содержание нескольких книжек, которые давал ему на время один знакомый гимназист. Книги во время учебы Вани в городском училище были его верными друзьями. Самыми любимыми писателями стали Некрасов и Гоголь.

Все братья Скворцовы, кроме Николая, поступили и окончили Богородское городское училище, а их сестра Людмила — Богородскую прогимназию. Старшему из братьев, Петру, удалось окончить Московский учительский институт, где он особенно увлекался физикой. Однако тяжелая болезнь — неизлечимый в те времена туберкулез — приковала его к постели, и вскоре он скончался.

Михаил был учителем Следовской уездной школы, в 14 верстах к северу от Богородска. Он стремился воспитывать в своих учениках непримиримость к злу, насилию, на уроках высказывал довольно смелые «крамольные» мысли. В кругу друзей тоже не скрывал своего отношения к существовавшим порядкам. Однажды Михаилу стало известно, что на имя начальства пришел донос, в котором сообщалось о революционных настроениях учителя. Он очень терзался мыслью, что могут пострадать близкие ему люди. Донос провокатора сделал свое черное дело: опасаясь ареста, Михаил покончил с собою. Особенно тяжело переживал эту утрату Ваня.

Значительно больше известно о судьбе сестры Вани Скворцова — Людмилы. Она была старше своего брата Ивана на два года (родилась в январе 1868 года). Окончив курс Богородской женской прогимназии, она (была принята во внимание ее отличная учеба) некоторое время преподавала в ней, а затем по примеру многих своих сверстниц решила поехать учительствовать в деревню. Шел 1893 год. В деревню Золотово (близ Фаустова) Бронницкого уезда Московской губернии проникают революционные идеи. Здесь появляется и запрещенная литература. Некоторые «опасные книги» привезла с собою молодая учительница. Но пропагандистская деятельность Людмилы Ивановны не осталась незамеченной, и в 1897 году ей пришлось переехать в другую деревню соседнего Подольского уезда. Потом она стала учительствовать в Покровской школе города Подольска. Тут и застала ее революция.

Осенью 1907 года она переезжает в Москву и ведет преподавательскую работу в Кожевническом начальном училище господина Тиля и в Грузинском начальном училище, выполняя ряд ответственных поручений большевистской ячейки.

В 1911 году в результате настойчивых требований демократической

общественности в ряде центральных губерний России было открыто несколько начальных школ. Такая школа-трехлетка открылась и в подмосковном Люблине. Она ютилась на втором этаже здания, где помещалась молочная. И все же ее открытие местные социал-демократы большевики считали своей победой. Л. И. Скворцова, вложившая в это дело немало сил, возглавила новую школу.

В школе учились главным образом дети рабочих ближайших предприятий. Но не только с ними вела занятия Людмила Ивановна: как только наступал вечер, в школу приходили родители учеников и уроки продолжались. Только теперь наряду с обучением грамоте и письму взрослых учительница проводила беседы на политические темы, читала им газеты, отвечала на злободневные вопросы. А на ее квартире в школьном подвале часто проходили конспиративные собрания, прятались разыскиваемые царскими ищейками революционеры.

Наступил 1917 год. В эти месяцы Л. И. Скворцова трудится буквально с удвоенной энергией, успевая учительствовать и выполнять партийные обязанности. «Наша революция — не за горами», — сказала как-то она в кругу друзей. В сентябре ее избирают по спискам большевиков в Московское уездное земство, а когда в Москве победила Советская власть, Людмила Ивановна на посту секретаря партийной ячейки продолжает свою учительскую деятельность в различных районах Москвы, вплоть до своей трагической гибели в 1924 году.

Многим чертам характера сестры стремился подражать Ваня и никогда не скрывал этого. Позднее он заметит, что ее общественная деятельность вызывала у него «чувство восхищения».

*

Богородск конца XIX века, куда переехала из Мальцева-Бродова семья Скворцовых, был в ту пору заурядным городком Московской губернии, а точнее сказать, небольшим рабочим поселком с несколькими ткацкими и прядильными фабриками-мануфактурами. Самая большая из них — в Глуховке, на самой окраине Богородска, принадлежала А. И. Морозову, к которому весьма подходила бы кличка «миroeд». Не зря в Глуховке широкое хождение имела поговорка: «День не едим, два не едим. Немного погодим и снова не едим». Рабочих по всякому малейшему поводу и без повода штрафовали. Чуть опоздал — штраф. Не осилил тяжелую или сложную работу — штраф. Утащит мастер или приказчик материал —

тотчас же сваливает на рабочего, и тотчас же следует штраф. А уж если не поздоровался тот с мастером или, не дай бог, с самим хозяином, штраф следовал моментально. Покупать велено было продукты только в хозяйской лавке. Ослушался — сразу штраф. Морозов к тому же не появлялся на фабрике без плетки и часто любил пускать ее в ход. Не раз слышал от фабричных ребятишек Ваня Скворцов истории о жестокостях и гонениях «морозовских псов».

В день получки от заработка рабочего оставалось для семьи с гулькиным носом, потому что, помимо штрафов, заедал их «магарыч». Не сделал подношение — не получишь поблажки на работе и в подмастерья никогда не пробьешься. Уже будучи взрослым, Иван Иванович Скворцов долго хранил листовку, в которой говорилось о положении глуховских рабочих:

«Администрация смотрит на рабочую силу как на вьючную скотину. Среди мастеров поощряется взяточничество; берут птицей, овощами, яйцами, молоком, не возвращая посуду, в которой им приносят поделки. В ткацком отделении бракуют товар у тех, кто не покупает им водки и колбасы».

Великой радостью для Вани было появление в доме произведений Пушкина, Тургенева, Гоголя, Некрасова и других книг. К самым разным областям знаний разжег его интерес журнал «Семья и школа», рассчитанный на старших учащихся. Как-то Ваня раздобыл годовой комплект этого журнала и прочитал все номера от корки до корки. Каких только интересных статей и очерков здесь не встретилось ему! Рассказы Д. Мамина-Сибиряка, отрывок из романа Л. Толстого «Война и мир», повести Г. Мало и А. Доде, популярные очерки в форме занимательных этюдов по истории, географии, биологии, этнографии, астрономии, искусству. От любознательного взора мальчика не ускользнули рассказы о родной природе, о первых людях на земле, заметки по анатомии и физиологии человека.

С наслаждением читает он зарисовки о жизни насекомых и животных, о цветах и птицах. Вечерами, обжигаясь горячей картошкой за ужином, или перед сном слушают братья и сестра то, что узнал днем Ваня. А в воскресные дни он спешит на природу, чтобы самому проверить то, что недавно прочел из книг и журналов.

Задумчивость была, пожалуй, одной из примечательных черт Вани Скворцова в школьные годы. «А Ваня опять о чем-то мечтает», — шутили домашние. Тот только улыбался и снова погружался в мысли: это были размышления о прочитанной книге, об услышанном на уроке, об увиденном вокруг. Даже в шалостях сверстников в школе он почти не

участвовал, хотя очень любил юмор, потешные игры. Чаще всего в одиночестве сидел где-нибудь в укромном уголке и, наблюдая шумную возню товарищей, строил какие-то планы, с кем-то про себя спорил, доказывал. Его одноклассник Матвей Петрович Смирнов, впоследствии учитель-краевед, вспоминал, что Ваня отнюдь при этом не походил на замкнутого, скучного ученика, которому чужды были детские забавы, игры и даже проказы.

Учился Ваня превосходно.

Окончив с отличием в 1885 году Богородское городское училище, Иван Скворцов стал все больше интересоваться социальными вопросами, особенно под влиянием знакомства с такими литературно-публицистическими журналами демократического направления, как «Отечественные записки». Немало полезного для себя 15-летний юноша извлекали из журнала «Дело» (комплекты этих изданий за несколько лет дал ему почитать один школьный товарищ). В это время Иван Скворцов твердо решил стать учителем и непременно сельской школы, усматривая в этом и свое участие в популярном тогда народническом лозунге «идти в народ».

Первая попытка поступить в 1886 году в Московский учительский институт закончилась неудачей: огорченному абитуриенту весьма путано «объяснили», что он не прошел «по случаю небывалого конкурса». Однако это не остановило Скворцова, и в следующем году он снова сдает экзамены и становится студентом.

По тому времени учительский институт давал довольно широкое образование: здесь преподавались русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, биология («естественная история»), педагогика с дидактикой, история, чистописание, рисование и черчение. Среди внеклассных предметов значилась гимнастика. Но в числе первых дисциплин в программе значился закон божий. И неудивительно: религиозному воспитанию будущих наставников подрастающего поколения придавалось особое значение.

Иван Скворцов уже на первых порах студенческой жизни столкнулся со строгим распорядком дня по законам интерната: подъем в семь утра, отбой в одиннадцать вечера, лишь два послеобеденных часа на отдых и прогулку. В обязанности студентов входило ежедневное посещение приходской церкви да еще участие в церковном хоре. Пение вообще доставляло Ване много хлопот: и голосом не особенно «вышел», и «медведь на ухо наступил». Как и в училище, в институте приходилось много трудиться над чистописанием — в те годы да еще для учителя

начальной школы этот предмет значился среди ведущих. Жаловался Ваня сверстникам и на «отсутствие таланта» по рисованию. Четверки по пению, рисованию и чистописанию — это был «потолок» старательного студента. Зато он имел отличные оценки по всем остальным дисциплинам. Выпускное решение педагогического совета института гласило: «Способности — отличные... Стоит выше всех своих товарищей по развитию, способностям и познаниям; тверд и устойчив в своем поведении, в отношениях к товарищам добр и сердечен. Вообще направление его очень хорошее»...

И в этом не было преувеличения: его статьи в студенческом рукописном журнале удивляли не только глубиной мысли, но и отличным литературным стилем.

Сам переезд в Москву много изменил в жизни Ивана Скворцова. Самой большой радостью было посещение библиотек, открывшийся доступ к общественно-политической литературе, которая его все больше и больше увлекала. Он по-настоящему чувствовал себя счастливым человеком, когда удавалось достать билет в театр или на художественную выставку.

Из ежемесячных трех в среднем рублей «карманных денег», которыми располагал Ваня, основная доля тратилась на приобретение книг. Студент испытывал гордость оттого, что сумел приобрести павленковское издание сочинений Глеба Успенского и некоторые книги М. Е. Салтыкова-Щедрина. Еще в Богородске, читая комплект журнала «Отечественные записки», Скворцов обратил внимание на фамилию редактора — Н. К. Михайловский. В институте он узнал, что это один из известных представителей народничества. Иван выписал в библиотеке некоторые работы Михайловского, а также ряд трудов другого лидера народничества — Петра Лаврова.

В 80-е годы XIX века это были кумиры молодой разночинно-демократической интеллигенции. Особенно их идеями увлекалось студенчество. Обдумывая неудачный опыт «хождения в народ», Михайловский пришел к выводу, что разночинная интеллигенция — единственная общественная сила, способная вести сознательную борьбу с царизмом. В учении Михайловского Ивана Скворцова привлекало вместе с тем сочувствие угнетенному положению крестьян, его смелые призывы разрушить «старый, обветшалый мир». Лавров тоже считал двигателем прогресса интеллигенцию, а точнее — небольшую группу людей, которая должна была «вырабатывать программу необходимого развития общества». Подкупали мысли Лаврова о «непосредственном политическом действии»,

в том числе о терроре как основном методе борьбы с самодержавием. Теория «неоплатного долга интеллигенции» перед народом, призывы Михайловского и Лаврова к переустройству общественного строя на началах истины и справедливости воспринимались тогда малоискушенной в политической борьбе молодежью как лозунг свержения монархии.

И юный студент Иван Скворцов, по-юношески восхищаясь идеями Михайловского и Лаврова, естественно, не мог замечать их ошибок, их непонимания решающей роли рабочего класса в революционном преобразовании общества, хотя и чувствовал, что их работы не дают полного ответа на причины существующей несправедливости и не показывают, как все же покончить с ней раз и навсегда. Как-то раз он поделился с одним товарищем своими сомнениями по поводу отдельных выводов теоретиков народничества. Тот посоветовал обратиться прежде всего к «оппозиционной, критической литературе», которую обычно называли подпольной или нелегальной.

А вскоре он сам принес Ване несколько книг. Книги были разные: сочинения Лассаля, Прудона (они показались скучными), несколько книжек без указания автора (стояли только инициалы), памфлеты Льва Николаевича Толстого. Читая эти работы, Скворцов постепенно постигал, что общественный строй царской России нуждается в коренном преобразовании, что он несправедлив, ибо народ влачит полунищенское существование. Мысли Л. Толстого оставили глубокий след в душе, и Ваня, прежде чем вернуть полюбившиеся книги, стал их переписывать. Он целиком переписал «Исповедь» и «В чем моя вера?».

Толстовские поиски правды импонировали Ване, но пассивное отношение к жизни, толстовское непротивленчество насилию сразу же встретили возражение. К тому же писатель давал или, точнее, пытался дать ответ только на вопрос, как «жить лично», но не отвечал при этом на вопрос, *что нужно сделать, чтобы устранить существовавшее социальное зло.*

В 1880 году, окончив с золотой медалью Московский учительский институт, Иван Скворцов назначается учителем Арбатского городского четырехклассного начального училища в Москве. Из сведений о его пребывании в училище сохранилось лишь то, что молодой учитель, сея «разумное, вечное, доброе», сумел установить теплые отношения со своими питомцами. Он привил им вкус к познанию социальных законов, сумел вселить во многих учащихся интерес к идеям революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Писарева, Огарева.

Молодой педагог, только что вошедший в самостоятельную жизнь,

продолжал читать в несметном количестве самую разнообразную литературу по вопросам устройства общества, труды западноевропейских и русских экономистов, философов, социологов и историков. Из всего «литературного фонда» Скворцов стал отдавать предпочтение экономическим работам. Как правило, в те годы подавляющую часть книг и брошюр составляли сочинения народников и буржуазных либералов. Запомнилась ему работа Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», содержащая любопытный материал о развитии капиталистических начал в экономике. Но автор книги полагал, что этот процесс подрывает «все существование России и русского народа» и призывал «прекратить ломку веками сложившегося производства». Как и другие идеологи либерального народничества, Даниельсон выступал с теорией отсутствия в стране внутреннего рынка, идеализировал сельскую общину, кустарные промыслы. Несмотря на то что Даниельсон был одним из первых переводчиков «Капитала» Карла Маркса и находился с ним в переписке, он в целом не разделял марксистское учение.

И вот, «читая все подряд», учитель Скворцов вскоре сам почувствовал, что «в голове стоит невероятный либерально-народнический сумбур». «Мы много читали, — вспоминал, уже будучи зрелым марксистом, Иван Иванович, — но чем больше читали, тем запутаннее становилась неразбериха, царившая в голове». Те случайные книги, которые попадали под руку, в целом не давали ясного ответа на мучившие вопросы. Перед ним открылась целая гамма различных, порою противоречивых теорий, доктрин, идей, мнений. И немудрено, что молодой учитель в них запутался, не мог уяснить, каков же наиболее правильный путь.

Вступив в нелегальный кружок, объединивший группу прогрессивно мыслящей учительской интеллигенции Москвы, Иван Скворцов выступил на нем с разбором нашумевшей тогда книги «легального марксиста» Петра Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Соглашаясь с автором относительно капиталистического пути в экономике страны, Скворцов полемизировал в статье-реферате со Струве в том, что в России капитализм якобы развивается без «классовых противоречий и насилия». Так состоялось, по сути, первое выступление Скворцова в роли полемиста. Не все доказательства и утверждения в реферате отличались безукоризненной аргументацией, логикой, но позже выяснилось: некоторые его мысли совпали с тем, что доказал с подлинным блеском Владимир Ульянов (Ленин) в опубликованном в 1899 году труде «Развитие капитализма в России». Этим классическим исследованием был

нанесен ощутимый удар и народническим и либеральнобуржуазным взглядам по вопросу о судьбах капитализма в условиях российской действительности.

Свое обращение к изучению марксистской литературы Иван Иванович Скворцов-Степанов считал совершенно закономерным. В определенной мере, шутил он позднее, «мое знакомство с сочинениями народнического и либерально-буржуазного направления по проблемам экономики привело к знакомству с работами их оппонентов — марксистов». Однако в то время труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса в России являлись большой редкостью, да и издавались в переводах, порою приблизительных, а то и в вольных пересказах, зачастую искажавших смысл основных положений авторов. «Первый том «Капитала» давно превратился в библиографическую редкость, — вспоминал Скворцов-Степанов. — Я еще и теперь помню, каким великим счастьем для меня было, когда удавалось достать этот том на одну неделю. К половине девяностых годов начали изредка попадаться другие работы Маркса и Энгельса, частью привезенные из-за границы, частью воспроизведенные в России гектографическим и литографическим способом. Так мне попала часть «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, а позже — «18-е брюмера» К. Маркса и «Коммунистический манифест».

Чтобы читать произведения основоположников научного коммунизма без каких бы то ни было искажений со стороны различных ревизионистов и фальсификаторов, требовалось хорошее знание немецкого языка. И со свойственным ему упорством Иван Скворцов берется за его изучение. Два года труда, кропотливого и настойчивого, потребовалось ему, чтобы уметь в подлиннике читать марксистскую литературу. Сам процесс переводов настолько увлек Скворцова, что в дальнейшем он считал эту работу чуть ли не самым главным своим занятием, постоянно совершенствуя технику перевода. Его переводы и поныне считаются блестящими. Немаловажным обстоятельством стало и то, что благодаря своей переводческой деятельности Скворцов получил возможность зарабатывать дополнительные средства на жизнь.

Учительский институт оказался последней ступенькой в формальном образовании Ивана Скворцова. И чтобы расширить и углубить свои знания, он упорно занимался самообразованием. Иван обычно работал по 14–16 часов в день. Ему даже стало казаться, что сон отнимает у человека слишком много времени. Учительская работа, переводы на дому, участие в нелегальном кружке, где читали вслух новейшие «крамольные» статьи и обсуждали прочитанное, составляли и печатали революционные

прокламации, — все это требовало немалого времени. К тому же, как и все остальные члены кружка, Скворцов посещал рабочие собрания, распространял антиправительственные листовки.

Итак, самообразование явилось единственным выходом для расширения знаний, общего кругозора. И Иван Скворцов следовал принятому решению всю последующую жизнь.

Между тем наступили тяжелые времена. Голодная зима 1891/92 года принесла народу новые страдания. Лишенные какой-либо помощи, умирали от голода и болезней тысячи обездоленных крестьян. По стране прокатываются рабочие и студенческие волнения, беспокойно стало и в деревне. Активизировали свою деятельность различные подпольные организации и кружки.

Иван Скворцов имел связи сразу с несколькими нелегальными кружками, и в частности с небольшой группой на Арбате, которой руководил И. С. Распутин. В нее входили химик Василий Бахарев, студент-естественник Михаил Егоров и студентка-филолог Тамара Якимова. В феврале 1892 года группе удалось достать гектограф — самодельный аппарат, на котором можно было отпечатать несколько десятков копий рукописи, написанной особыми чернилами.

Несмотря на большие предосторожности, власти стали догадываться о существовании арбатской нелегальной группы, и примерно с весны 1894 года Иван Скворцов — объект пристального внимания жандармерии.

Ивана часто можно было видеть на собраниях студенческих землячеств, обычно в общежитиях Московского университета на Малой Бронной. Это были трехэтажные дома владельца Гирша, больше смахивающие на казармы. «Пристанища римских гладиаторов», — шутили студенты. Скворцов вступил в землячество студентов-вятичей и активно включился в литературно-политические дискуссии, которые проходили на вечерних собраниях. Собрания были популярны — их посещала и демократически настроенная интеллигенция. Больше всего Иван Скворцов предпочитал выступать в дискуссиях по теоретическим вопросам и наболевшим текущим проблемам дня. К его выступлениям особенно прислушивались: он покорял многих силой убеждения, логикой мысли, компетентностью.

Круг знакомых и друзей Скворцова начал расширяться, и наступила пора сближения с такими интересными людьми, как В. А. Руднев (Базаров), Н. В. Соловьев, семья Величинных, муж В. М. Величкиной В. Д. Бонч-Бруевич.

Большим доверием и симпатией проникся в эти годы Скворцов к

Николаю Васильевичу Соловьеву — человеку незаурядному. Он учился в Симбирской гимназии в одном классе с Александром Ульяновым, дружил с ним. Хотя Соловьев не принимал прямого участия в революционной деятельности, он искренне сочувствовал положению угнетенного народа, был потрясен казнью Александра Ульянова, гневно осуждал палачей. Когда Соловьев познакомился со Скворцовым, тот материально нуждался, и семья Соловьевых всегда приходила ему на помощь.

Общественная активность Ивана Скворцова возросла с вступлением его в комитет грамотности — организацию, которая ставила своей целью распространение знаний в массах. В Московский комитет грамотности входило немало деятелей культуры и просвещения. Общение с ними, выступления на рабочих, студенческих сходках, учительских конференциях очень обогатили Скворцова.

Однажды на одном из студенческих собраний на Малой Бронной в конце дискуссии, проходившей довольно вяло, слово взял черноволосый, с густой бородой, в очках высокий молодой человек, лицо которого показалось Ивану знакомым. Оратор произнес зажигательную речь и в заключение выступления внес предложение о политических демонстрациях. Большинство заколебалось, и даже раздались возгласы, что следует подать петицию Николаю II. Потом наступила тишина. И вот слово взял Иван Скворцов. Идя к трибуне, он еще раз взглянул на предыдущего оратора и вдруг вспомнил: «Ну, конечно, это «Бонч», муж Веры Михайловны Величкиной, с которым она недавно его познакомила». Он улыбнулся ему, кивнув головой. Бонч-Бруевич тоже его узнал...

Скворцов говорил горячо, короткими хлесткими фразами. Говорил убежденно о необходимости открытого возмущения антинародными действиями самодержавия. Выступивший следующим Вацлав Воровский тоже высказался за проведение политической демонстрации.

Она состоялась, и ее по праву отнесли потом к числу *нашумевших*. Тогда многие увидели в первых рядах манифестантов одного из инициаторов демонстрации и ее организатора Ивана Скворцова.

Между тем после смерти императора Александра III представители либеральной буржуазии, среди которых было немало известных профессоров и журналистов, начали выражать свои верноподданнические чувства, восхваляя покойного самодержца. Под давлением совета Московского университета профессор русской истории В. О. Ключевский (в течение двух лет он исполнял обязанности наставника сына Александра III Георгия) 28 октября 1894 года произнес на заседании Общества истории древностей российских, председателем которого он являлся, речь «Памяти

в бозе почившего государя императора Александра III». Речь слывшего либералом знаменитого историка, так почитаемого передовым студенчеством за свое остроумие и блестящие знания, изобиловала... почтительными эпитетами и восхвалениями «свинцового» Александра III — гонителя всего передового.

Власти тотчас же воспользовались этим: произнесенная в узком кругу слушателей речь была неожиданно для самого В. О. Ключевского издана отдельной брошюрой и напечатана в «Московском вестнике».

Демократическое студенчество не могло простить профессору подобного угодничества. Иван Скворцов (регулярно посещавший лекции В. О. Ключевского) при участии своего брата Николая и нескольких студентов из кружка землячества вятичей скупил около 200 экземпляров брошюры и выпустил ее как бы в виде «второго, исправленного и дополненного издания»: они вклеили перед основным текстом речи отпечатанную на гектографе басню Д. И. Фонвизина «Лисица-кознодей», в которой после хвалебного выступления лисицы по поводу умершего льва крот шептал о зверствах покойного:

О, лесть подлейшая...
Я льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой высшей власти
Он только насыщал свои тирански страсти,
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи...

В басне лев именовался «знатным скотом», обожавшим лесть. И когда 30 ноября 1894 года Василий Осипович Ключевский переступил порог аудитории, чтобы прочесть очередную свою лекцию, депутация студентов по предложению Ивана Скворцова «торжественно» преподнесла ему «второе издание» речи.

Поучительная сцена с подношением «второго издания» брошюры ее автору, а также последующие студенческие брожения получили большую огласку, в том числе в революционно-демократических кругах России. 13 декабря 1894 года В. И. Ленин в письме из Петербурга в Москву сестре Марии Ильиничне настойчиво просил сообщить об этом эпизоде: «Напиши еще, если удобно, об истории в Университете с Ключевским. Говорят, он

какую-то лекцию читал, потом какую-то книгу издал. Я не видал даже заглавия этой книги; интересно бы узнать»^[1].

Более 50 студентов за «бунтарское поведение», а также за «освистание и ошикание» профессора были арестованы, и часть из них выслана из Москвы.

*

На межземляческих собраниях студентов и молодежи, которые продолжал активно посещать Иван Скворцов, все чаще стали выступать марксисты социал-демократы, отличавшиеся от других ораторов не только смелостью своих суждений, но и большей глубиной логики, четкими аргументами. Доставалось в их речах и властям, и либеральной буржуазии, и либеральному народничеству. Именно к середине 90-х годов XIX века освободительное движение России вступило в качественно новый этап, который В. И. Ленин определил как пролетарский: на смену разночинцу пришел рабочий. С этого времени социал-демократия превращается в активную политическую силу.

Как-то в феврале 1894 года на нелегальной вечеринке учащихся Московского технического училища Скворцов услышал выступление Мартына Николаевича Лядова (Мандельштама), который изложил взгляды русской социал-демократии на коренные вопросы общественной жизни, резко расходившиеся с идеями народничества, не говоря уже о положениях, которые пытались развивать так называемые «легальные марксисты». Лядов призвал интеллигенцию нести рабочим свои знания, активно включиться в рабочее движение, которому принадлежит будущее. Трудно сказать, что заставило Ивана в тот вечер выступить против доводов Лядова — чувство солидарности с В. А. Рудневым (который имел на него большое влияние), шумно пытавшегося опровергнуть положения марксиста, или, может быть, повышенное тогда стремление «ниспровергать все на свете». Во всяком случае, Иван Иванович впоследствии едко иронизировал по поводу своего выступления на той вечеринке: «Таким был путь многих, нечетко еще представлявших себе принципы научного коммунизма. Но время поставило их на путь истинный».

Однако более примечательным было то, что Скворцов спустя буквально несколько месяцев стал посещать марксистский семинар, которым руководил Л. П. Радин. Это было время, когда, как писал В. И. Ленин, «встретились два глубокие общественные движения в России: одно

стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»^[2].

Руководитель семинара Леонид Петрович Радин был талантливым химиком, учеником великого русского ученого Д. И. Менделеева, прошел курс наук в Московском и Петербургском университетах. Был изобретателем, поэтом-революционером. В 1896 году в тюрьме написал ставшую впоследствии очень популярной в народе революционную песню «Смело, товарищи, в ногу...», в которой призывал свергнуть «могучей рукою гнет роковой навсегда» и водрузить «над землею красное знамя труда».

Известен Радин и как одаренный популяризатор науки, подготовивший, в частности, книгу «Простое слово о мудреной науке (начатки химии)». Манера изложения Леонида Петровича сложных вещей простым, доступным языком, его приемы раскрытия основ знаний для трудового народа сказались в дальнейшем на творческом почерке его ученика Ивана Скворцова, и прежде всего на его литературном стиле. Семинар, который посещал Скворцов, в основном состоял из рабочих. Да это и не удивительно: в те годы Радин являлся одним из руководителей Московского рабочего союза, который ставил перед собой цель — марксистское просвещение пролетариата. Конечно, в кружок Радина попадали не все желающие рабочие, поскольку он был довольно строг в выборе слушателей и требовал от них серьезной учебы. А Скворцов ему сразу понравился во многих отношениях: привлекал его природный ум, пытливость, смелость суждений, стремление самостоятельно разобраться в сложных социальных и философских вопросах. К тому же Скворцов оказался весьма сильным полемистом и наиболее подготовленным из всех слушателей в плане теоретическом. Нравилось Радину и то, что Скворцов обычно выбирал, как казалось всем слушателям, наиболее трудные темы для рефератов, а готовил их быстро. Как правило, это были доклады по политико-экономическим проблемам.

Посещая кружок Радина, Иван сблизился с другими социал-демократами. Они помогали ему доставать необходимую литературу нелегального содержания, в том числе труды Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «Всероссийское разорение», номера журнала «Социал-демократ» и другие издания. Скворцов делился ими не только с членами семинара, некоторые книги он на время давал, например, В. Д. Бонч-Бруевичу.

Пришла пора, когда Радин поручил Скворцову самостоятельно, уже в

роли руководителя, заниматься с рабочими. Иван тщательно подготовился к первому семинарскому обсуждению. Он даже как мог принарядился по этому случаю, на занятие пришел гораздо раньше слушателей, разложил на столе горку книг и брошюр. Надо заметить, что и в дальнейшем он строго придерживался этого правила.

Используя опыт Радина, Скворцов сам постепенно перешел к подготовке наиболее способных рабочих для пропагандистской работы. В процессе изучения марксистской литературы Иван начал освобождаться от известного налета народнической идеологии, которой, кстати говоря, были подвержены в то время многие молодые и не только молодые социал-демократы или сочувствующие им. Такой же примерно путь проходило почти все первое поколение русских социал-демократов — М. И. Бруснев, Л. Б. Красин, Н. Е. Федосеев, С. И. Мицкевич и многие Другие.

У Ивана Скворцова имелись связи и с некоторыми другими кружками. И эти связи не всегда оставались незамеченными. Так, весной 1895 года произошло событие, повлекшее за собой арест Скворцова. Полиции стало известно, что члены кружка И. С. Распутина, с которыми продолжал поддерживать некоторые связи Иван Скворцов, пришли к решению подготовить убийство Николая II, приурочив акцию к предстоявшей коронации самодержца в Москве в 1896 году.

Группу Ивана Распутина полиция выдала провокатор — некая Гернгросс-Журченко. А для придания столь малочисленной организации видимости большого заговора, от которого спасена «августейшая особа», провокатор попыталась впутать в него как можно больше лиц. В первую очередь она назвала и тех, кто был знаком с этой группой. В числе их оказался И. Скворцов. О ближайших планах участников кружка Скворцов ничего не знал, а к тактике индивидуального террора относился скептически. Да к тому же группа Ивана Распутина больше рассуждала о терроре как таковом (о том, как «эффектно это все прозвучит» по стране), чем готовила конкретный серьезный план уничтожения монарха.

Но так или иначе, а в ночь на 4 мая 1895 года Иван Скворцов был арестован. Однако, как ни старался следователь доказать причастность Скворцова к распутинской группе, ему это так и не удалось. Тогда в ход было пущено то, что обнаружили при обыске, «произведенном у учителя Арбатского городского училища И. И. Скворцова, как-то: февральская книжка 1890 года журнала «Социал-демократ», книга К. Каутского «Эрфуртская программа» на немецком языке, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (и отдельные листы этого романа)». К следственному делу полиция приложила также письмо Скворцова от 5 января 1895 года,

обращенное к неизвестной соратнице по борьбе, в котором автор давал совет, как устроить на фабрике книжный склад и бесплатную читальню для рабочих, как организовать вечерние школы и распространять литературу для чтения малограмотным.

Одним словом, полиции не удалось выявить доказательства непосредственного участия Ивана Скворцова в подготовке террористического акта против царя, мало что дала и филерская слежка, а найденная литература тоже представлялась не совсем опасной для трона. И все же Иван был взят под стражу.

«Я чую, — заявил сомневавшемуся следователю жандармский подполковник, — этот Скворцов революционер большой руки. Он отменный конспиратор. А представится возможность — глазом не моргнет, чтобы от государя избавиться».

На свободу Иван Скворцов вышел лишь после шестимесячного заключения. Находясь в тюрьме, он сумел не только прочесть много книг и брошюр (с помощью хорошо организованного распространения по камерам запрещенной литературы), но и нашел возможность продолжить изучение немецкого языка.

О восстановлении на прежнюю работу учителем не могло быть и речи. После заключения Иван испытывал немалые материальные трудности. Приходилось существовать на случайные заработки (переводы, уроки на дому). Друзья, близкие как могли оказывали ему помощь. Привычный ритм его жизни был, пожалуй, изменен только одним важным обстоятельством — на одном из вечеров он познакомился с молодой учительницей Ольгой Износ-новой, которая спустя несколько лет стала его женой (в 1899 году).

Ольга родилась в Казани, ее отец — известный деятель просвещения Плиодор Александрович Изпосков. Когда семья Износковых переехала в Москву, Ольга стала учительствовать. Здесь в конце 1895 года и состоялась встреча Ивана и Ольги. Они оказались и единомышленниками, соратниками по общей борьбе.

В конце 1895 — начале 1896 года Москва стала местом II съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Россию. Материалы, которые были оглашены в выступлениях работников просвещения, свидетельствовали о том, что повсюду власти стремились урезать и без того мизерные расходы на школьное дело. Если в 1887 году на просвещение ассигновалось 16,14 процента от государственного бюджета, то в 1893 году — лишь 14,1 процента (абсолютная цифра не достигала на всю Россию и 7 миллионов рублей).

На одном из заседаний съезда выступил отец Ольги Износковой —

Плиодор Александрович. В целом Иван одобрительно отнесся к его речи, в которой, в частности, обращалось внимание на крайне малое число воскресных школ в приволжских городах. Самому же Ивану с трудом удалось добиться слова во время работы одной из секций съезда 29 декабря. Свою речь он посвятил проблеме всеобщего обучения. «Недостаточное количество начальных учебных заведений, — сказал он, — не дает никакой возможности охватить учебой всех детей школьного возраста. А ведь мы говорим о двух-или трехлетних сельских начальных школах, где крестьянских детей учат лишь письму и счету...

Народ наш, — продолжал Иван в притихшем зале, — хочет разобраться во тьме, стремится увидеть какой-нибудь просвет». Далее оратор подчеркнул: «Разговоры о том, что родители из простых семей противятся образованию детей, — пустые разговоры, ибо трудовые массы тянутся к просвещению, которого они лишены сегодня. А уж если и не идут ребята в школу, то причина в том, что бедность людей труда не позволяет им посылать детей учиться. И самих школ — единицы...

Нам следует, — заключил он, — говорить прежде всего о признании за населением права учиться, а не отвлеченно рассуждать о том, «как гонять его в школу», проявляя о нем столь лицемерную «заботу».

Скворцов сошел с трибуны. Часть зала зааплодировала. Слышались и неодобрительные возгласы. Больше всего был взволнован сам Скворцов — ведь это было первое его публичное выступление на большом всероссийском собрании.

Пришел новым, 1896 год. Московская знать суетливо готовилась к приезду царя Николая II на коронацию. Прибавилось хлопот и полиции и жандармерии: спешно составлялись списки неблагонадежных, замелькали шпики, занервничали городовые. В число «смутьянов» попал и Иван Иванович Скворцов. Выступление его на съезде работников образования тоже не прошло мимо ока III отделения. 17 января министр юстиции Н. В. Муравьев отправил заключение прокурору в министерство внутренних дел. Заключение имело пространный заголовок: «О политической неблагонадежности И. Скворцова и других, как свидетельствуют их сношения с преступной средой и найденные у них сочинения противоправительственного содержания». Министр рекомендовал Скворцова и подобных ему лиц «подчинить гласному полицейскому надзору вне столиц, столичных губерний, университетских городов, а также г. Ярославля». 14 февраля 1896 года И. И. Скворцов высылается на три года в Тулу.

Готовясь к коронации Николая II, полиция постаралась «особо

неблагонадежных» удалить из Москвы или посадить в тюрьму. Ивана обрадовало только одно: в Тулу была сослана Ольга, ставшая в это время настоящей марксисткой. Здесь он также встретил много товарищей по революционной работе в Москве, в том числе Л. П. Радина. И учитель и ученик были рады встрече, а уже их первые беседы показали, что оба к этому времени стали еще больше понимать растущую силу пролетариата. Происходившие в стране студенческие, рабочие, крестьянские волнения с особой силой подтверждали теоретические выводы марксизма. «Остальное, — как замечал И. И. Скворцов, — доделала знаменитая петербургская стачка в мае 1896 года».

Краткие достоверные сведения Иван Иванович получал о стачке благодаря содействию Л. И. Радина: это были шифрованные письма, которые посылались из Петербурга столичными социал-демократами тульским товарищам. (Они были написаны раствором серной кислоты.) Петербургская стачка текстильщиков поразила Ивана Ивановича своей силой и организованностью. Она как бы олицетворяла степень размаха общероссийского рабочего движения. В организованном Скворцовым кружке рабочий-слушатель задал ему вопрос: как он оценивает стачку? Иван Иванович ответил:

— Да, здесь было движение, здесь была почва для революции. Петербургская стачка действительно потрясла застойное общество. А вспомним, что сказал о ней Г. В. Плеханов: «...Явление совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хоть немного знакомого с полицейским режимом Русского государства».

Обстановка гнетущего полицейского режима наиболее впечатляюще проявилась в Москве. Власти приказали украсить дома и улицы в честь «великого дня» и объявили бесплатное угощение московского люда на Ходынском поле. Но ни московский губернатор, ни высокие чины полиции не готовились к бесплатной раздаче грошовых «царских подарков». И произошла страшная трагедия.

18 мая 1896 года многотысячная толпа, никем не сдерживаемая, ринулась на Ходынское поле. Началась давка, которая привела к гибели и увечью сотен людей. Даже по официальным, явно приниженным данным, было задавлено более тысячи ста человек. Ходынскую давку описали в своих произведениях Лев Толстой и Максим Горький — это жестокое побоище возмутило всю передовую Россию.

С содроганием узнал о трагедии и ссыльный И. И. Скворцов. На рабочей сходке он читает собравшимся стихотворение тульского конторщика Николая Чудова «Николаю Второму на память о коронации»:

Злая совесть тебя не тревожит
В тайниках недоступных дворцов,
Или ты не видел, быть может,
Этих тысячи ста мертвецов?
Без тебя они в землю зарыты,
Не печалься и помни свой век,
Что тобою безвинно убиты
С лишком тысяча сто человек!
«Божьей милостью» кровь их и стоны,
Как урок их собратьям живым,
Станут новым алмазом короны,
Опозоренной родом твоим...

Стихотворение анонимно было разослано по редакциям газет и журналов. Получили его и чины тульской полиции...

Еще в Москве Иван Иванович начал пробовать силы на литературном поприще. В Туле он продолжил работы над небольшими обзорами, рецензировал книги. Иногда местные газеты и журналы помещали его статьи. Старожилы города томились скукой, «процветало» мещанство. 23 сентября 1896 года в письме в Москву друзьям Иван Иванович Скворцов с грустью описывает местное обывательское болото, «губившее все живое, передовое». В ходу «городские разговоры, ссоры и глупость».

Настроение Ивана Ивановича изменилось с тех пор, как он сблизился с рабочим Тульского оружейного завода И. И. Савельевым, а также с сосланными в Тулу А. А. Малиновским (Богдановым), В. А. Рудневым (Базаровым), которых знал еще по Москве, познакомившись с ними на одном из межземляческих собраний.

А. А. Богданов был сослан в Тулу в 1894 году. Это был одаренный человек. Родился в семье учителя в 1873 году. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, спустя несколько лет окончил медицинский факультет Харьковского университета. Считался большим эрудитом среди сверстников и в области социальных наук, особенно в политэкономии, философии и социологии. Ко всему этому Богданов являлся, несомненно, способным писателем. Владел несколькими иностранными языками, много читал. Он всю жизнь стремился к созданию максимально стройных схем, в которых выражалось бы все многообразие бытия. Схематизм этих построений стал его слабостью, хотя Богданов всегда отстаивал его фанатично, всей силой своего ума и характера.

«Переболев народничеством» Александр Александрович Богданов не без влияния тульских рабочих, и в первую очередь одного из основателей Тульской социал-демократической организации, рабочего Ивана Ивановича Савельева, стал пропагандистом марксизма.

С первых лет пребывания в Туле А. А. Богданов вел записи своих бесед с тульскими рабочими и задумал написать популярный очерк по политэкономии. К подготовке этого труда он привлек Ивана Ивановича Скворцова, горячо поддержавшего его идею. Они вместе обсуждали структуру будущей книги, содержание ее разделов, по несколько раз ее переделывали. По существу, Скворцов был ее соавтором, но наотрез отказался поставить свою фамилию на титульном листе, считая свой вклад в подготовку книги скромным. Работа увидела свет в 1897 году под названием «Краткий курс экономической науки». Книга была издана в Москве (Издательство книжного склада А. Муриновой). Это был, пожалуй, первый популярный в России учебник политической экономии. Несмотря на то что по нему прошла рука царского цензора, учебник в целом обладал большими достоинствами, сыграв позитивную роль в политическом просвещении русского пролетариата. Его перевели на ряд европейских языков.

Самым примечательным было то, что весной 1898 года рецензентом книги выступил Владимир Ильич Ленин, обратив внимание читателей на «выдающиеся достоинства этого сочинения». Он расценивал работу как «замечательное явление в нашей экономической литературе». При этом он указал на то, что рецензируемая книга несвободна от некоторых недостатков. Один из них — «отсутствие примеров из русской жизни»^[3]. Положительно отозвался о «Кратком курсе экономической науки» также Г. В. Плеханов.

Впервые Иван Иванович Скворцов-Степанов познакомился с ленинскими произведениями именно в тульской ссылке — в 1896 году. Большое впечатление на молодого революционера произвела статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». (По поводу книги П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Спб., 1894.) Статья Владимира Ильича, написанная им в 1894–1895 годах, вышла в сборнике статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Это была первая работа Ленина, помещенная в легальной печати. Почти весь тираж сборника, 2 тысячи экземпляров, был конфискован и уничтожен полицией. Удалось спасти лишь около 100 книг, которые тайно распространялись по России.

И вот один экземпляр попал в 1896 году в Тулу, где с работой

познакомились И. П. Скворцов, А. А. Богданов, В. А. Базаров и другие ссыльные. Статья В. И. Ленина оказала на Ивана Ивановича, по свидетельству Богданова, «очень сильное влияние», став тем решающим толчком, который способствовал его переходу к марксизму. Именно с 1896 года Скворцов порывает с народничеством...

Впоследствии отношения Скворцова и Богданова стали охлаждаться из-за отхода последнего от научного коммунизма. Товарищеские споры переросли в конце концов в острые идейные разногласия между ними^[4].

Во время тульской ссылки Скворцов сблизился также с Владимиром Александровичем Базаровым (Рудневым), у которого было много сходного с судьбой Богданова.

С начала 90-х годов Базаров примкнул к революционному движению, вступил в 1896 году в социал-демократическую организацию. В Туле, куда его сослали власти, он стал руководить рабочими кружками, а когда грянула революция 1905–1907 годов, сосредоточил основные усилия на организации ряда большевистских изданий. Творческое содружество Базарова со Скворцовым особенно проявилось в работе по переводу «Капитала» Карла Маркса в 1907–1909 годах. Наступившие годы реакции после поражения первой русской революции стали временем его отхода от большевизма. Базаров отказывается от переработки и подготовки к печати последующих изданий «Капитала», прекращает деловые связи с Иваном Ивановичем. В одном из писем к Скворцову он отмечает, что после стольких лет дружеского согласия между ними «пробежала черная кошка». Этой «черной кошкой» стали острые идеологические разногласия.

Занятия в кружках с тульскими рабочими Иван Иванович Скворцов начал вести с осени 1896 года и почти три года занимался их политическим просвещением. «Хорошее было время», — скажет он потом.

В те годы Тула стала уже большим промышленным центром. Действовали оружейный, патронный, металлургический заводы. Дымили доменные печи, самоварня, железоскобяная фабрика, давал продукцию завод сельхозмашин. Всего в Туле трудилось около ста тысяч пролетариев. И Ивану Ивановичу было радостно, что, работая в этой среде, он все больше убеждался в том, с какой пытливой, жаждущей. политических знаний аудиторией приходилось ему иметь дело. Пожалуй, самой высокой оценкой революционно-просветительской деятельности Скворцова в Туле было то, что часть рабочих-агитаторов, подготовленных в его кружке местной социал-демократической организацией, была направлена для самостоятельной работы в другие места Тульской губернии.

В летнее время в целях конспирации Скворцов занятия с участниками

кружка проводил обычно за городом — на полянах и в перелесках под Старым Басовом, в Баташевском лесу, а осенью — в Петровском парке города. Иван Иванович хорошо понимал, что он не может не находиться под постоянным наблюдением филеров. И чтобы запутать их, он нередко подолгу петлял по городу, а затем совершал большие круги по пригородным дорогам, прежде чем попасть на условленное место в лесу. Приходилось порою шагать пешком до 30 верст и даже больше. К тому же он с детства был прекрасным ходоком, и эту «производственную гимнастику» считал очень полезным делом для здоровья. По его примеру так действовали и кружковцы. Как правило, полицейские ищейки сбивались со следа...

Зимние холода загоняли группу Скворцова под крышу. Чаще всего кто-нибудь из рабочих-кружковцев нанимал за небольшую приплату из скромных общественных средств неказистую хибарку на окраине Тулы. Как всегда, собирались с большими предосторожностями.

Никогда не отказывался Скворцов выступать и в других кружках, где вели занятия его единомышленники. Однажды, в октябре 1896 года, старосте одного заводского кружка С. Я. Пудову сообщили, что сегодня у них занятия проведет «Большой». Многие и раньше слышали, что особенно повышенной популярностью среди тульских пролетариев пользуются беседы, проводимые социал-демократом, ссыльным из Москвы по конспиративной кличке «Большой».

Был темный октябрьский вечер. На квартире рабочего-оружейника Суркова, что на Ильинской улице, собралось человек десять. Дежурили на улице выделенные рабочие. Один из них ждал «Большого» за несколько домов от места встречи. Появилась высокая плечистая фигура в широкополой шляпе. «Действительно большой», — невольно подумал встречающий. Сказал пароль. Тот ответил. А в это время второй дежурный-рабочий внимательно наблюдал по сторонам, не притаился ли случайно гость за собой «хвост».

Шли молча. Оба с любопытством рассматривали пропагандиста. В косоворотке. Длинные светло-русые волосы, зачесанные назад, густая борода делали его похожим на сказочного русского богатыря-воина. «Большой» заговорил, спросив, сколько пришло рабочих, каков состав кружка, что их больше интересует. Говорил гость с небольшим оканьем, четкими фразами. Речь мягкая, сразу располагала к откровенности.

— Вечер добрый, друзья, — сказал «Большой», входя в хижину. Он пожал всем руки, при этом пристально глядя каждому в глаза, и, прежде чем приступить к беседе, вдруг спросил: — А если заявятся «синие

штаны», что будем говорить им?

— Кто? «Синие штаны»? — сразу спросило несколько голосов.

— Да опекуны наши назойливые. Полиция то бишь.

И сам же ответил:

— Скажем, что я зашел к знакомому мастеру с друзьями, чтобы отдать ему в починку курок к охотничьему ружью.

Он достал завернутый в тряпку курок и попросил разложить на столе для пущей видимости другие детали и инструменты.

— А теперь — за работу!

Занимались часа три. «Большой» говорил свободно, без «бумажки», чеканя фразы, которые хорошо запоминались, поскольку он возвращался к сказанному по несколько раз. Говорил медленно, прохаживаясь вдоль небольшого стола, чутко угадывая, когда то или иное положение требовало более пространного или популярного объяснения. Вопросов было много. Он отвечал на них охотно, просто и, чувствовалось, со знанием существа дела.

Занятия в кружке Иван Иванович чередовал с выступлениями самих рабочих-слушателей по самым злободневным вопросам труда и быта, умело связывая их рассказы с тем, что они слышали от самого пропагандиста. Скворцов всегда придерживался строгой конспирации, и именно поэтому в его пропагандистской работе не было ни одного провала, хотя временами число слушателей превышало 30–40 человек. Конечно, фигура Скворцова в прямом смысле была очень заметной, и тульский обыватель не мог пропустить ее мимо своего «вездесущего взора». Так, по городу ходил слух, что ссыльный Скворцов не кто иной, как... сын министра (в крайнем случае — губернатора). И что он очень дерзкий и даже посмел как-то непристойно вести себя в присутствии августейшей особы, наговорив «царю-батюшке ужасную правду-матку». За это и попал в опалу. Как ни странно, подобным слухам верили и некоторые тульские чины, которые сторонились московского бунтаря, решив, что будет лучше с ним на всякий случай просто не связываться. Может быть, потому и доносов по его адресу было немного.

Одной из причин успешного развертывания революционно-просветительской деятельности ссыльных социал-демократов среди тульских рабочих была их связь с преподавателями воскресных школ, которые охотно посещали занятия заводских кружков и всячески помогали рабочим в их учебе. В свою очередь, социал-демократические организации Тулы считали своей первейшей обязанностью помощь воскресным школам, что прежде всего сказывалось в усилении политического содержания учебы

слушателей этих школ. Кружок, которым руководил Иван Иванович Скворцов, особенно сдружился с воскресной школой, где вела занятия учительница Л. А. Басова.

Для Скворцова было особенно радостным то, что несколько слушателей его кружка затем стали руководить молодежными группами, которые тоже тянулись к передовой теории и мечтали в дальнейшем влиться в ряды революционеров. В основном это была рабочая молодежь. «Штаб-квартира» всех рабочих кружков Тулы находилась в доме Сушкина на Киевской улице (ныне улица Коммунаров). Там же хранился гектограф и основная часть нелегальной литературы. Конечно, в целом кружкам было не под силу возглавить начавшееся революционное брожение в Тульской губернии, стать центрами борьбы тульского пролетариата. В то же время нельзя не учитывать и то, что из кружков вышло немало профессиональных революционеров, составивших ядро будущей губернской организации РСДРП.

«Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса стал работой, с которой в первую очередь знакомились на занятиях тульские рабочие. Кроме этого произведения научного коммунизма, Скворцов знакомил слушателей с основными трудами Г. В. Плеханова, с работой К. Каутского «Эрфуртская программа», читал им курс основ политэкономии.

В феврале 1899 года окончился срок ссылки Скворцова в Туле. По совету друзей и при активном содействии социал-демократической организации Ивану Ивановичу удалось выехать в Германию, где он пробыл четыре месяца. Здесь он сумел издать брошюру о государственном устройстве Англии и России. В основу ее легли материалы занятий Ивана Ивановича в тульских рабочих кружках. (Спустя десять лет он переиздал ее под псевдонимом Д. Седого в российском издательстве М. Малых.) Скворцов побывал в Берлине и в других крупных городах Германии, познакомился с некоторыми видными деятелями немецкой социал-демократии. Скупно рассказывал он впоследствии о своем первом пребывании за границей. Главное, как он считал, было то, что удалось широко познакомиться с новейшей литературой по рабочему движению и усовершенствовать свои знания немецкого языка.

Когда Иван Иванович вернулся в Россию, выяснилось, что царские власти лишили его права жить в крупных городах. Пришлось поселиться в Калуге. Крупных предприятий здесь не было, если не считать железнодорожных мастерских, где трудились рабочие, тесно связанные с деревней. Социал-демократическая пропаганда делала только первые шаги. Однако к приезду Скворцова сюда была сослана целая плеяда

революционеров. Среди них А. В. Луначарский, Б. В. Авиллов, а также А. А. Богданов, В. А. Базаров и ряд других, принимавших участие в занятиях недавно образованного нелегального марксистского кружка (в него в основном входили представители местной интеллигенции). Присутствие группы ссыльных из других городов заметно оживило деятельность кружка. Его слушатели чаще стали обсуждать политические вопросы, была создана библиотека, включавшая и нелегальную литературу, на собранные взносы удалось приобрести гектограф, оплатить аренду явочной квартиры.

Примерно через год, в начале 1900 года, Иван Иванович Скворцов неожиданно был арестован полицией и доставлен в Москву. Он был заключен в тюрьму, где просидел более двух месяцев. Полицейские власти привлекли его по так называемому делу «Харьковского кружка» интеллигентов-пропагандистов, по которому были также арестованы А. А. Богданов, Ф. А. Линкин, Б. В. Авиллов, Л. Л. Никифоров и ряд других «неблагонадежных». Используя самые изощренные методы при допросах, жандармы сумели сломить упорство некоторых арестованных, и те выдали своих товарищей. Особенно усердствовали заключенные Всеволод Руднев и инженер Михаил Кириллов, рассказавшие жандармам буквально все, что они знали. Так, Кириллов на допросе поведал о многих подробностях конспиративной партийной работы и, в частности, поставил в известность следователя о своей поездке в Тулу и свидании там со Скворцовым. Другие арестованные держались стойко.

Ивану Ивановичу стало известно о поведении Кириллова, и он решил все отрицать, потребовав очной ставки. Обеспокоенный этим следователь посоветовался с полковником. Тот, барабанив пальцами по столу и глядя во Двор поверх головы следователя, изрек: «Подведет Кириллов нас. Непременно подведет. Он просто не выдержит взгляда этого бородача...» Решили не рисковать, требование Скворцова «оставили без внимания».

Между тем Иван Иванович и в условиях заключения не терял времени зря: он добился того, что ему разрешили читать привезенные им из-за границы немецкие книги философского и экономического содержания. Надзиратели, прохаживавшиеся мимо его одиночной камеры, с немалым удивлением наблюдали, как заключенный часами читал и конспектировал объемистые книги. Внимательно проштудировал Иван Иванович, в частности, работу А. Фиркандта «Первобытные и культурные народы. Очерк социальной психологии», изданную в 1896 году в Лейпциге. Скворцов не просто перевел эту книгу на русский язык, но и снабдил перевод подробными и довольно острыми примечаниями, которые свидетельствовали о его серьезной идейной зрелости. С негодованием

Скворцов клеймил расистские русофобские взгляды А. Фиркандта, показывал полную нелепость рассуждений автора относительно отсутствия «высоких идей» в русской литературе XIX века, реакционность его утверждений о «вредности полного образования для женщин».

В 1900 году состоялась «встреча» И. И. Скворцова с В. И. Лениным в печати: в петербургском журнале «легальных марксистов» «Жизнь» в № 2 были опубликованы статья Владимира Ильича «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» и рецензия Ивана Ивановича на книгу Н. Сперанского «Очерк истории средней школы в Германии»^[5]. Скворцова особенно сильно увлекла любимая область знания с юных лет — педагогика.

И. И. Скворцов стремился достать и глубоко изучить каждую ленинскую работу, однако это далеко не всегда ему удавалось: многие произведения В. И. Ленина издавались небольшими тиражами, другие долго не могли увидеть свет и с трудом распространялись из-за царской цензуры и полицейского произвола.

В конце 1901 года в журнале «Образование» Иван Иванович поместил отзыв на второй том фундаментального труда Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», особо отметив блестящий перевод, осуществленный с английского языка В. И. Лениным. «Наука долго еще будет усваивать богатое содержание этого исследования», — писал он. Рецензент не только глубоко рассмотрел основные положения работы, но и остановился на том, что нового внес этот труд в историографию международного рабочего движения.

Поскольку участие И. И. Скворцова в деятельности «Харьковского кружка» жандармерии доказать не удалось, он был освобожден и возвратился в Калугу, сразу же включившись в революционно-пропагандистскую работу.

Когда подходила летняя пора, участники кружков устраивали занятия за городом, чаще всего в сосновом бору. Большой популярностью пользовались беседы Скворцова о новых книгах по вопросам общественного устройства. Особенно этим интересовались рабочие железнодорожных мастерских. Спустя двадцать лет Иван Иванович вспоминал: «Калужан я хорошо знаю... Когда-то мы там собирались в лесу у Оки, и я читал рабочим и крестьянам лекции по марксизму. Массы тогда только начинали подходить к пониманию необходимости коренной переделки России». Вместе с А. В. Луначарским И. И. Скворцов несколько раз ездил на полотняный завод, расположенный за три-четыре десятка

верст от Калуги. Владелец завода Д. Д. Гончаров^[6] был предводителем уездного дворянства и, к всеобщему негодованию окрестных фабрикантов, считался... социал-демократом. Он ввел на своих предприятиях 8-часовой рабочий день, участие рабочих в прибылях, проводил целый ряд культурно-просветительных и хозяйственных мероприятий по образцу первых опытов социалиста-утописта Роберта Оуэна. Беспокойство калужских промышленников усилилось, когда Гончаров разрешил марксистам проводить беседы с рабочими по социальным вопросам, выступать перед ними с докладами и рефератами. От взора полиции не прошли факты неоднократных выступлений Скворцова и Луначарского на полотняном заводе...

Активно продолжал Скворцов в калужской ссылке и свою литературную деятельность. Местные социал-демократы помогли ему установить сотрудничество с журналом «Образование», в котором главным образом освещались вопросы литературы, педагогики, а также некоторые злободневные общественные проблемы. Пожалуй, наиболее удачным в журнале был раздел «Критика и библиография», в котором помещались рецензии на большинство крупных выходивших тогда книг по социальным проблемам. В журнале периодически печатались произведения А. Блока, Д. Мамина-Сибиряка, А. Серафимовича, В. Вересаева, К. Станюковича, И. Бунина и других литераторов. Несмотря на постоянные придирки и цензуру со стороны местных властей, на страницах журнала по социально-экономическим вопросам выступали В. И. Ленин и его соратники — В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие. Учитывая «слишком вольнодумный» характер журнала, министр просвещения Ванновский распорядился с 1902 года не допускать выписку журнала «Образование» в бесплатные народные читальни и библиотеки, где обозначилось «чрезмерно повышенное любопытство к оному».

Первые годы своей литературной деятельности да в основном и все последующее время (за редким исключением) Иван Иванович подписывал свои труды псевдонимом «И. Степанов». Этот псевдоним взят им был в честь деда — Степана Скворцова.

Продолжал Скворцов свою творческую деятельность и в качестве переводчика, но для перевода он выбирал именно те произведения, которые по своему содержанию сразу привлекали широкий круг читателей. Так, в начале 1901 года Иван Иванович перевел с немецкого языка вторую часть драмы норвежского писателя Бьёрсона «Свыше наших сил», дав ей другое название — «Не по силам». В драме показано, как сын священника помогает стачечникам в их борьбе с фабрикантом, а затем приносит себя в

жертву общему делу. Хотя пьеса заканчивалась мистической сценой, олицетворяющей необходимость классового компромисса, всеобщий драматизм оставлял большое впечатление у читателей из трудовой среды.

Вскоре из печати выходит книга под названием «Общественные движения в средние века и в эпоху Реформации». На ее титуле значилось: «Составлено по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и др.». Редакторами сборника выступили В. Базаров и И. Степанов. Однако это был в основном перевод (в какой-то мере измененный) работы Карла Каутского «Предшественники новейшего социализма», которую Иван Скворцов привез в Россию летом 1899 года (спустя несколько месяцев после ее выхода в Германии). Чем больше он читал работу, тем больше убеждался, что ее необходимо перевести на русский язык. «Вернусь на родину — сразу засяду за перевод, — твердо решил он. — Марксистской литературы явно у нас недостает, так что это будет полезное пополнение». И вот цель достигнута. На это ушло около двух лет...

Следует иметь в виду, что ранние работы Карла Каутского, написанные им под влиянием Фридриха Энгельса, не имеют ничего общего с его поздними писаниями, когда он превратился в ренегата, открытого недруга Великой Октябрьской социалистической революции и Советского государства. Как заметил в 1920 году Скворцов, «тот Каутский, каким он был раньше, в особенности в своих исторических работах, остается вечной укоризной для теперешнего Каутского».

Уже в то время за Иваном Ивановичем утвердилась репутация человека, который умеет провести через царскую цензуру «крамольные сочинения». «В этом деле никакого божьего дара у меня нет, — отшучивался Скворцов. — Просто надо учитывать, что среди цензоров немало людей не просто ограниченных, но и тупых. Наши читатели, напротив, гораздо умнее, чем их представляют. Царский цензор в «борьбе с крамолой» все же редко вчитывается в мысли, а если вчитывается, то, как правило, не понимает их сути. Высокообразованных людей среди них маловато. Больше внимания они обращают на отдельные слова и выражения, то есть судят обычно, так сказать, по внешним признакам. Однако попадаются и очень въедливые, которых нелегко провести, и требуется особая смекалка», — замечал Иван Иванович.

«А что касается фамилии Каутского, его-то они знали неплохо как «опасного социалиста». Да и название книги Каутского им было бы не по душе — «Предшественники новейшего социализма». Вот и пришлось дать новое название переведенной работы, а фамилию подлинного автора отодвинуть на задний план, упомянуть его после вполне благонадежных

авторов в туманной фразе: «Составлено по Лозерту, Келлеру, Циммерману...» Пришлось прибегнуть и к множеству различных словесных переделок. Так, например, термин «коммунизм» мы заменили «общностью имуществ». В целом же все это стоило большого труда. И самое важное — надо было через препоны цензуры, за всеми этими ухищрениями совершить главное — донести до читателя марксистские идеи книги».

Ее публикации помог связанный с марксистскими кругами весьма активный, по выражению Скворцова, «издатель-кустарь» В. А. Немчинов. А когда книга наконец увидела свет, она быстро разошлась среди российских социал-демократов и проникла в рабочую среду.

В том же году в 7—11-м номерах журнала «Образование» читатели познакомились с другим «крамольным» переводом Скворцова — работой «Общественные отношения во Франции XVII и XVIII веков», которая в следующем, 1902 году была издана отдельной книгой (с небольшим добавлением В. А. Базарова). Это был, по существу, перевод книги К. Гуго (Линдемана) «Социализм во Франции XVII–XVIII веков», находившейся в списках «не подлежащих продаже, изданию, распространению и переводу в Российской империи». Иван Иванович умело заменил цитаты из работы К. Гуго различными ссылками на сочинения русских авторов — Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, В. А. Гольцева, И. В. Лучицкого и других.

Сам Скворцов считал большой удачей перевод и издание (совместно с В. А. Базаровым и Б. В. Авиловым), по существу, первого в те годы обобщающего труда по истории международного профессионального движения — книги В. Кулемана «Профессиональное движение. Очерк профессиональной организации рабочих и предпринимателей во всех странах». Иван Иванович написал подробное предисловие к книге, где показал и определенные достоинства, и явные слабости работы (прежде всего слабое знание по сравнению с германским состоянием профсоюзного движения в ряде государств Европы и Америки). К работе Кулемана Скворцов добавил приложение — перевод лекций профессора Вернера Зомбарта, который, используя экономическую теорию К. Маркса, пытался дать теоретическое объяснение коренных явлений общественной жизни, включая рабочее движение. Кроме того, в постраничных примечаниях переводчика, включенных в книгу, содержалась критика политических взглядов Кулемана. Небезынтересно, что изданию книг помог владелец полотняного завода Д. Д. Гончаров, ставший ее официальным издателем и предоставивший бесплатно бумагу для ее напечатания. Он содействовал и ее распространению, что оказалось также делом довольно трудоемким.

Вообще начало 900-х годов для Ивана Ивановича было временем активного знакомства с литературой социально-экономического содержания. Им была прочитана масса книг, статей, подготовлено несколько переводов, рецензий.

Свидетельство Анатолия Васильевича Луначарского хорошо передает картину поистине кипучей публицистической деятельности, которую развернул Скворцов в период калужской ссылки. В Иване Ивановиче «чувствовался самородок, человек, у которого самообразование играло более преобладающую роль, чем у всех нас остальных. Он глотал книги на русском и уже тогда хорошо известном ему немецком языке». «Все мы, — вспоминал далее Анатолий Васильевич, — резко критиковали реформизм Эдуарда Бернштейна, считая это предательством интересов рабочего класса. И вдруг однажды Иван Иванович буквально сел на бернштейнианскую Росинанту и начал с истинно дон-кихотовской отвагой защищать самые крайние выводы реформизма». Все были поражены, ничего не понимали.

Вскипел А. А. Богданов. В величайшем негодовании он замахал руками на Скворцова, воскликнув:

— Знаешь, Иван, если ты до такой степени сразу отравился этими миазмами, значит, из тебя никогда не выйдет хорошего марксиста-революционера!

И тут-то Иван Иванович раскатился своим добродушным басистым смехом и заявил:

— Ты не воображай, Александр, что все, что я тебе возражаю, является моими действительными мыслями, я тебе возражаю, чтобы по-сократовски мы оба смогли прийти к тем убеждениям, которых потом уже никто не расшатает.

И, положив руку на плечо своего раздраженного собеседника, он добавил:

— Пойми, Александр, я ведь только для того, чтобы все у меня прочно было, а то, если взять хоть маленькую толику просто за веру, потом могут возникнуть сомнения, или какой-нибудь противник тарабахнет тебя по слабому месту, а мы глазами — хлоп. Нет, уж я каждую гаечку хочу попробовать: не отвинтится ли она у меня в решительный момент?

И. И. Скворцов по праву слыл неутомимым спорщиком. Полемику искренне уважал, считая, что только в результате дискуссии можно решить самые запутанные, сложные проблемы. «Иван Иванович был, — по словам Луначарского, — обворожительным человеком, необычайно молодым, способным на почти детские выходки, каким он остался до старости. В

промежутке между занятиями он был способен заводить всевозможные игры, и смешно было смотреть, как этот долговязый и в высшей степени серьезный человек начинал прыгать как козел, устраивать всякие смешные затеи и разыгрывать своих товарищей».

Начало 900-х годов было отмечено новым наступлением реакции на малейшее проявление свободомыслия. Министр народного просвещения России Н. П. Боголепов получил даже право отдавать участников студенческих волнений в солдаты. И он тотчас же воспользовался этим в отношении 183 студентов Киевского университета, а затем 28 петербургских студентов, что вызвало бурю негодования среди учащейся молодежи страны. 14(27) февраля 1901 года бывший студент П. Карпович совершил покушение на жизнь министра, смертельно ранив его. Вскоре Боголепов скончался. Студенчество отметило эту акцию четверостишием, которое стало очень популярным:

Радуйтесь, честные правды поборники,
Близок желанный конец.
Дрогнуло царство жандармов и дворников,
Умер великий подлец.

«Подлым временем, когда все разлагала зубатовщина», назвал эти годы Иван Иванович Скворцов.

«Зубатовщина»... Что-то мрачное, зловещее слышится в самом этом слове. Полковник С. В. Зубатов долгое время занимал пост начальника Московского охранного отделения. Он явился прямым вдохновителем и организатором «полицейского социализма». С помощью различных ухищренных методов Зубатов всячески поощрял внедрение провокаторов, скрытых враждебных элементов в рабочую среду, чтобы, словно ржавчина, изнутри уничтожить все здоровое, передовое, опорочить светлые идеалы коммунизма, подсовывая часто неискушенным в теории трудовым людям вульгарные, мещанско-пошлые суррогаты, которые выдавались даже за марксистские, социалистические воззрения. Филеры, шпики наводнили фабрично-заводские организации. Немало честных и нужных революции рабочих глубоко запутывались в сетях охранки...

В середине 1901 года истек двухлетний срок, в течение которого Скворцову запрещалось жить в промышленных городах и в Московской губернии (в самой же Москве и Петербурге ему было предписано — «запретить селиться навсегда»). Осенью ненадолго Иван Иванович

обосновался в Подольске, что давало возможность приезжать в Москву. И вот в один из таких приездов в том же году состоялось его знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким.

На квартире одного московского либерала как-то организовали платную вечеринку в пользу арестованных и ссыльных. Читали, пели, кто-то играл на скрипке. Незаметно разгорелся спор.

Известный деятель земского движения, либерально настроенный журналист Виктор Александрович Гольцев — в то время редактор «Русской мысли», — стоя в углу комнаты, долго и нудно говорил о положении российской интеллигенции.

— Каковы же задачи дня? — театрально обратился он к присутствующим.

Из другого угла ему ответили:

— Ясно — организация рабочего класса, борьба против самодержавия...

«Меня очень удивило то, что прямота и грубоватость ответа, — писал Максим Горький, — необыкновенно соединялись с интонацией юноши, а человеку, который сказал это, было, вероятно, за тридцать, был он уже лысоватый, высоколобый, лицо в густой бороде.

Таким прямодушным, честнейшим юношей он остался для меня на всю его прекрасную и трудную жизнь борца, непоколебимого большевика».

Этим юношей был Иван Скворцов. Как признавался М. Горький, у него всегда было «радостное изумление перед... духовной стойкостью, духовной красотой этого человека», с которым его свела судьба в тот погожий осенний вечер.

Активизация борьбы с зубатовщиной стала в тот период одной из главных задач московских социал-демократов. В этой работе МК РСДРП большую роль отводил Скворцову, теоретическая подготовленность которого, хорошие организаторские способности получили широкую известность в революционных кругах Московской губернии. По поручению Московского комитета в сентябре 1901 года дважды в Подольск для встреч с Иваном Ивановичем Скворцовым по вопросам налаживания конспиративных связей между подмосковными социал-демократами и нелегальной издательской деятельности выезжал член МК РСДРП Л. Л. Никифоров. Особые трудности встретились в деле приобретения и хранения печатной техники. Условились, что следующая встреча состоится в Москве.

И вот 27 сентября Скворцов прибыл в Москву. Вначале совещание предполагали провести в «солидной квартире» какого-то крупного

адвоката. Однако в последний момент тот струсил и стал бормотать о каких-то явно неправдоподобных «чрезвычайных обстоятельствах». Пришлось собраться в тесной квартирке Л. Л. Никифорова в Косом переулке. К восьми часам вечера пришли все приглашенные: И. И. Скворцов, В. А. Базаров, В. Л. Шанцер (Марат), ставший в 1905 году одним из организаторов Московского вооруженного восстания, И. А. Давыдов, П. П. Куняев — участники первых марксистских кружков в Москве.

Л. Л. Никифорову немного нездоровилось, он полулежал на постели. Приподнявшись, он прежде всего провозгласил:

— Товарищи, честь имею представиться: Московский комитет социал-демократической партии. Кооптирую всех.

Это заявление мало кого удивило: от МК РСДРП остался один Л. Л. Никифоров, других арестовали, сослали, некоторым удалось эмигрировать, поэтому требовалось срочно расширить состав комитета. Так И. И. Скворцов стал членом МК РСДРП.

Стали обсуждать самые неотложные задачи текущего момента. Быстро пролетели каких-нибудь полтора часа.

Вдруг резкие звонки в парадную дверь. В квартиру врываются городовые и жандармы. Во главе этого «воинства» — жандармский ротмистр Сазонов, правая рука самого Зубатова, а также секретарь охраны Войлошников (его расстреляют рабочие Пресни в декабре 1905 года).

Из полицейского дела известно, что кто-то из участников совещания успел выкинуть через окно на улицу сверток, в котором оказались две рукописи под заголовками «Зубатовская тактика» и «Что такое демонстрация и для чего она нужна». По почерку сразу установили — Скворцов. Ивана Ивановича, кроме того, обвинили в распространении газеты «Искра» и ряда партийных материалов в... Иваново-Вознесенске (в ходе допросов это не подтвердилось). Жандармерия усердно вела следствие, которым руководил ротмистр Сазонов. Однако арестованные революционеры вели себя стойко, ничего от них добиться так и не удалось...

На свободе оставалось несколько видных руководителей московских рабочих-революционеров, и среди них Николай Бауман и Иван Бабушкин. А вскоре в Москву прибыл Виктор Ногин, и при первой же встрече Бауман рассказал ему, что он вместе с Богданом (Бабушкиным) сколачивает сейчас московское отделение «Искры».

— Ты, Виктор, прибыл как нельзя вовремя, — сразу начал Бауман. — И Марат-Шанцер, и Скворцов, и Никифоров сейчас в Бутырской тюрьме. Держатся очень стойко. Наша задача — восполнить эту потерю удвоенной

активностью революционной работы. Должна по всем районам шире распространяться «Искра». Организуем на всех крупных заводах выступления лучших ораторов. Повсюду — листовки. Воспитывать новых бойцов!

— На очереди созыв съезда партии, — сказал после некоторого молчания Ногин. — Эта наша работа тоже будет вкладом в дело подготовки его. Надеемся, к этому времени Иван Скворцов, Марат и другие товарищи сумеют вырваться на свободу. Я вижу, Грач, ты в этом убежден?

После шестимесячного заключения в следственной тюрьме И. И. Скворцов и его товарищи по обвинению в организации «социально-революционной партии» (полиция не сумела установить, что они социал-демократы) под усиленным конвоем были высланы в Восточную Сибирь на три года.

Так Иван Иванович вновь встретился с Владимиркой, на которую он часто выходил в далекие детские годы, провожая печальным взглядом идущих по ней в сибирский край кандалников. А теперь он сам проделал путь по Владимирке, уже как зрелый революционер, и мрачные картины, увиденные им когда-то на богородском тракте, невольно воскресли в его памяти.

Весной 1902 года Скворцов оказался в глухой деревушке под городком Ачинском Енисейской губернии, недалеко от тех мест, где за год до этого находился в ссылке Владимир Ильич Ленин. До Ачинска везли в арестантском вагоне, затем пешим строем — до ссыльной колонии.

Порядок дня, который установил для себя Иван Иванович, был обычным для многих ссыльных: до обеда чтение литературы и корреспонденций, прогулки по вечерам и встречи с «нужными людьми», сборы в укромном месте или у кого-нибудь из считающихся вне подозрений. А что касается писем ачинцев в Центральную Россию, то к ним был особо повышенный интерес в «черном кабинете» начальника Главного управления почт и телеграфов Российской империи генерала Петрова...

Через некоторое время рассеянные по Ачинскому яезду ссыльные добились поселения в городе Ачинске.

После этого, по словам очевидцев, «колониальная жизнь стала гораздо ярче и интереснее, начались доклады и диспуты?). Особенно выделялся своей активностью Скворцов. По примеру Владимира Ильича Лепина, невзирая на все невзгоды сибирского заточения, он развернул разнообразную литературно-публицистическую деятельность, пишет новые статьи, рецензии, переводит полезные для ссыльных работы.

Продолжал он сотрудничать и с журналом «Образование». Уже в 1902 году в трех номерах журнала помещаются разделы его книги «Вопросы торговой политики. (Из истории международной торговли)». В этой работе Скворцов показал всю непримиримость противоречий европейских государств.

На фактах только одного XIX века, отмечал автор, па примере враждебных противоборств Англии и Германии видно, какие страдания приносили эти конфликты народным массам, сколько было уничтожено материальных и духовных ценностей! И социал-демократы, говорилось в книге, не могут быть сторонними хладнокровными наблюдателями борьбы в человеческом муравейнике, не могут стоять на позициях «третьих лиц», ибо эта борьба затрагивает интересы широких народных масс.

В том же году Ивану Ивановичу совместно с В. А. Базаровым удалось не только перевести, но и издать книгу германского социал-демократа Макса Шиппеля «Современная бедность и современное перенаселение». Автор придерживался в основном правых позиций, но в книге было немало обличительного фактического материала, что и послужило поводом к ее переводу. Спустя два года выходит в переводе Скворцова и Базарова двухтомное сочинение Вернера Зомбарта «Современный капитализм» с обширным предисловием Ивана Ивановича. «Лучшее в книге, — писал Скворцов, — то, что прямо взято у Маркса, примыкало к Марксу или исследовано с применением методов Маркса». Собранный богатейший фактический материал в двухтомнике был изложен очень доходчиво, но автор без всяких на то оснований претендовал на то, чтобы заменить якобы устаревший «Капитал» Карла Маркса. Даже с большими оговорками, иронически замечает Иван Иванович, это своеобразное, занимательно написанное издание Зомбарта нелепо сравнивать с великой классической рабе-эй основоположника научного коммунизма.

Главным образом Скворцовым рецензировались книги, посвященные социально-экономическим вопросам. Следует заметить, что книги присылались Ивану Ивановичу нерегулярно, часто с опозданием, и выбор для перевода и рецензирования был весьма ограничен. Однако, несмотря на определенную оторванность Скворцова от культурной! жизни русского общества, он сумел только в журнале «Образование» опубликовать тридцать рецензий и три больших статьи. Рецензировал он не только зарубежных авторов. Журнал «Правда» в 1904 году поместил отзыв Скворцова на книгу М. И. Туган-Барановского «Очерки по истории новейшей политической экономии». В этом отзыве Иван Иванович с блеском показал полную несостоятельность попыток автора опровергнуть

марксизм путем противопоставления положениям К. Маркса взглядов утопистов-социалистов (Сен-Симона, Фурье и др.). Скворцов вскрыл эклектический набор примитивных «аргументов» Туган-Барановского, который в своем сочинении все же вынужден был посетовать на то, что «лишь марксизм ныне располагает законченной системой социально-экономических взглядов».

Известность Ивана Ивановича как талантливого публициста, глубокого экономиста и социолога во время ачинской ссылки еще больше возросла. К тому же в демократических кругах он по праву завоевал репутацию человека, обладавшего большой эрудицией историка и литературоведа, тонкого переводчика произведений по общественным знаниям и взыскательного критика.

В немногие свободные минуты от своего напряженного литературного труда и пропагандистской работы Скворцов отправлялся с книгами под мышкой в тайгу или на берег реки. Другой формой отдыха — гораздо более полезной — он считал общение с населением. А знакомых за короткое время прибавилось много. О серьезных вещах говорили и за чашкой чая, и во время прогулок по окрестным местам, и во время коротких случайных встреч. Затем постепенно удавалось собрать сходки на таежных полянах. Активно помогала во всем этом Ольга, приехавшая к ссылкеному мужу и стойко переносившая вместе с ним все тяготы и лишения.

Высланный в те годы большевик Б. П. Позерн (впоследствии секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), так вспоминал о Скворцове в период его пребывания в Ачинске: «Молодой, жизнерадостный, удивительно трезвый и чуткий, И. И. Скворцов производил большое впечатление на студенческую молодежь, которая в то время в большом количестве попала в ссылку. Я отлично помню, что и на меня именно эти черты произвели исключительно сильное впечатление. То было для меня, как и для многих из рядов революционной молодежи, время напряженных исканий, горячих споров, время формирования марксистской идеологии. Такие люди, как Иван Иванович Скворцов, отчетливостью своей мысли и ясностью своих суждений производили неотразимое впечатление. Это был лучший тип пропагандиста марксизма». И сам Б. И. Позерн, не без влияния Ивана Ивановича, прочно встал в ряды большевиков. Запомнилось и то, что по инициативе Скворцова решено было силами социал-демократов, стоявших на марксистских позициях (из числа ссыльных ачинской колонии), подготовить сборник статей на злобу дня, но осуществить эту идею тогда не удалось...

Ссылка в Восточную Сибирь только закалила революционный дух

Ивана Ивановича Скворцова.

В 1903 году произошло важное событие — II съезд РСДРП, положивший начало партии большевиков, партии социальной революции и диктатуры пролетариата. И до ачинских поселенцев стали доходить материалы лондонского форума российских революционеров. Внимательно читал их Скворцов, искренне восхищаясь ленинской логикой, глубиной его мысли, принципиальностью. Трезво и всесторонне оценил Скворцов позиции всех течений на съезде, безоговорочно примкнув к большевикам. Характеризуя ачинский период в деятельности Скворцова, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич писал, что Иван Иванович очень основательно освоил все глубины теории Маркса и Энгельса, разносторонне применял диалектический метод мышления к различным областям знания. Заметно помогало ему то, что он изучал естественные науки.

В этот период И. И. Скворцов и В. И. Ленин еще не были лично знакомы, но Владимир Ильич не раз слышал о нем от своих товарищей.

Когда В. Д. Бонч-Бруевич сообщил Владимиру Ильичу Ленину, что Иван Иванович «определился как твердый и последовательный большевик», тот «очень обрадовался, что такой теоретически образованный товарищ, испытанный социал-демократ, встал на те же позиции большинства».

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

Приближалась к концу сибирская ссылка Скворцова. Это только прибавляло ему силы. Работал с удвоенной энергией, часто ночами. Не было случая, чтобы статью или перевод не завершал в условленный срок. Немало времени отнимала пропагандистская деятельность, но он успевал встретиться с нужными людьми, провести политическую беседу с жителями Ачинска или ссыльными товарищами. Наконец пришло разрешение, и в конце 1904 года Иван Иванович и Ольга Илиодоровна вернулись в Москву.

Скворцов сразу же окунулся в революционную жизнь. Он брался за самые сложные и нередко опасные поручения. Так, в письмах, направленных Н. К. Крупской по просьбе В. И. Ленина Тверскому комитету РСДРП от 26 ноября и 20 декабря, подчеркивалось, что «Большаку» (один из партийных псевдонимов Скворцова) надо срочно помочь — он просит заделать в подошвы сапог паспорт и пилочки (ножовки) и «передать ему через Некрасову или родных». Это, вероятно, нужно было Ивану Ивановичу, чтобы помочь кому-то из товарищей по революционной борьбе бежать из царской тюрьмы.

Прибытие Скворцова в Москву из ачинской ссылки совпало с так называемой «эрой банкетов», которую проводили российские либералы: в салонах различных меценатов устраивались весьма помпезные, шумные сборища «почитателей демократии» с произнесением высокопарных речей о всевозможных свободах, реформах, конституционных поправках и правах граждан. Проходили многочисленные съезды и совещания земских деятелей, адвокатов, врачей, учителей, мелких и средних служащих. Зима 1904/05 года в России скорее походила на «политическую весну». По выражению Скворцова, который быстро распознал суть этой «весны», российские либералы, земства во что бы то ни стало хотели «уклониться от борьбы и задолго до революции страстно искали компромисса с самодержавием, хотя бы самого гнилого и гаденького».

Съезды проходили довольно многолюдные, залы ломились от желающих услышать «непозволительные» раньше речи, перепалку либералов, рядившихся под демократов, и наконец выступления «настоящих революционеров», которые разными путями попадали на эти съезды и банкеты, разумеется, к немалому огорчению устроителей таких собраний. Социал-демократы из большевиков говорили о том, что в России

наступает время перелома. И приводили факты, которые трудно было оспаривать. Война с Японией многое перевернула вверх дном, еще больше приблизила неминуемую развязку. «Пусть рабочий класс не попадает в ловушку буржуазии, которая играет словами в демократию, — дороги буржуазии и рабочих разные!» — так считали большевики.

С негодованием слушают галерки съездов о побоище, учиненном в Москве полицией против мирной демонстрации, — число пострадавших достигало 170. Вести о кровавых событиях в Варшаве, о разгромах дворянских имений в Киевской, Рязанской, Черниговской и других губерниях многие выступавшие большевики расценивают как грозные признаки собирающейся бури.

Когда Иван Иванович Скворцов протиснулся в зал, где заседал земский съезд, председательствующий либерал Гейден уже заканчивал вступительную речь.

— Господа, — заявил он срывающимся голосом, — трон шатается. И если не будут произведены (он с минуту подбирает слово)... улучшения, он рухнет. Как честные верноподданные своего государя (он поворачивается к портрету Николая II), мы должны заявить об этом...

Еще не утих гул — реакция на раболепие Гейдена, а Скворцов успевает бросить гневные слова:

— Хотел или не хотел председатель съезда господин Гейден, но почтенный оратор сказал только половину истины: не один трон падает и рушится — рушится весь связанный с ним прогнивший порядок!

— Однако позвольте... — пытается остановить Скворцова Гейден...

— Долготерпение рабочих и крестьян лопается, — заканчивает Иван Иванович, — наступит неизбежно час расплаты, революция — не за горами!

Он покидает съезд. Кто-то жмет ему руки, кто-то хлопает по плечу. Но слышатся и визгливые возгласы: «Куда смотрит полиция? Кто пропустил этого бунтовщика?»...

Несколько раз Скворцов-Степанов выступал в Педагогическом обществе. Здесь он сблизился с Н. А. Рожковым, М. Н. Покровским, В. В. Вересаевым. Общество функционировало при Московском университете. Широко известен стал факт заявления общества по вопросу об избиении полицией в Курске учащихся и погромных действиях «черной сотни» в городе в те дни.

В числе первых изданий, в которых Иван Иванович начал сотрудничать после приезда из сибирской ссылки, был журнал демократического направления «Правда».

Чтобы еще ближе познакомиться с атмосферой, царившей на встречах либерально настроенной интеллигенции, И. И. Скворцов принял приглашение участвовать в одном таком совещании представителей «оппозиционных и революционных организаций». Инициатором совещания был адвокат В. А. Маклаков, член левого крыла партии кадетов, предоставивший свою квартиру на Новинском бульваре.

Собралось человек 30–35. Здесь были и «освобожденцы», и кадеты, и эсеры, несколько «независимых» и социал-демократы. Маклаков и его окружение надеялись в итоге совещания создать некий блок оппозиционных партий, где, разумеется, верховодили бы либералы. При этом было задумано использовать выступления рабочих (если социал-демократы войдут в этот блок) в своих интересах. Когда подошло время выступления Скворцова, сразу в помещении стихло. Он поднялся и без «вступлений» стал говорить откровенно, взвешивая каждое слово:

— Уважаемые ораторы, включая и хозяина квартиры, видимо, просто забыли, что рабочий класс имеет самостоятельные задачи и отнюдь не собирается плестись в хвосте либеральной буржуазии. Не скрою, что он собирает свои силы, чтобы вскоре всей своей мощью начать решительную схватку с самодержавием. Конечно, мы, большевики, когда этого требуют условия, не отказываемся от соглашений в каждом отдельном случае с другими партиями, но при этом всегда учитываем, чтобы такие соглашения ни в малейшей степени не ущемляли интересы пролетарских масс.

Сделав небольшую паузу, Скворцов прошелся вдоль стола и, когда недовольные голоса стихли, закончил;

— К тому же дряблость и нерешительность российских либералов, половинчатость их лозунгов и заигрывание с властями — все это не составляет секрета для социал-демократов, которые представляют рабочих... Социал-демократов большевиков, — добавил он.

После выступления Скворцова желающих взять слово не нашлось.

— Позвольте на этом откланяться, спасибо за чай, — пробасил из угла Покровский, и группа большевиков покинула совещание.

— Думается, участие в подобных свиданиях все же на данном этапе бесполезно, — делился с товарищами, возвращаясь домой, Иван Иванович. — Мы на них не только открыто излагаем свою позицию, чтобы на сей счет не было никаких иллюзий и заблуждений у либералов, желающих поиграть в гегемонию, но и можем переубедить колеблющихся, которые хотят в душе быть с нами.

— Ваня, ты обязательно поприсутствуй на собрании у графини Бобринской, — взяв его за локоть, посоветовал Покровский. — Она тоже,

разучивая роль демократки, пригласила выступить с докладом о буржуазной английской демократии профессоров Д. М. Петрушевского и С. А. Котляревского.

Ничего не ответив, Скворцов вынул блокнот и записал точный адрес.

Через пару дней стало известно, что Иван Иванович и большевик П. Г. Дауге были на том совещании и своими выступлениями повергли в смущение маститых «ученых мужей» точным знанием конкретных фактов, указав на цензовый характер английских выборов, где право быть избранным было связано с крупными денежными взносами. Это было буквально накануне Кровавого воскресенья...

Наступило 9 января 1905 года, пролилась кровь около 5 тысяч мирных граждан.

Кровавые события в Петербурге вызвали гнев всего народа. В январе 1905 года массовые забастовки и демонстрации прошли в Москве, Риге, Варшаве, Тифлисе и других городах. В ряде мест развернулись ожесточенные столкновения с полицией и войсками. В те дни неизвестный поэт в московской большевистской газете «Голос труда» публикует стихотворение «9 января». Его наизусть знал и часто читал вслух Иван Иванович;

Рыдай, трепещи, венценосный палач,
Проклятьем страны заклеяменный,
Заране конец свой ужасный оплачь, —
Уж мститель идет разъяренный.
Оставьте ученье, работу, семью,
Под Красное знамя идите
И смертью отважной в жестоком бою
Народу свободу купите.

Всем стало ясно, что самодержавно-крепостнический строй никакими силами не сможет сдержать этот взрыв возмущения трудовых масс, остановить революционную волну.

Энергично действовали в этих условиях московские большевики, используя малейшие легальные и полуполигальные возможности для проведения в жизнь установок ЦК РСДРП, ленинских идей для вовлечения пролетариев в схватку с царизмом. Одним из таких легальных центров забастовочного и профсоюзного движения в Москве стал Музей содействия труду при Техническом обществе, где работала комиссия, занимавшаяся

изучением условий работы пролетариев промышленных предприятий. Она оказывала им юридическую помощь, проводила медицинскую экспертизу рабочих, пострадавших на производстве. Здесь активно трудился и Скворцов. Он составлял проекты уставов новых профсоюзных объединений, вместе с другими большевиками помогал рабочим составлять их требования предпринимателям. Часто в музее устраивались лекции о текущих событиях, о положении пролетариев в России, фабричном законодательстве и т. д. Однажды, рассказывал Иван Иванович, в небольшой аудитории набилось до четырехсот человек. «Сплошная масса слушателей, нельзя поднять руку, чтобы вытереть пот, нечем дышать. Но все жадно слушают, не пропускают ни одного слова лектора. Выступал тогда М. Г. Лунц, который ясно, просто и глубоко вскрывает основные пружины фабричного законодательства и замысла «полицейского социализма». Докладчик закончил свою речь возгласом: «Да здравствует рабочая демократия!»»

Начались прения, выступило много рабочих. В основном рассказывали о тяжелом положении на производстве, антисанитарии, фактическом отсутствии охраны труда. Скворцов ознакомил собравшихся с профессиональным движением на Западе, о том, чего уже добились рабочие и как много общего в положении пролетариата в различных странах при капитализме.

— Наша революция, — закончил он выступление, — набирает с каждым днем силу, и мы должны добиться тех целей, во имя которых мы шли на жертвы, страдания с верой в победу.

В конце января Иван Иванович зашел в помещение МК РСДРП и попросил дать ему возможность вновь вести занятия в рабочих кружках Замоскворечья. Революция остро нуждается в кадрах агитаторов и пропагандистов, доказывал он.

— Эту деятельность мы не должны ослаблять. Высокая степень сознательности пролетариев — это тоже мощное оружие.

Занятия в рабочей аудитории Замоскворечья собирали много желающих. Скворцов требовал от слушателей ярких и четких выступлений.

— Надо помнить, — говорил он, — что порою придется держать речь перед неграмотной массой. А выступление «с огоньком» донесет и до сознания этих людей суть наших лозунгов, задачи начавшейся революции, поможет вовлечь под знамена РСДРП на борьбу с миром рабства и унижения новых бойцов.

Однажды, похвалив речь одного из своих учеников — рабочего А. Д. Блохина, Иван Иванович при этом заметил:

— Не надо зря надрывать голос, срываясь временами на крик. Говорить надо спокойнее, увереннее, не горячася без особой нужды. Тогда истина легче дойдет до сознания.

С большой охотой Иван Иванович выступал и в слободке близ Симонова монастыря, где жили пролетарии трех заводов («Динамо», Барк и Гана).

По мере развертывания революции 1905 года московские большевики начали все шире использовать малейшую возможность для увеличения своего влияния на людей, тянувшихся к правдивому слову. Решено было активнее посещать различные собрания на квартирах радикально настроенной интеллигенции, где собиралась и часть сочувствующих народу лиц. Подобные встречи проходили даже в помещениях владелицы фабрик В. А. Морозовой (например, в особняке на Воздвиженке). Часто собирались в доме княгини Чегодаевой, в лечебнице доктора Териана у Девичьего монастыря, в реальном училище Н. Н. Фидлера, в доме В. А. Гариной-Садовской. Обычно встречи проходили в виде бесед, но устраивались и платные лекции. Скворцов выступал не один раз. Так, однажды за лекцию он получил 381 рубль, которые тотчас же передал в МК РСДРП.

Вскоре в Петербурге состоялся съезд профессоров России. На съезде большевистским делегатам удалось провести постановление о том, что «в борьбе за политическую и академическую свободу профессора и преподаватели также пойдут на забастовку». Однако либеральная профессура огласила свое «особое мнение с протестом» против этой резолюции, которую зачитал Скворцов-Степанов.

Для выработки четкой программы пропагандистской деятельности весной 1905 года И. И. Скворцов-Степанов и Н. А. Рожков по совету В. Л. Шанцера, который отвечал в МК РСДРП(б) за организационную работу, участвовали в совещании, проходившем на территории Финляндии. А вскоре такое же примерно совещание прошло в Москве. Им руководили приехавший из Петербурга В. Д. Бонч-Бруевич и И. И. Скворцов-Степанов (оно состоялось на квартире П. Г. Дауге, затем в «Метрополе»).

В начале марта 1905 года МК РСДРП(б) стал регулярно направлять на предприятия и в различные массовые аудитории лекторов-большевиков, которые выступали по широкому кругу злободневных вопросов, выдвигавшихся революцией. Как правило, их выступления пользовались большим успехом среди рабочих и революционно настроенной молодежи. В Сокольниках и Замоскворечье с яркими речами выступали И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский. Они рассказывали о причинах и

сущности русско-японской войны, о причинах голода в ряде губерний страны, о растущем народном движении против деспотизма, характеризовали суть программы большевиков.

Центром студенческих волнений в Москве стал университет. Выступления начинались с 10 часов утра. Затем — перерыв на обед, и в вечернее время митинги переносились в Техническое или Инженерное училище и заканчивались за полночь. Среди ораторов знакомые имена — Скворцов-Степанов, Лядов, Покровский, Седой (Литвин), Васильев-Южин, Сильвин, Курский.

Революционная обстановка требовала мобилизации всех сил большевиков для руководства борьбой масс трудящихся. «Злоба дня — восстание»^[7], — подчеркивал В. И. Ленин. Он обращал внимание на включение в освободительное движение новых свежих сил: «...Никогда не бывало у революционной России такой массы людей, как теперь»^[8]. Был создан ряд новых большевистских организаций. В Москве в апреле 1905 года окончательно оформилась окружная организация МК РСДРП, возглавившая партийную работу в губернии. За большевиками шли почти все крупные районы и главные центры: Петербург, Москва, Рига, Баку, Екатеринбург, Одесса, Луганск, Центральный Промышленный район, Урал и другие города и губернии. Набиравшая силу народная революция выдвинула «такие требования, каких ни разу еще нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота»^[9]. Перед партией стояла задача выработки ясной тактической линии. Решено было как можно скорее созвать очередной съезд РСДРП.

III съезд партии состоялся в Лондоне с 12(25) апреля по 27(10) апреля 1905 года. В его решениях были воплощены ленинский стратегический план и тактическая линия большевиков в революции. Этот план предусматривал доведение буржуазно-демократической революции до полной победы, с тем чтобы в дальнейшем пролетариат мог повести массы на социалистическую революцию, не останавливаясь на полпути.

Дальнейшее развитие революционных событий в стране полностью подтвердило правильность программы, стратегии и тактики, выработанной на съезде.

Начало новому подъему движения масс положили майские забастовки. В бой с царизмом вступили текстильщики Иваново-Вознесенского района, Лодзи, Костромы, пролетарии Одессы и Варшавы, Ярославля и Нижнего Тагила, Луганска и Саратова и других городов.

Неуклонно набирала силы революция в Москве. «Организация в

Москве становится превосходна и делает громадные шаги вперед, — говорилось в одном письме В. И. Ленину из Москвы. — Рабочие принимают самое активное участие в организации массовок и тому подобном. Авторитет Московского комитета и РСДРП громаден среди сознательных рабочих».

С мая здесь значительно возросло число массовых митингов и демонстраций трудящихся различных профессий. Нередко на эти собрания, собиравшиеся стихийно, приходили приказчики и дворники, домашняя прислуга и извозчики. Все хотели попробовать, что такое «свобода слова». Шныряли шпики. Большевики вели разъяснительную работу среди самых различных слоев населения, включая и те, которые считались опорой черносотенной реакции (например, продавцы магазинов, мелкие лавочники).

В один из майских дней к Ивану Ивановичу забежал большевик З. Я. Литвин-Седой.

— Скорее, Иван, собирайся и пойдем на митинг в Охотный ряд. Там продавцы мясных лавок сходятся. Желают свой создать «профсоюз».

Когда Литвин-Седой и Скворцов прибыли на место, митинг уже начался. Собралось человек триста. Попросил слова Литвин-Седой. Позднее Скворцов рассказывал:

— Вы хотите избивать бунтовщиков, — так начал свою речь оратор. — Смотрите, я — как раз такой бунтовщик.

Крики: «Долой!», «Вон!» Адский шум...

— Потом убивайте меня, если хотите, но сначала выслушайте.

Яростные возгласы не смутили оратора, и уже скоро протесты стали смолкать, потом сменяться одобрительными возгласами, а закончилась речь оратора-большевика бурными аплодисментами. Начало союзу было положено.

По всей стране развернулось формирование и профессионально-политических союзов, в которые вступали большевики, активно участвуя в проведении съездов и конференций. И. И. Скворцов и М. Н. Покровский вошли в союз учителей, членами союза врачей стали С. И. Мицкевич и В. А. Обух. Когда в июне (в Петербурге, а затем в Финляндии) проходили заседания Всероссийского учительского съезда, Иван Иванович выступил с речью, предложив «учредить единый революционный профсоюз учителей для борьбы с самодержавием за свободную школу, для защиты учительства от произвола царской бюрократии».

По свидетельству видного русского педагога профессора Н. В. Чехова, речь Ивана Ивановича на одном из заседаний учительского съезда «была

наиболее оппозиционной, с беспощадной критикой правительственной политики в деле народного образования... Ымя его с этого момента становится известным в широких кругах революционного учительства и деятелей народного просвещения... Его речи неизменно привлекали самое напряженное внимание собраний».

*

Редко можно было встретить человека, у которого было столько имен. Обычно писатели или журналисты выбирали один-два псевдонима. Иван Иванович Скворцов имел больше десятка. Это объяснялось необходимостью конспирации. Полги все его дореволюционные работы печатались под вымышленными фамилиями. Еще с 1901 года он подписывал произведения и документы фамилией «Степанов». Затем, вспоминал Скворцов, когда началась революция 1905 года, «начальство явным образом отметило для себя эту подпись», и ему все чаще пришлось подписываться инициалами *И. С.* или новыми псевдонимами, например: Федоров (под этой фамилией он значился на IV Объединительном съезде РСДРП в Стокгольме), Панов, С. Иванов, С-ин. Во время пребывания в Туле среди рабочих-кружковцев *И. И.* Скворцов был широко известен как «Большак», «Большой». Владимир Ильич часто называл его «Историк», «Писатель», а некоторые друзья-революционеры — «Старик». Постепенно за Иваном Ивановичем укрепляется двойная фамилия — «Скворцов-Степанов» (под этой фамилией вышло в свет в начале 900-х годов несколько его статей).

К началу лета 1905 года при непосредственном участии М. С. Ольминского, *И. И.* Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского, В. М. Шулятикова и ряда других создается (с одобрения МК РСДРП) литературно-лекторская группа. Формально как бы кружок демократически настроенной интеллигенции, ставивший перед собой просветительские цели, а по существу группа выполняла функции агитационно-пропагандистской организации Московского комитета партии большевиков. Сбор от выступлений лекторов-большевиков шел в общую партийную кассу.

Лекции читались на разные темы, учитывая при этом пожелания рабочей аудитории. Когда Иван Иванович как-то составил перечень прочитанных лекций за одно лишь летнее время, получилась внушительная картина: итоги III съезда РСДРП, рабочий вопрос и рабочее движение,

демократическое государство (анализ проектов различных конституций), Великая французская революция, Парижская коммуна, декабристское движение, международная революционная борьба. Уже один этот список свидетельствовал о широте и разнообразии интересов слушателей, о жажде демократической общественности к свободному слову.

С особым удовольствием лекторская группа МК РСДРП выступала на рабочих и профсоюзных собраниях.

Выступления большевиков проводились не только в Москве. По заданию МК РСДРП участники лекторской группы выезжали в Тверь, Орел, Серпухов, Владимир, Казань, Ярославль, Смоленск, Подольск, Орехово-Зуево, Рязань, Коломну и другие города. С развитием революции группа пополнилась новыми лекторами. Как писал Иван Иванович Скворцов-Степанов, после октябрьских дней 1905 года лекторов стало «необыкновенно много». «Я был изумлен, — вспоминал он, — когда в первом же собрании группы после 17 октября увидел, что она разом выросла до 20–25 человек. И, разумеется, «младобольшевики» оказывались самыми активными, энергичными и требовательными». Но когда вооруженное Декабрьское восстание закончилось поражением и революция пошла на убыль, попутчики революции (в том числе и эти «младобольшевики»), по выражению Ивана Ивановича, «так же разом отхлынули, как разом пришли. И мы ничего не потеряли от этого, скорее напротив. Старая история...».

Душой группы, ее, как заметил М. Н. Покровский, «настоящим, в подлинном смысле организатором» был Скворцов-Степанов. «Это был уже тогда на редкость идейно выдержанный и самостоятельный человек. Сразу чувствовалось, что этот народнического вида большевик (И. И. носил тогда длинные волосы и роскошную бороду, что в сочетании с его богатырским ростом и косовороткой давало истинно народническое впечатление, мы над этим нередко посмеивались, к чему Иван Иванович относился с величайшим благодушием) — твердейший марксист, которого можно себе вообразить, но отнюдь не начетчик от марксизма. Маркса и Энгельса он знал великолепно, самоучкой овладел немецким языком для того, чтобы читать их в подлиннике, — но делалось все это не затем, чтобы повторять их слова, а с тем, чтобы усвоить их метод и мышление, их манеру подходить к фактам. И, раз что-нибудь охватив своим марксистским пониманием, Иван Иванович держался твердо, и никакие «авторитеты» с этого понимания сбить его не могли».

«Для тех большевиков przygotowительного класса, какими были тогда многие из нас, — продолжал Михаил Николаевич, — И. И. был

незаменимым руководителем. Но и для людей гораздо крупнее и старше нас эта идейная четкость, идейная выдержанность, я бы сказал, глубокая идейная честность, неспособность идти на какие бы то ни было компромиссы с тем, что Степанов считал теоретически неверным, — и людям гораздо крупнее и старше нас, это качество И. И. внушало глубокое уважение...»

Выступления участников литературно-лекторской группы МК РСДРП всегда вызывали споры и дискуссии, причем в роли оппонентов зачастую выступали представители других партий. Особенно старались эсеры. Либералы, как правило, предпочитали отмалчиваться, что не мешало большевистским ораторам не только активно участвовать в прениях по докладам «освобожденцев», эсеров, бундовцев, но и аргументированно показывать несостоятельность и порочность идей, которые проповедовали П. Б. Струве, П. Н. Милюков, Ф. Ф. Кокошкин и другие либералы.

Итоги каждого выступления лекторская группа подвергала товарищескому обсуждению, что не могло не способствовать повышению качества лекций. К тому же темы предстоявших выступлений также коллективно уточнялись. Обычно собирались раз в две недели на квартирах С. И. Мицкевича, Н. А. Рожкова, Н. Г. Гарина-Михайловского, П. Г. Дауге и других. Для маскировки во время собрания устраивался ужин. События развивались с необыкновенной быстротой, все новые и новые отряды пролетариев и крестьян втягивались в революционную борьбу; требовалось оперативное, доходчивое разъяснение всех наболевших вопросов. Готовых решений, ответов порою найти было нелегко. МК РСДРП, поддерживавшему связь с заграничным центром большевиков во главе с В. И. Лениным, не во всех случаях удавалось получать необходимые рекомендации и советы: нередко эта связь прерывалась из-за препятствий, чинимых полицией. Поэтому некоторые партийные директивы приходили с большим опозданием.

Литературно-лекторская группа занималась не только устной пропагандой, она несла на своих плечах всю тяжесть подготовки московских большевистских изданий — от легальных и нелегальных газет до книг, сборников статей, переводных изданий, листовок и прокламаций. Ведущую роль в этом деле играл Скворцов-Степанов.

В середине 1905 года в издательстве С. А. Скимунта вышла книга «Очерки по истории Германии в XIX веке. Том первый. Происхождение современной Германии». Перевод был осуществлен В. Базаровым и И. Скворцовым-Степановым. Автором книги являлся немецкий социал-демократ историк Вильгельм Блос (в оригинале книга носила название

«Германская революция. История движения 1848–1849 года в Германии»), В условиях разворачивания революции 1905 года, возможно, книга не увидела бы света на русском языке, если бы Иван Иванович не добавил к ней составленную им заново главу «Экономический строй Германии в первую половину XIX века». «Серьезность» и «солидность» экономического введения явно усыпили «недремлющее око» царского цензора, который пропустил немало острых мест в политических главах. Снизил его «бдительность» и предисловие к русскому изданию, также написанное Иваном Ивановичем. Сам Скворцов считал, что это предисловие как бы «припрятывало» содержание книги Блоса от цензора. С этой же целью из заглавия было удалено слово «революция».

За публикацию перевода работы Блоса взялся известный московский издатель С. А. Скимунт, которого Скворцов-Степанов называл «идейным издателем», поскольку тот охотно шел и на риск, когда надо было выпустить полезную книгу. Иван Иванович мало надеялся на то, что книга без задержек будет сдана в производство. «По своей беспощадной тупости, — заметил он, — и по своей беспощадности московская цензура побивала всяческие рекорды». Как же быть?

В конце концов решено было попробовать издать перевод книги в Петербурге, куда выехал с этой целью и сам переводчик — Скворцов-Степанов.

Столичный цензор сразу заподозрил нечто крамольное и по совету полиции решил задержать издание. Ивану Ивановичу удалось добиться того, что дело передали на решение цензурного комитета. Публикация книги Блоса висела буквально на волоске. Иван Иванович пустил в ход всю свою эрудицию, и после некоторой проволочки разрешение на выпуск книги было все же получено. Появление этой книги о германской революции 1848–1849 годов отвечало самым настоятельным, практическим революционным потребностям России 1905 года. Ведь революция в Германии как бы в «бенгальском освещении» представила всю картину антагонистического общества с его глубокими классовыми противоречиями и со всей сложностью его капиталистического развития. О книге Блоса знали в России, а интерес к ней передовой общественности страны с начала революции 1905 года заметно возрос. И не случайно ее первое издание на русском языке (3900 экземпляров) быстро разошлось, а вышедшее в 1906 году массовое удешевленное издание также было стремительно раскуплено читателями.

Литературной деятельностью Скворцова постоянно интересовался В. И. Ленин. По его просьбе Н. К. Крупская в письмо из Женевы 27 августа

1905 года писала Марии Ильиничне Ульяновой: «Пришли, пожалуйста, поскорее... книгу Степанова и Базарова «История Германии в XIX веке». Очень нужно».

И. И. Скворцов-Степанов, учитывая демократическую направленность издательства С. А. Скирмунта, оказывавшего большую помощь большевикам, вошел в его редколлегия. Издательство во время революционных событий 1905 года открыло на Тверской (ныне ул. Горького) книжный магазин под названием «Труд», в котором продавалась марксистская литература. Скирмунтом было принято предложение Скворцова-Степанова о выпуске других книг о революциях. Среди изданных в 1905 году значились книги В. Блоса «История французской революции», Ф. Олара «История революции во Франции», А. А. Богданова «Краткий курс политической экономии», В. Зомбарта «Современный капитализм», а также ряд брошюр, в том числе С. И. Мицкевича «Профессиональное движение за границей» (выпущена под псевдонимом автора — С. Иванов), и много других.

Эта открытая поддержка Скирмунтом революции не осталась незамеченной жандармерией: когда наступили годы реакции (после поражения российского пролетариата), он был арестован, сослан, а затем с помощью Скворцова-Степанова эмигрировал в Париж. В Россию этот видный издатель получил возможность вернуться лишь в 1915 году.

Публикаторская революционная деятельность Скворцова-Степанова была также связана с наиболее, пожалуй, крупным тогда книгоиздательством «Колокол», возникшим в мае 1905 года.

Следует заметить, что примерно с весны 1905 года в России возникли стихийно, но не без влияния нараставшей революционной борьбы трудового населения ряд новых издательств, которые стали преимущественно выпускать пользующуюся огромным спросом марксистскую литературу. Как правило, издатели этих книг были далеки от марксизма, от борьбы рабочего класса и большевистской партии и главным образом преследовали только коммерческие цели. Меткую характеристику подобным издателям дал В. В. Воровский. Оценивая события первой русской революции, он писал: «С тех пор как «свобода» открыла громадный рынок, жадно поглощавший все печатное, целый рой предпринимателей бросился па издательство социал-демократической литературы». Эти издатели «двинули коммивояжеров к первоисточникам этой литературы, разыскивая авторов и переводчиков заграничных нелегальных изданий, рекомендуясь им «товарищами», обещая отчисления в партийную кассу и пр. и пр.».

Основателем издательства «Колокол» был Е. Д. Мягков — крупный мукомол, владевший многими мельницами в Сибири и Тамбовской губернии. В молодости он принимал участие в выступлениях против властей. События 1905 года оживили настроения его юности, и он решил создать издательство для выпуска книг и брошюр «крамольного содержания», пожертвовав на это дело 50 тысяч рублей и обещав 100 тысяч — сумму, весьма значительную по тем временам. В издательстве были созданы две библиотеки: марксистских работ и народнических. В редакционную коллегию марксистской литературы вошли активные деятели МК РСДРП: И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков и И. Г. Лунц. За несколько месяцев было издано около ста книг и брошюр в марксистской библиотеке, в том числе работы В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Д. И. Курского и других видных большевиков, и лишь около 20 книг и брошюр народнического содержания. Ивану Ивановичу как члену редколлегии принадлежала первостепенная роль в обеспечении столь явного преимущества.

Немало усилий было приложено им в налаживании массовой периодической печати большевистского направления.

27 октября 1905 года вышел первый номер легальной большевистской газеты «Новая жизнь». В газете была напечатана программа Российской социал-демократической партии. Для царской России это было подобно разорвавшейся бомбе. Ведь еще за несколько дней до этой «дерзкой публикации» каждому, у кого при обыске находили Программу РСДРП, грозила тюрьма, а теперь все могли открыто познакомиться с содержанием этого главного партийного документа — достаточно лишь купить номер «Новой жизни» за 27 октября! Но революция шла в гору, и власти пока не решались на свирепые меры.

Финансовую поддержку большевистской газете оказывали А. М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский и актриса В. Ф. Комиссаржевская. А издателем ее выступила актриса М. Ф. Андреева, о революционных взглядах которой знали многие.

Номинальным ответственным редактором «Новой жизни» значился поэт-декадент Н. М. Минский, увлекавшийся в пору молодости соединением мистики с социал-демократией. Подъем революционного движения в России, стремительно возросшая в нем роль пролетариата были настолько велики по своей социальной значимости, что произвели сильнейшее впечатление на слои, еще недавно стоявшие в стороне от освободительной борьбы, от рабочих. Социал-демократия превратилась в своеобразную моду, и на некоторое время даже отдельные поэты-декаденты

стали ее попутчиками. О своей «принадлежности» к революции заявили К. Д. Бальмонт, Н. А. Тэффи (Букинская) и другие. В «Новой жизни», например, Бальмонт поместил такие строки:

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России...

А. Минский напечатал стихотворение «Гимн рабочих», в котором провозглашал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Однако для этой группы писателей и поэтов революция была лишь мимолетным модным увлечением. Скворцов-Степанов не мог удержаться от саркастического смеха, когда услышал об одном случае, рассказанном литературоведом Александром Дейчем. Речь шла о приезде в Киев осенью 1905 года Бальмонта. После ужина в ресторане группа поклонников поэта провожала его в гостиницу.

— Когда мы переходили через большую площадь, где дремал на посту дюжий городской, — вспоминал Дейч, — поэт неожиданно спросил нас: «Товарищи, вы любите революцию? У меня есть революционные стихи, настоящие, в красных обложках», — и тут же, подойдя к городскому, надменно вскинул голову и громко протрассировал:

Но час расплаты грозной ждет, —
Кто начал цагствовать Ходынкой,
Тот кончит, став на эшафот,

Городовой встрепнулся, посмотрев сверху вниз на Бальмонта, и сказал наставительно:

«Барин, пошли бы вы спать».

Поэт, обернувшись к нам, воскликнул:

«Вот, попробуй делать с такими людьми революцию?!» Пересказывая этот случай друзьям, Иван Иванович Скворцов-Степанов едко заметил: «И смех, и грех: даже околоточному неопасны такие «рреволюционеры».

После декабрьских кровавых сражений 1905 года они тотчас же отшатнулись от всякого сочувствия восставшим.

С 9 ноября 1905 года, то есть на следующий день после приезда в Петербург из эмиграции, фактическим редактором «Новой жизни» стал В. И. Ленин. Он опубликовал в этой газете ряд своих блестящих статей, в том

числе классическое произведение «Партийная организация и партийная литература». Тираж газеты сразу достиг невиданных для того времени размеров — 80 тысяч, но и он не покрывал спроса. Всего вышло 28 номеров. Газета просуществовала из-за репрессий властей только до 3 декабря, однако вклад ее в просвещение поднявшегося на баррикады пролетариата трудно переоценить.

В газете принимали участие такие видные соратники В. И. Ленина, как В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. П. Покровский, М. С. Ольминский, Б. А. Кнунянц, М. М. Литвинов, В. Л. Шанцер и другие публицисты. Активно в ней сотрудничали А. М. Горький и М. Ф. Андреева.

И. И. Скворцов-Степанов тоже был заметной фигурой в редакции. В «Новой жизни», в тех номерах, которые редактировал В. И. Ленин, была напечатана большая статья Ивана Ивановича «Из истории феодального класса. Современные политические партии» (статья печаталась в трех номерах газеты за 17, 23 и 29 ноября 1905 г.). В ней он проанализировал неизбежность крушения феодального строя в России, основываясь на точных фактах, и показал эксплуататорскую сущность имущих классов, причины существования в России средневековых пережитков.

Заметный след в партийно-политической биографии Ивана Ивановича Скворцова-Степанова оставила его деятельность в дни первой русской революции в московской (тоже первой) легальной большевистской газете «Борьба», которая выходила с 27 ноября по 7 декабря 1905 года. Инициаторами ее выпуска были В. И. Ленин и А. М. Горький. На состоявшемся в ноябре 1905 года в Петербурге совещании членов ЦК партии, на котором присутствовал В. И. Ленин, Максим Горький сказал:

— Газета в Москве, и именно такая, какую задумали товарищи, крайне нужна. Надо бороться и за интеллигенцию, надо положить конец засилью московских либералов... Покровский, Степанов и Рожков успешно бьют их на митингах; нужно, чтобы это полезное занятие они могли продолжить и в печати.

Скворцов стал не только одним из организаторов, но и фактическим редактором газеты. И хотя газета просуществовала короткое время, она сыграла в те трудные дни заметную роль в политическом просвещении масс.

Как свидетельствовал Максим Горький, в то время, когда в Москве стала издаваться газета большевиков «Борьба», они с Иваном Ивановичем встречались почти ежедневно. Порою писателя искренне удивляло то самозабвение, с которым Скворцов-Степанов, а с ним Рожков, чтобы получить «свежую информацию» для очередного номера, буквально

«бегали по улицам Москвы, особенно часто мелькая по площади, около Манежа, еще более часто, где постреливали в прохожих скупающие казаки».

В «Борьбе» Иван Иванович опубликовал несколько своих статей. Под псевдонимом «И. Степанов» «Борьба» поместила его статью «Русские ведомости» порицают и начальство», где разоблачалась российская либеральная буржуазия за ее лицемерный призыв «сохранить армию вне политики». Не нужно пространно доказывать, отмечал Иван Иванович, что армия в руках господствующего класса — орган государственного насилия и, защищая интересы этого класса, она не может быть аполитичной. Автор призывал сделать армию «из оружия порабощения орудием освободительной, революционной политики».

19 сентября началась стачка московских печатников, вслед за которыми забастовали булочники, табачники, мебельщики, рабочие трамвайных депо и кондукторы. «Не хватало только оружия», — сообщал бюллетень МК РСДРП. На следующий день митинг у булочной Филиппова на Тверской улице вылился в сражение с полицией, к которой на помощь пришли две роты солдат и казаки. Пролилась кровь. Вот вам и «армия вне политики», — это были первые слова Скворцова-Степанова, когда он быстрым шагом вошел в помещение МК. «Повсюду, особенно среди металлистов и железнодорожников, наблюдается подлинный взрыв возмущения. Все серьезно говорят о необходимости вооруженной борьбы».

Страна вплотную подошла к всеобщей стачке. Первыми в Москве 7 октября забастовали рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза объявило всеобщую железнодорожную забастовку, а 17 октября она, как констатировал В. И. Ленин, «приостановила железнодорожное движение и самым решительным образом парализовала силу правительства»^[10]. Во многом успеху стачки способствовали решения московской конференции большевиков, которая постановила начать всеобщую политическую забастовку. «Москва и Петербург поделили между собой часть революционного пролетарского почина»^[11] — так оценил ситуацию В. И. Ленин.

В каких-нибудь пять-шесть дней стачка приняла всероссийский характер, охватив до двух миллионов бастующих. Царпзм использовал все средства, чтобы приостановить народную волну гнева, маневрируя и прибегая к кровавым актам. 18 октября в Москве от руки черносотенца погиб только что выпущенный из тюрьмы Николай Эрнестович Бауман.

Очень тяжело переживал эту утрату Иван Иванович.

— Да, потеря неизмеримая, — говорил Скворцов-Степанов. — Но для многих это и урок: надеяться на то, что реакция не посмеет зверствовать перед лицом нарастающей бури, — значит жестоко заблуждаться. Какого бесстрашного товарища, какую светлую личность потеряли люди труда...

Иван Иванович принял самое энергичное участие в организации похорон Баумана и превращении их в мощную революционную демонстрацию. После траурного митинга молча возвращались с кладбища. И вдруг выстрелы — по мирной толпе. Стреляли войска!

— Твои предостережения уже сбываются, Иван! — воскликнул «Марат» (В. Л. Шанцер), склоняясь над раненым рабочим. — Палачи продолжают кровавое дело!

Всего, по полученным потом данным, менее чем за месяц, прошедший после похорон Н. Э. Баумана, войсками и полицией было убито до 4 тысяч человек.

6—10 ноября в Москве проходил II съезд Всероссийского крестьянского союза, на котором присутствовал и Скворцов-Степанов. Революционные мотивы в речах ораторов звучали более отчетливо, чем раньше. Обсуждался вопрос и о вооруженных действиях. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась».

Дух свободы проникал и в казармы, на корабли, в армейские части: вспыхнуло волнение кронштадтских моряков, во Владивостоке — матросских отрядов, а в середине ноября — мощное восстание моряков в Севастополе во главе с революционным демократом лейтенантом П. П. Шмидтом на крейсере «Очаков», к которому присоединились еще несколько кораблей Черноморского флота. Однако силы оказались неравными: поднявшиеся на борьбу с самодержавием моряки потерпели поражение. Тем не менее революционный накал увеличивался: в самых различных районах империи вспыхивали вооруженные беспорядки. Инициатива решительного натиска против самодержавия перешла к пролетарской Москве.

Однако МК РСДРП не сумел правильно оценить выгодный момент, чтобы поднять совместное вооруженное восстание рабочих и солдат гарнизона: решительно настроенные Васильев-Южин и Скворцов-Степанов предлагали немедленно действовать, учитывая готовность масс, другие же советовали известить Центральный Комитет партии и ждать

указаний из Петербурга. В результате колебаний время было упущено, а начавшийся мятеж в Ростовском полку власти подавили, что привело к спаду революционного настроения в солдатских массах гарнизона.

И только 10 декабря, когда контрреволюция перешла в наступление, в Москве развернулось вооруженное восстание. Но переход всеобщей стачки в городе в восстание совершился во многом стихийно, через головы революционных организаций. Конечно, отсутствовал и боевой опыт. Несмотря на то что фактически не было централизованного руководства, ощущался острый недостаток оружия, рабочие дрались поистине героически, нанося царским войскам и полиции серьезные потери. Широкие массы населения Москвы активно помогали дружинникам. Из Петербурга большевики сумели направить восставшим москвичам немного оружия, но не удалось парализовать Николаевскую железную дорогу, по которой правительство послало в Москву для подавления восставших гвардейский Семеновский полк. В этих условиях руководители меньшевиков и эсеров проявили трусость и капитулянтство. Началось жестокое подавление выступления пролетариата Москвы.

Дольше всех героически сражалась Пресня. Мужественно сопротивлялся отряд дружинников во главе С. М. В. Фрунзе. 16 декабря, когда перевес карателей стал подавляющим, первая вооруженная битва московских рабочих с царизмом потерпела поражение.

Скворцов-Степанов до самой последней минуты продолжал оставаться в типографии, готовя последний номер газеты «Борьба». Карательные части повсюду громили редакции и другие «очаги бунтовщиков». И только по прямому указанию Московского комитета партии Иван Иванович покинул типографию: стало известно, что войскам отдан приказ разгромить ее и что за этой операцией лично следит «кровавый палач» адмирал Ф. В. Дубасов.

Московское вооруженное восстание показало, что большевики сражались как верные и бесстрашные солдаты революции. «...Мы будем гордиться тем, — писал В. И. Ленин, — что *первые* вступили на путь восстания и *последние* покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен»^[12].

После поражения вооруженного выступления московских пролетариев пропагандисты, лекторы, публицисты МК РСДРП большевиков развернули работу по разъяснению значения боев на Красной Пресне и в других районах столицы, причин, которые привели к неудаче. Несколько заметок и статей, в которых анализируются уроки декабря 1905 года, опубликовал и Скворцов-Степанов.

К концу января 1906 года по инициативе Ивана Ивановича в издательстве «Колокол» вышел в свет сборник «Текущий момент». Он был напечатан в течение немногим более двух недель и издан тиражом в 10 тысяч экземпляров — небывалое число по тем временам для подобной литературы. Сборник моментально разошелся. Широкую известность приобрела статья Скворцова-Степанова, помещенная в нем, — «Издалека». Она посвящалась критике взглядов Г. В. Плеханова в его «Дневниках» на последние события в России. Эту статью Иван Иванович написал после мучительных раздумий: слишком трудна была обязанность поведать читателю истины о старом заслуженном социал-демократе, видном теоретике и пропагандисте марксизма. «Что сказать о его позиции — этот вопрос не вызывает сложностей, — думал Скворцов-Степанов, — а вот как сказать... Надо все тщательно взвесить».

Наконец он берется за перо, чтобы осуществить давний замысел — откладывать больше нельзя...

В противовес заявлению Г. В. Плеханова, что несвоевременно было начинать стачку, «не нужно было браться за оружие», в противовес его утверждениям о «революционности российской либеральной буржуазии» Иван Иванович убедительно показал политическую линию пролетариата и его руководящую роль в революции 1905 года. Всем читателям бросалось в глаза то, что статья в целом написана исключительно корректно. Ее автор подчеркивал, что Г. В. Плеханов — крупная международная величина, «которой могли бы гордиться и не такие молодые движения». Но даже такой ум, «наблюдая непосредственную жизнь издали, подпал после четвертьвековой эмиграции под власть своего рода ошибок зрения, которые сыграли известную роль и в повороте Бернштейна...».

«От товарищей, ездивших в Питер к Ленину, — писал Иван Иванович в одной из статей, — мы получили самую горячую благодарность за этот сборник («Текущий момент»). В частности, он очень сильно одобрил мою статью и за существо и за форму, которую я избрал для полемики с Плехановым. Ничего не поделаешь, когда условия политической борьбы так складываются. Чем крупнее человек, делающий ошибку, тем вредоноснее окажутся эти ошибки. Какого-нибудь Сидорова никто не слышит. К Плеханову все прислушиваются».

В брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В. И. Ленин отметил: «Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов (Сборник «Текущий момент», статья «Издалека»), что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну»^[13]. Много лет спустя, когда в одной из бесед с Владимиром Ильичем они вспомнили о статье «Издалека», Иван

Иванович признался Ленину, что промучился несколько дней, прежде чем заставил себя выступить против Г. В. Плеханова. «Это мне знакомо», — улыбнувшись, заметил Владимир Ильич.

Многие отпустили и другую статью Скворцова-Степанова, помещенную в сборнике «Текущий момент». Она называлась «О свободе конкуренции» и посвящалась экономическому развитию России в первые годы XX века. На основе марксистского анализа автор подводил читателя к выводу, что русский буржуа по самому своему хозяйственному положению «не может быть последовательным и решительным либералом даже в таком элементарном вопросе, как свобода конкуренции. И только пролетариат является последовательным и стойким борцом за политические свободы». Его хозяйственное положение «не оставляет для него других выходов, как смерть — или свобода, вырождение под двойным гнетом феодальной и буржуазной эксплуатации — или движение через развитое буржуазное общество к социализму».

После выхода сборника «Текущий момент» Скворцов-Степанов на средства, полученные от его продажи (авторы статьи отчислили по трети полученного ими гонорара), стал готовить к печати второй сборник — «Вопросы дня». Его удалось выпустить в свет в июне 1906 года. Удалось — поскольку в издательском деле трудности как никогда возросли. Как признавал сам Иван Иванович, «после Декабрьского восстания в Москве и ряда вооруженных восстаний в других местах, после того, как деревня стала раскачиваться и сказала свое «слышу» учащающимися разгромами помещичьих усадеб, капиталистические издатели сильно к нам охладели».

В этом новом сборнике в статье «Конфискация или выкуп?» Скворцов-Степанов показал антинародную сущность аграрной программы кадетов и обратился с призывом к крестьянству усилить борьбу за землю. «Пролетариат не ждет, — писал он, — что ему «дадут» что-либо со стороны. Со стороны ему «дают» каторжные законопроекты о стачках, временные правила о печати, тюрьмы и виселицы за освободительную борьбу. Организованный в политическую партию, он сам добивается осуществления своих целей». Поэтому и крестьянство тоже не должно ожидать, что ему «дадут» со стороны. Оно должно провести свои требования в жизнь в результате борьбы: осуществить своими силами конфискацию крупного землевладения, рассчитывая при этом на могучую помощь своего союзника — пролетариата. «Революция в отношении собственности, — заключал автор, — завершается и приобретает устойчивость лишь в силу политической революции».

Столь же энергично трудился в те дни Иван Иванович над переводами.

Наиболее важным из них, увидевшим свет в России благодаря усилиям Скворцова-Степанова, был сборник «К. Маркс. Собрание исторических работ».

В книгу вошли «Борьба классов во Франции 1848–1850 гг.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса и «Революция и контрреволюция в Германии» Фридриха Энгельса (до 1918 года авторство этой работы приписывалось К. Марксу). Кроме того, в приложение были включены «Введение к «Борьбе классов во Франции» Ф. Энгельса и «Приложение к «Революции и контрреволюции в Германии» К. Каутского. (В 1912 году обложка и титульный лист книги при втором издании были изменены цензурой; название стало нейтральным: «Мысли и взгляды о жизни XIX века».)

Нужно ли доказывать, какое значение для русской социал-демократии, всего российского революционного движения имел выход этого сборника на русском языке в дни первой революции в России!

В начале января 1906 года Владимир Ильич Ленин приехал из Петербурга в Москву. Он участвовал в заседании литературно-лекторской группы МК РСДРП, на котором обсуждались итоги Декабрьского вооруженного восстания, в частности, интересовался, как группа будет обобщать опыт боев на Красной Пресне и в других районах города. Нет сомнения в том, что именно тогда произошло личное знакомство В. И. Ленина с Иваном Ивановичем.

В конце февраля 1906 года В. И. Ленин вынужден был переехать из столицы в дачное место на Карельском перешейке — Куоккалу («Квакала», как шутливо его называл Владимир Ильич из-за обилия лягушек в окрестных болотах). Здесь весной того же года по заданию Московского комитета РСДРП(б) Ленина посетил Иван Иванович Скворцов-Степанов. Он подробно рассказал Владимиру Ильичу о всех перипетиях Московского декабрьского восстания. Присутствовавший во время встречи В. Д. Бонч-Бруевич заметил, что рассказ Ивана Ивановича на всех произвел неотразимое впечатление. Не чувствовалось никакого уныния, несмотря на поражение пролетариев Москвы. Сам Иван Иванович выглядел бодрым, уверенным в будущей победе.

В. Д. Бонч-Бруевич не случайно отметил именно эту черту, выделявшуюся на фоне многочисленных примеров растерянности даже среди бывалых социал-демократов. Остался довольным встречей и Владимир Ильич. «Мне кажется, — писал Иван Иванович, — я еще вижу, как сияли его глаза, когда я рассказывал ему, что в Москве ни у кого, и прежде всего у рабочих, нет чувства подавленности, а скорее наоборот.

Организация частично глубже ушла в подполье, но вовсе не отказалась и от открытой агитации и пропаганды. Никто не думает отречься от того, что большевики делали в последние месяцы. О панике, об унынии не может быть и речи. От повторения вооруженного восстания нет оснований отказываться». Часы пребывания Скворцова-Степанова в Куоккале пролетели особенно быстро. Надо было возвращаться в Москву. До станции его провожал В. Д. Бонч-Бруевич и двое финских рабочих.

— Иван Иванович, — говорил, прощаясь, В. Д. Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич просил передать: максимум осторожности, надо учитывать новые условия. Ну а насчет хладнокровия — это у тебя есть. Так держать!

— Что поделаешь, — отвечал, пожимая крепко руки, Скворцов-Степанов. — Может быть, придется, как советует Ильич, уйти в подполье на некоторое время. Будет маленькое затишье, а потом все опять наладится. Пролетариат поднялся, он вырос, и теперь его не вгонишь в тесноту старого бытия. Он будет жить широкой и глубокой политической жизнью.

Поезд тронулся. Иван Иванович стоял на подножке вагона, махал шляпой, пытался крикнуть что-то шутивное.

Точных данных, какого числа приезжал Иван Иванович в марте 1906 года в Куоккалу, отыскать не удалось. Нет сомнения в том, что во время встречи с В. И. Лениным он обговорил детали предполагавшегося приезда Владимира Ильича в Москву. И когда вскоре (спустя несколько дней) Ленин приехал, он сразу же с вокзала направился на квартиру к Скворцову-Степанову. Тот жил в то время в Большом Козихинском переулке (ныне улица Остужева). Был у него «два или три раза», как вспоминал впоследствии Иван Иванович. Разговоры вновь шли больше всего вокруг Московского вооруженного восстания.

Иван Иванович подробно отвечал на вопросы Ленина.

«Теперь, оглядываясь назад, — писал Иван Иванович в январе 1926 года, — нахожу, что, быть может, давал Ленину слишком оптимистическую оценку московских дел после восстания. Но при всем этом я верно отражал московские настроения. Конечно, некоторый субъективизм был неизбежен. И, во всяком случае, Владимир Ильич мог сделать известную поправку на темперамент рассказчика, вообще не склонного предаваться унынию».

Во время этой беседы Ленин попросил Скворцова-Степанова и других товарищей подробно информировать его о событиях, связанных с Московским восстанием. Все говорили горячо и, по-видимому, несколько преувеличивали значение баррикадных боев. Владимир Ильич внимательно слушал, а когда выступавшие касались отдельных эпизодов, опыт которых

должен пригодиться в будущем, он коротко замечал: «Это интересно», — и делал заметки в блокноте.

Во время состоявшихся встреч обсуждался также круг вопросов, связанных с тематической платформой большевиков на предстоявшем IV стокгольмском съезде РСДРП.

И. И. Скворцов-Степанов сразу же связал Владимира Ильича с Московским комитетом РСДРП. Ленин принял участие в совещании руководящей группы московских большевиков и сделал несколько докладов, которые были одобрены. В сопровождении Ивана Ивановича В. И. Ленин прибыл на заседание Замоскворецкого райкома партии и выступил при обсуждении резолюции об отношении к Советам рабочих депутатов. Затем Владимир Ильич присутствовал на заседании Московского окружного комитета РСДРП при обсуждении вопроса об участии московской организации в избирательной кампании по выборам в Думу. Однако заключительное заседание московского партийного актива оказалось сорванным; оно намечалось в Музее содействия труду, помещавшемся в начале Рождественки (ныне улица Жданова), но едва только собрались приглашенные, как в помещение явился околоточный с несколькими городовыми. В этих условиях собрание решили отменить, немедленно удалив всех, кто жил на нелегальном положении, с чужими паспортами. О создавшемся положении Скворцов-Степанов успел предупредить В. И. Ленина.

По предложению Ивана Ивановича решили постоянно менять место ночевки В. И. Ленина. Одну ночь Владимир Ильич пробыл на квартире у хорошо знакомого Скворцову врача, который «в полицейском отношении стоял выше всяких подозрений». А на следующую он находился у артиста Малого театра Н. М. Падарина. Конспиративность московских большевиков оказалась на высоте. Заключительное заседание московского партийного актива состоялось на следующий день, в другом месте, на частной квартире и в более тесном кругу. После этого Владимир Ильич благополучно уехал в Петербург. Долго смотрел Иван Иванович вслед уходящему в столицу поезду...

На IV (Объединительный) съезд РСДРП Иван Иванович Скворцов-Степанов был избран делегатом с решающим голосом от московских большевиков. Это был первый партийный съезд, на котором он присутствовал. Съезд проходил в апреле 1906 года в Стокгольме.

Во время работы съезда, в перерывах, в минуты отдыха после заседаний Скворцов-Степанов познакомился и беседовал со многими делегатами. Эти встречи обогатили его, дали возможность ощутить

масштабы деятельности партии как в России, так и в эмиграции. Познакомился он и с лидерами меньшевиков, в том числе с Г. В. Плехановым.

На съезде Скворцов-Степанов, выступивший под партийной кличкой Федоров, по всем спорным принципиальным вопросам голосовал вместе с В. И. Лениным и в дискуссии занял ленинскую позицию, поддерживал и отстаивал ленинскую платформу. На седьмом заседании была избрана комиссия по выработке резолюции о Государственной думе в составе В. И. Ленина, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова, О. А. Ерманского, Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана. Достигнуть единства в комиссии не удалось. Делегатам съезда были представлены два проекта резолюции: большевистский, предложенный В. И. Лениным, А. В. Луначарским и И. И. Скворцовым-Степановым (текст написан В. И. Лениным), и меньшевистский, выдвинутый Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом. Большевистский проект резолюции был отклонен голосами меньшевиков.

Иван Иванович несколько раз выступал на съезде. В частности, он предлагал включить в порядок дня обсуждение вопросов о праздновании Первого мая, об оценке современного момента и о его связи с решением аграрной программы. Особенностью партийно-большевистской деятельности, вспоминал много лет спустя о том времени Иван Иванович, были «объединительные тенденции», которые налагали известные формальные обязательства: «приходилось полемизировать с меньшевиками таким образом, как будто у нас была действительно единая и общая с ними организация».

Этим во многом объясняется то, что статьи Скворцова-Степанова той поры написаны с определенной сдержанностью и полны двусмысленностей. К тому же это были в основном «подцензурные статьи», они проходили «досмотр» царских властей, и автору их приходилось соблюдать осторожность. Но вместе с тем Иван Иванович строго следил за тем, чтобы московские большевистские газеты («Светоч», «Вопросы дня», «Истина») проводили четкую ленинскую линию. Он решительно выступил против попыток Г. В. Плеханова подчинить рабочий класс интересам либеральной буржуазии и ее политической организации — партии кадетов, вскрыв в своих выступлениях и статьях («О новом повороте Плеханова» и других) полную негодность и вредность для пролетарского дела плехановской тактической линии — призыв к поддержке кадетов против черносотенцев под флагом объединения «освободительных сил».

Почти одновременно с В. И. Лениным, издавшим вскоре после съезда брошюру «Социал-демократия и избирательные соглашения»^[14], Скворцов-Степанов публикует статью в еженедельнике «Вопросы дня» (11 ноября 1906 г.) «Самим бороться — или уповать на либеральных буржуа? К вопросу о соглашениях», в которой он гневно осуждал меньшевиков, призывавших рабочих поддерживать кадетов на выборах. Социал-демократия, писал он, не пойдет в хвосте у либеральной буржуазии, она должна максимально использовать избирательную кампанию в интересах пролетарских масс.

Наступил 1907 год. Революция прошла свой гребень. Требовалось тщательно взвесить уроки всенародного движения. По заданию МК РСДРП(б) Скворцов-Степанов снова едет в Куоккалу, встречается с Лениным. Идеи, высказанные Ильичу, получают полное его одобрение. Более того, В. И. Ленин просит Ивана Ивановича срочно подготовить статью, в которой был бы затронут вопрос и о позорном поведении в революции меньшевиков. Через две недели статья была готова (она вышла в петербургском сборнике «Очередные вопросы» в апреле 1907 года под названием «К вопросу о блоках и соглашениях») и вызвала большое удовлетворение в демократических, партийных кругах. Как и следовало ожидать, ее встретили в штыки штрейкбрехеры революционного движения — меньшевики.

Переход большинства руководящих работников МК РСДРП(б) на нелегальное положение заметно осложнил проведение массовой пропагандистской работы. Но свертывать ее никто не собирался. На оперативном подпольном совещании в начале февраля 1906 года единогласно было решено попытаться использовать «для разведки» собрание, которое готовили кадеты в Политехническом музее. На него вызвались пойти И. И. Скворцов-Степанов и Н. А. Рожков.

Прослушав выступления кадетов Кокошкина и Щепкина, попросил слова Иван Иванович. За ним записался выступить Рожков. Вначале никто не обратил особого внимания на фамилии очередных ораторов — Скворцов и Рожков решили выступить под вымышленными именами. Конечно, это был риск: московская общественность их знала достаточно хорошо. «Уже одно появление нас на трибуне, — рассказывал после выступления И. И. Скворцов-Степанов, — вызвало «движение» в собрании. Как?! Те самые большевики, которые разбиты и разгромлены, которые стояли во главе вооруженного восстания, уже выступили из подполья! И не только не отрекаются от павших товарищей, но совершенно открыто заявляют, что все уступки, которые получены до сих пор, вызваны большевистской

тактикой, разрушающей все конституционные иллюзии и апеллирующей к силе и революционному натиску масс. И более того, они бичуют тех, кто теперь трусливо хочет отмежеваться от революционных борцов».

Когда Иван Иванович сошел с трибуны, зал вдруг взорвался аплодисментами — здесь было немало сочувствующих революции. Учитывать это пришлось и последующим ораторам из числа кадетов: отвечали они большевистским посланцам весьма сдержанно, сбивчиво. Чувствовалось, что они не могут не считаться с настроением аудитории. А вскоре литературно-лекторская группа МК РСДРП правела в Москве свои митинги, собравшие, как и раньше, полные залы слушателей. Выступления Ивана Ивановича пользовались особой популярностью в рабочей среде.

«Ярче всего мне врезались в память, — вспоминал Б. П. Позерн, — выступления Ивана Ивановича на больших собраниях при выборах в I Государственную думу, когда он стал истинной грозой для кадетов. В его ясных и простых по форме выступлениях чувствовалась большая эрудиция, огромный запас знаний, и его логически ясные доводы получали удесятеренную силу благодаря едкой насмешке и обильно рассыпаемому им сарказму по адресу врагов из кадетского лагеря...

Тысячи людей слушали в то время Ивана Ивановича Скворцова, и тысячи людей воспринимали четкий марксистский анализ сложной общественной обстановки того времени и черпали в его речах бодрость, уверенность и энергию для предстоящей борьбы».

Состоявшийся в апреле — мае 1907 года в Лондоне V съезд партии подчеркнул роль РСДРП как политического вождя, боевого авангарда рабочего класса и призвал усилить разъяснительную работу в массах в целях укрепления веры трудящихся в победу правого дела. Материалы съезда, его решения всесторонне обсуждались на нелегальных встречах членов литературно-лекторской группы с участием вернувшихся из Лондона В. П. Ногина, избранного на съезде членом Центрального Комитета, а также делегатов съезда А. С. Бубнова, М. Н. Покровского, В. К. Таратуты, Е. М. Ярославского и М. Н. Лядова. Несколько раз Иван Иванович, заходя на квартиру Ногина на Остоженке для обсуждения текущих партийных дел, заставлял там Бубнова, Обуха, Мицкевича и других руководителей МК РСДРП(б). Всех очень радовало то, что в ряде районов Москвы удалось в короткий срок создать новые лекторско-пропагандистские группы (в Сокольниках, Лефортовском и Бутырском районах).

Иван Иванович Скворцов-Степанов был душой литературно-лекторской группы московских большевиков, ее основным идеологом и

активным докладчиком. Он вносил в работу группы, по выражению В. Д. Бонч-Бруевича, огромную жизнерадостность, «был буквально упоен нашей социал-демократической деятельностью и неизменно считал, что все идет к лучшему, что события нарастают, несмотря на то, что бывают провалы и неудачи».

С 1908 года, когда началась полоса реакции, деятельность лекторской группы при МК РСДРП значительно уменьшилась. Некоторые ее участники были арестованы, другие эмигрировали, третьи по поручению партии разъехались по разным городам и губерниям. Последнее значительное мероприятие, которое удалось провести в тот год, были доклады, посвященные памяти Карла Маркса. Несмотря на репрессии полиции и жандармерии, состоялись три выступления на рабочих митингах в честь вождя мирового пролетариата. Скворцов-Степанов выступил с докладом об историческом значении марксизма в помещении вечерней школы при фабрике Тиля (Замоскворечье). Собралось не менее 100 рабочих. «Мы можем быть счастливы, — заявил в заключение собрания Иван Иванович, — что нам удалось прочесть эти рефераты. Смотрите, как выросла рабочая масса, как она реагирует на все! Просто прелесть», — прибавил он свое любимое выражение.

3 июня 1907 года Николай II разогнал I Государственную думу, арестовав ее социал-демократическую фракцию, что было воспринято как государственный переворот. Началась «стольпинская реакция», усилились свирепые репрессии против трудящихся. Тысячи рабочих и крестьян были замучены, расстреляны, повешены. Недаром виселицу стали именовать «стольпинским галстуком». «Свободный гражданин под казацкой нагайкой, парламент под строгим полицейским надзором, свободная законодательная деятельность депутатов, которым предписывается во всем подчиняться воле начальства, — вот какова политическая свобода в российско-полицейском истолковании», — писал Скворцов-Степанов о правительственной декларации Столыпина.

Повсюду рыскали карательные отряды. По выражению писателя В. Г. Короленко, смертная казнь стала «бытовым явлением». По неполным данным, царский суд осудил по политическим делам с 1907 по 1909 год более 26 тысяч человек, из которых свыше пяти тысяч были приговорены к смертной казни. Только в 1909 году в тюрьмах томились 170 тысяч политических заключенных. «Наступило тяжелое время. Партия таяла, средств не было» — так напишет позднее Иван Иванович, вспоминая те трудные годы. Это поражение, по его словам, было неизбежно по тогдашнему уровню политического развития пролетариата и тогдашнему

политическому опыту крестьянства.

Наступление контрреволюции проходило в обстановке идейного шатания, испуга либеральной буржуазии, тех слоев интеллигенции, которые еще совсем недавно шумели о своей революционности. Ряд писателей и поэтов, главным образом мистиков и декадентов, разуверились в революции, которую совсем недавно они так «горячо обожали». Леонид Андреев выпустил в те дни рассказ «Так было», в котором изображалась безысходность «свободолюбивых порывов»:

Равномерно звучат часы истории.

Тик-так, тик-так.

Рушились троны, шли войны.

Тик-так, тик-так.

Так было, так будет,

Вместо старых воцаряются новые монархи-тираны.

Тик-так, тик-так.

Так было, так будет.

И ничто не остановит человекоубийство.

Одни люди будут угнетать других.

Так-так, тик-так.

Так было, так будет.

Равномерно бьют часы истории.

В противовес Леониду Андрееву великий пролетарский писатель Максим Горький заявил: «Так было, но так не будет!» История неумолимо движется вперед. «Человек — это звучит гордо».

Декадентская интеллигенция металась в страхе перед революцией. Она, по выражению В. В. Воровского, «охотно делает глазки и пугает ими буржуазию». Их литература была сотворением общества имущих, его гнилым плодом. Буржуазная журналистика тоже стремилась не отстать от моды. Появляются различные периодические издания под названиями: «Голос любви», «Среди любви», «Сила любви», «Голос всеобщей любви», «Ночи безумные», «В смуте любви» и т. п. Начинает издаваться специальная «пикантная литература», выходят слащавые повести А. В. Вербицкой, целая серия упаднических и безнравственных сочинений М. Арцыбашева, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, Д. Мережковского. Они особенно измывались над революционерами. Так, М. Арцыбашев изображал своего

Санина, этого, по выражению А. М. Горького, «вертикального козла в штанах», чуть ли не социал-демократом. Попробовал себя на «литературном» поприще и эсер-террорист Борис Савинков, выпустивший под псевдонимом Р. Ропшин роман «То, чего не было», в котором представил революционеров глупыми фанатиками, людьми предельно лживыми. Стремясь развенчать революцию и ее участников — героических борцов за народную свободу, он силился убедить читателей в бесполезности революционного движения вообще. В карикатурной форме изображал участников освободительной борьбы писатель Е. Чириков.

В те черные, по выражению Владимира Ильича Ленина, «адски трудные годы» журналисты разных политических направлений — от черносотенцев до меньшевиков — вели на страницах «желтой прессы» разнузданную антибольшевистскую пропаганду.

Своеобразной платформой измены народу, полного отречения от идей революции и демократии стал кадетский сборник «Вехи», авторы которого выступили против демократического движения, призывали порвать с общественными интересами и уйти в личный мирок.

В условиях торжества мракобесия большевики смело и решительно давали надлежащий отпор всей этой пошлости и подлости. Большевики верили, что российский пролетариат снова наберется сил, учтет уроки первой русской революции и придет к своей победе.

Вместе с ленинской партией всеми доступными ему средствами боролся против чертополоха мистики и пессимизма Иван Иванович Скворцов-Степанов. В своих выступлениях, публикациях он давал сокрушительную отповедь носителям упадка и безысходности.

Однажды по приглашению писателя В. В. Вересаева он пришел на вечер, где собрался «цвет литературы декаданса». Д. В. Философов делал доклад о книге Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности». На эстраде, за столом, покрытым зеленым сукном, сидел докладчик и приехавшие с ним из Петербурга Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, а также поэт Андрей Белый и председатель собрания поэт С. А. Соколов-Кречетов. Докладчик с пафосом говорил о «всеобщей беспочвенности», о глубоком моральном падении современной русской литературы, о мрачных перспективах. Покровительственно покачивали головами Мережковский и Гиппиус.

Первым в прениях с длинной «патетической» речью выступил Андрей Белый. Он слыл большим острословом и вообще был кумиром «либеральных салонов». Протягивая руки к публике, поэт с надрывом вещал об ужасающей массовой беспринципности, о безнадежности будущего, о «неслыханном разложении русской литературы».

— Литература сплошь продалась! — продолжал Белый. — Осталась небольшая кучка писателей, которая еще честно держит свое знамя. Но мы изнемогаем в непосильной борьбе, наши силы слабеют, нас захлестывает волна всеобщей продажности., — Оратор срывает галстук, ему душно.

— Помогите нам, — он театрально протягивает в зал ладони, — поддержите нас!

Сидящий в предпоследнем ряду Иван Иванович Скворцов-Степанов, слушая, пожимал плечами и давился от смеха.

— Нет, не могу вытерпеть! Разрешается тут у вас выступать посторонним?

— Конечно, — неуверенно произносит председательствующий.

Вышел — огромный, громкоголосый. Вначале слегка задыхался от нахлынувшего волнения, но тотчас же овладел собой, стал говорить едко и насмешливо. Выразил прежде всего недоумение: почему так безнадежно смотрит выступавший оратор на будущее? И тут же стал говорить о могучих общественных силах, временно побежденных, но неудержимо вновь поднимающихся и крепнущих...

— Господин Андрей Белый в пример развращенности нашей литературы приводит бездарного писателя, получившего известность за откровенную порнографию, да двух газетных репортеров, занимавшихся... травлей кошек. И это — наша литература? Они — литература, а Лев Толстой, живущий и творящий в Ясной Поляне, он — не литература? — Этот вопрос тонет в громе рукоплесканий.

— Я продолжаю, — спокойно говорит далее Иван Иванович, когда шумные аплодисменты стихли. — Жив и работает Короленко — это не литература? Максим Горький живет «вне пределов досягаемости» — как вы думаете, неужели потому, что он «продался»? Или и он, по-вашему, не литература? Господин Белый докладывает вам, что осталась в литературе только их кучка, что она еще не продалась, но ужасно боится, что ее кто-нибудь купит. И умоляет публику поддержать ее.

Мне припоминается старое изречение: «Добродетель, которую надо стеречь, не стоит того, чтобы ее стеречь!» Так и с вами: боитесь соблазниться, боитесь не устоять, и не надо. Продавайтесь! Не заплачем! Но русскую литературу оставьте в покое: она тут ни при чем!

Вновь зал дружно рукоплещет сходящему с трибуны Скворцову-Степанову. На ходу он пожимает протянутые к нему руки.

«Как будто в душную залу, полную тонко-ядовитых расслабляющих испарений, ворвался бурный сквозняк», — вспоминал В. В. Вересаев.

В марте 1908 года исполнилось 25 лет со времени кончины Карла Маркса. Эта памятная годовщина совпала с выходом в Москве первого нелегального номера новой большевистской газеты «Рабочее знамя». Памяти вождя мирового пролетариата было посвящено специальное приложение к газете — вкладной лист со статьей Скворцова-Степанова. В ней Иван Иванович подверг резкой критике тех буржуазных ученых, которые пытались выдать «революционного Маркса» за «бессильного Маркса» и превратить марксизм в учение, полезное буржуазии. Немалые «ревизионистские усилия» прилагали и меньшевики. «Никогда еще сознательный пролетариат всего мира, — писал Скворцов-Степанов, — не был до такой степени солидарен, до такой степени революционен, как в настоящее время. До такой степени солидарен, до такой степени революционен — это значит, до такой степени проникнут духом Маркса».

Не случайно Иван Иванович выступил тогда со статьей о Карле Марксе: в это время уже полным ходом шла его работа над переводом «Капитала».

Сохранилось интересное свидетельство старого большевика Н. С. Клестова-Ангарского, который рассказывает, как Скворцов-Степанов стал переводчиком этого классического труда основоположника научного коммунизма.

Потребность в сочинениях Маркса в ту пору, вспоминал Клестов-Ангарский, и особенно в «Капитале», была очень велика. «Я знал, как трудно достать эту давно распроданную книгу, и потому решил предложить представителю бумажных фабрик Пализена купцу Г. А. Блюменбергу издать эту работу Маркса. Тем более что буквально на днях купец интересовался, нет ли что-либо для издания, которое будет пользоваться большим спросом у читателя.

Долго совещались и подсчитывали купцы и наконец согласились. Теперь я должен был найти переводчиков и редактора.

В тот же вечер я отправился к Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову, которого знал по его работе в Московской организации».

Беседа об этом заняла много времени, ведь обсуждался план чрезвычайно серьезной работы. В свою очередь, Скворцов-Степанов привлек к переводу Базарова. Когда переговоры подходили к концу и Скворцов-Степанов должен был уже подписать договор, Блюменберг заявил, что «для успеха дела он хотел бы привлечь редактора с именем», и

вскоре назвал это имя — В. И. Ленин.

Заказ на перевод «Капитала» Иван Иванович получил в конце 1906 года. Спустя некоторое время в газетах появилось объявление о подписке на три тома «Капитала» в переводе Базарова и Степанова под общей редакцией В. И. Ленина. Однако Владимир Ильич отредактировал только первую главу второго тома. Обстоятельства не позволили ему продолжить эту работу.

Второй том «Капитала» вышел в мае 1907 года и быстро разошелся. Но издание всех трех томов заняло два года. Первый том увидел свет в 1909 году. В первом варианте перевода, кроме И. И. Скворцова-Степанова, принимали участие В. А. Базаров (том I), М. А. Сильвин-Таганский и М. Г. Лунц (небольшие части II и III томов), а в редактировании — А. А. Богданов. В последующих изданиях они не участвовали.

Так Скворцов-Степанов стал, по существу, первым научным переводчиком, комментатором и редактором фундаментального произведения марксизма-ленинизма.

Работа над переводом «Капитала» шла нередко урывками, неравномерно, так как Иван Иванович выполнял и другие ответственные партийные поручения. К тому же при переводе отдельных фрагментов труда на русский язык встречалось немало трудностей чисто стилистического свойства — приходилось подолгу «ломать голову», чтобы предельно точно выразить мысль Маркса, донести до русского читателя все тонкости оригинала. «... Редактирование, — признавался Иван Иванович в письме М. А. Сильвину-Таганскому (о работе над третьим томом), — ужасно изматывает, сплошь и рядом бывает, что после целого дня работы успеваешь проредактировать всего 6–7 страниц».

Труд Скворцова-Степанова по переводу «Капитала» вполне можно назвать настоящим подвигом для дела революции. Он принес поистине неоценимую пользу распространению марксизма в России. Скворцов-Степанов явился не только переводчиком и редактором «Капитала», он составил к его русскому изданию подробный указатель авторов и стран, разоблачив этим легенду буржуазных экономистов, будто бы К. Маркс использовал в своем труде только специфические английские источники.

И в последующие годы Иван Иванович продолжал трудиться над совершенствованием перевода «Капитала», внося в текст на русском языке многочисленные уточнения и изменения. Это было уже в издании «Капитала», увидевшем свет после победы Великой Октябрьской социалистической революции — в 1920 году и во всех дальнейших его публикациях.

В. И. Ленин высоко ценил качество этого перевода, считая лучшим из всех других. Вообще он отмечал большую научную ценность переводов произведений основоположников научного коммунизма, осуществленных И. И. Скворцовым-Степановым, и часто ссылался на них в своих работах. Именно в этом переводе великое произведение Карла Маркса читали и изучали целые поколения русских большевиков. Сам Иван Иванович считал эту работу важнейшим делом своей жизни, значительно обогатившим его как ученого-марксиста.

В апреле 1908 года Скворцову-Степанову удалось на два месяца уехать за границу, что спасло его от неминуемого ареста. Он прожил несколько дней в Женеве, где встречался и часто беседовал с Владимиром Ильичем Лениным, который в то время находился в Швейцарии.

Вернувшись на родину, Иван Иванович вместе с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой организует издание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Предварительно важно было получить заверения издателей о срочном выпуске работы в силу ее особой актуальности. Начав готовить книгу в феврале 1908 года, В. И. Ленин уже в ноябре отправил рукопись в Россию для издания. «Дьявольски важно, чтобы книга вышла скорее»^[15], — писал он А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Попытка Скворцова-Степанова и К. П. Пятницкого договориться об опубликовании книги в издательстве «Знание» закончилась неудачей: издательство выдвинуло трудновыполнимые условия. Но сравнительно скоро, используя старые связи, Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову удалось условиться с частным издательством Л. О. Крум-бюгеля «Звено» (Москва) о публикации без задержек ленинского труда. Всю техническую подготовку рукописи «Материализм и эмпириокритицизм» Иван Иванович взял на себя. Ему помогали Анна Ильинична и Л. С. Перес.

Несмотря на небольшой тираж (одна тысяча экземпляров), произведение В. И. Ленина сразу же оказалась в центре идеологической жизни общества. 9 марта 1909 года Владимир Ильич в письме А. И. Ульяновой-Елизаровой просил передать «Писателю»^[16] «тысячу благодарностей за согласие помочь. Он, кажись, все же марксист настоящий, а не «марксист на час», как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня книгу»^[17]. А в письме лично Ивану Ивановичу 2 декабря 1909 года В. И. Ленин подтвердил, что свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм» он ему «послал тотчас по выходе, т. е. в начале лета 1909 г.»^[18].

В июне 1908 года Скворцов-Степанов становится редактором и едва ли

не единственным сотрудником нелегальной московской большевистской газеты «Рабочее знамя». По его словам, во втором — пятом номерах им было написано от 50 до 90 процентов статейного материала. Приходилось писать на самые разные темы: о революциях в Персии и Турции, о катастрофе на руднике, о Государственной думе, о нарождавшейся группе «Вперед» и т. д. «Превосходной» назвал В. И. Ленин его статью против отзовиста Вольского, полностью опубликовав ее в № 42 «Пролетария».

Анализ работ Скворцова-Степанова по проблемам империализма показывает, что в тот период он ближе всех из большевиков подошел к ленинской оценке этой стадии капиталистического способа производства.

В немалой степени энергия главного редактора обеспечила и рост тиража «Рабочего знамени» — он достиг 12 тысяч экземпляров — значительной цифры для нелегального периодического издания! Но конечно, главным фактором роста тиража было ее содержание. Газета расходилась по всей стране, тысячами новых нитей связывая Москву с Харьковом, Екатеринославом, Баку, Уралом. Ее номера доходили до Красноярска, Хабаровска и даже до Харбина. И повсюду, куда бы ни попадала большевистская газета МК РСДРП, ее принимали, по выражению Скворцова-Степанова, «с восторгом и зачитывали до превращения в клочья».

«Рабочее знамя» из-за царского произвола вынуждена была прекратить свое существование в конце 1908 года.

Это было серое, печальное время. В делах Охранного отделения и Судебной палаты с того года появились папки, на обложках которых красовалась надпись: «Об окончательной ликвидации социал-демократической партии». Легче было сосчитать еще оставшихся на свободе в Москве, чем погибших, арестованных и эмигрировавших за границу. Но партия жила и действовала. Действовал разящим большевистским словом и Иван Иванович Скворцов-Степанов. Но и он не избежал в ту сложную пору отдельных заблуждений.

«Дорогой друг! — писал ему В. И. Ленин 2 декабря 1909 года. — Получил Ваше письмо от 20.IX.09 г. и чрезвычайно обрадовался вести от Вас. Жаль, что раньше не было вестей от Вас... Годы действительно адски трудные, и возможность сношений со старыми друзьями вдесятеро ценнее поэтому.

Но вот насчет того, что «пора ликвидировать веру во второе пришествие общедемократического натиска», решительно с Вами не согласен. Этим Вы сыграли бы только на руку отзовистам (очень склонным к такому «максимализму»: буржуазная революция позади, — впереди —

«чисто пролетарская») и крайним правым меньшевикам — ликвидаторам»^[19]. Владимир Ильич подчеркивал, что «Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию, — но не выходит. Не выходит. Импотенты. По всему видно, и сами признают, что не выходит»^[20]. Попытки перевести царскую Россию на прусский путь развития не увенчались успехом.

«Нет, — утверждал В. И. Ленин, — мы не можем «ликвидировать» идею «общедемократического натиска»: это было бы коренной ошибкой. Мы должны признать возможность «немецких рельсов», но не забывать, что их пока *нет*. Нет и нет. Мы не должны связывать судьбу пролетарской партии с удачей или неудачей буржуазной революции, это бесспорно»^[21].

В заключение своего обстоятельного письма Владимир Ильич делает вывод: следует заботиться, чтобы мы были сильнее, «чтобы крестьяне послушались тогда нас, а не либералов. Только борьба решит, насколько это удастся. Будем требовать всего в смысле «общедемократического натиска»: при успехе получим все, при неуспехе — часть, но, идя на бой, ограничиваться требованием части «нельзя»^[22].

Критикуя ошибочное мнение Скворцова-Степанова о необходимости снятия лозунгов буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин терпеливо и дружески разъяснял политическую и теоретическую неправильность подобной постановки вопроса. В последних строках письма Владимира Ильича — теплые слова: «Крепко, крепко жму руку и желаю здоровья и бодрости. Весь Ваш Старик»^[23].

Спустя две недели, 16 декабря 1909 года, Владимир Ильич написал Ивану Ивановичу еще одно письмо, в котором критиковал его за отрицание возможности двух путей развития капитализма («прусского» и «американского») в сельском хозяйстве России. По поводу этого письма В. И. Ленина Скворцов-Степанов писал в 1924 году, то есть спустя пятнадцать лет, А. И. Ульяновой-Елизаровой, которая часто передавала ему письма своего брата: «Это письмо вообще не было мною получено, — я читаю его теперь в *первый* раз... Не думаете ли Вы, что по каким-либо причинам не передали данное письмо адресату и что оно как раз потому и сохранилось у Вас? И не могло ли быть, что не передали его потому, что для Вас не было ясно, кому именно оно адресовано по своему содержанию?»

Из конспиративных соображений В. И. Ленин нередко не указывал в первых строках письма, кому оно адресовано. Однако в заключительной части своей записки к Анне Ильиничне Иван Иванович не отрицал, что это письмо В. И. Ленина адресовано ему. «Все пережитое за последние годы,

— отмечал он, — вызвало большущие провалы в памяти. Не исключается возможность, что В. И. 15 лет назад нарисовал мой действительный портрет, а это время отошло так далеко, что я не узнаю его».

Что же касается содержания письма Владимира Ильича, то Иван Иванович прежде всего выделил верность научного прогноза Ленина: «Можно только сказать, что тогда никто, кроме Владимира Ильича, ясно не представлял себе соотношений пролетариата и крестьянства в революции, что формула «пролетариат и революционное крестьянство», их совместная диктатура нами *конкретно* не представлялись. В те годы я лично склонен был думать, что складываются объективные и политические условия, при которых эти лозунги «атрофируются от неупотребления». А с другой стороны, и в эпоху революции пятого года я и большинство товарищей мучились над одним громадным затруднением. Пролетариат и крестьянство своим напором ликвидируют исторический хлам и откроют возможность «американского» типа развития».

Эти искренние признания Ивана Ивановича показывают его ошибки в годы столыпинской реакции, которые он исправил после критики В. И. Ленина в ходе революционной практики.

Иван Иванович всегда ставил превыше всего ленинское дерзание, научное предвидение, смелость в суждениях. Он восторгался «изумительно тонкой тактикой Владимира Ильича, приспособленной ко всем поворотам революции, всегда фактически направленной на возможный максимум завоеваний, но в то же время дающей возможность тончайшего маневрирования, вовлечения в бой новых и новых союзников, новой и новой координации действий с ними».

Хорошо знавший о взаимоотношениях В. И. Ленина с И. И. Скворцовым в ту пору большевик М. А. Савельев свидетельствовал: «Я много раз замечал, какое большое значение придает В. И. тому обстоятельству, чтобы удержать И. И. в большевистской среде. Я знаю, какую массу труда и настойчивости проявлял В. И., чтобы оторвать И. И. от «богдановской скверны», и в этом отношении нужно отдать справедливость В. И.: его настойчивость, его деятельная переписка с И. И., обращения к И. И. через посредство товарищей — все это делало свое дело, все это сближало И. И. как чисто российскую фигуру» с большевистским заграничным центром, которым руководил В. И. Ленин.

Приходилось изыскивать все возможности, чтобы голос ленинской большевистской печати не замолкал ни на один день. Усилиями Ивана Ивановича и Центрального бюро профсоюзов с 1909 года стал издаваться легальный журнал «Рабочее дело». Когда полиция спохватилась, удалось

выпустить уже семь номеров. Но не прошло и полгода после закрытия «Рабочего дела», как тот же состав редакции во главе со Скворцовым-Степановым приступил к изданию журнала «Вестник труда», первый номер которого вышел в конце 1909 года.

Как это удавалось осуществить? Послушаем рассказ самого Ивана Ивановича:

«Мы не прекращали попыток создать свои органы печати под разными названиями и фирмами. Обыкновенно начинали дело без всяких средств, рассчитывая выручкой от продажи одного номера покрыть расходы по следующему. Бывало, что нас прихлопывали на втором-третьем, если не на первом номере. Наш тираж в эти годы не превышал 3000. Читали нас исключительно рабочие, в которых все жили еще воспоминания о недавно раздавленной революции и в которых все кипело и клокотало, когда они видели дикие расправы контрреволюции, совершающиеся при попустительстве, а часто и при молчаливом сочувствии либерального буржуа и политического обывателя: если нас даже меньшевики и сам Г. В. Плеханов объявили «анархистами»...»

Либеральная и открыто кадетская печать, выдававшая себя за «беспартийную», шла рука об руку с охранкой, обливая революционеров потоками клеветы и преподнося своим читателям всевозможные сенсационные выдумки о большевиках. Она усердно старалась укрепить у обывателя мнение, что «с революцией покончено». Так, в «Русском слове» и «Утре России», которые издавались на деньги крупного капиталиста П. П. Рябушинского, в ноябре 1909 года меньшевики подали как «сенсацию» пасквиль на партию большевиков, громогласно объявив об изгнании из ее рядов ряда видных революционеров.

Мог ли Иван Иванович оставаться посторонним наблюдателем и спокойно смотреть, как на страницах буржуазных газет меньшевики обливают грязью большевиков?

Для отпора всей этой, по словам Скворцова-Степанова, «пишущей обозной сволочи» он использовал все доступные возможности, чтобы залепить «могучим печатным словом звонкую пощечину борзописцам». В журнале «Вестник труда» он публикует статью «Капитал и газеты». В ней он разоблачает продажный характер буржуазной прессы, заклеив позором «чернильных холопов», которые, подобно барским приживалкам, «за пудик мучки» — за построчный гонорар — продают капиталу свою душу, становятся его жалким рабом, «способным по приказу своего хозяина за приличное вознаграждение написать любую подлость, любую пакость». Лицемерно провозглашенную в царской России «свободу печати»

Иван Иванович назвал «свободой для черносотенцев и октябристов». А газеты рабочего класса не успевают стать на ноги, сразу гибнут как жертвы этой «свободы печати».

Надо было иметь большое мужество, чтобы поставить свою подпись под такой статьей. Но именно так поступил Скворцов-Степанов.

Статья Ивана Ивановича в «Вестнике труда» вызвала негодование царских властей, и уже после выхода второго номера журнал был закрыт. Тогда с мая 1910-го по январь 1911 года Скворцов-Степанов редактирует общественно-экономическую газету «Наш путь» (в ее распространении и транспортировке активное участие принимал М. И. Калинин). Внимание читателей привлек своеобразный его некролог о бывшем председателе I Государственной думы С. А. Муромцеве. Своей буквально уничтожающей характеристикой скончавшегося Скворцов-Степанов бросил вызов всей российской либеральной буржуазии, которая окружила Муромцева ореолом «святости» и «неподкупности», превознося его «олимпийское спокойствие и торжественно-импозантный вид», восхищаясь вальяжной его манерой речи. В единый раболепный хор слились кадеты, «народные социалисты»...

И вдруг статья Скворцова-Степанова...

Напомнив, как курьезно-чопорен был покойный, как пристрастно относился он к левым депутатам Думы и как отвратительно вел он себя на процессе о Выборгском восстании, Иван Иванович показал, что Муромцев всегда оставался верным слугой самодержавия, проводником идей и чаяний либеральной буржуазии и непреклонным врагом демократии, революционного рабочего движения.

Владимир Ильич Ленин дал самый теплый отзыв об этой статье Скворцова-Степанова. Он и другие революционеры-большевики относили эту статью к числу самых смелых, разоблачающих подлинную суть российской буржуазии, ее холопскую преданность царизму. Перечитывая свою публикацию о Муромцеве спустя пятнадцать лет после ее появления, Иван Иванович скромно заметил, что «в ней сказано то необходимое, что тогда должны были и могли сказать большевики». Тогда же под впечатлением знаменитых ленинских статей «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. И. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» Скворцов-Степанов выступил в газете «Новый путь» с литературным очерком-некрологом о великом русском писателе. Он рассмотрел политико-философские воззрения и обрисовал духовный облик гения русской литературы, показав себя тонким и блестящим художественным критиком. На пестром фоне лживых и лицемерных

рассуждений «желтой прессы» о том, каким надлежит видеть «неожиданно усопшего», звонко, хлестко и правдиво прозвучали вслед за вождем партии большевиков В. И. Лениным слова его сподвижника И. И. Скворцова-Степанова, который подчеркнул, что бегство писателя из Ясной Поляны, уход из семьи — все это оказалось последним величавым аккордом с поразительной силой и красотой закончившего жизнь Л. Н. Толстого, жизнь, раздиравшуюся внутренними и внешними противоречиями. «Когда уходит такая огромная и красивая жизнь, — писал Иван Иванович, — сознание просто теряется перед незаменимостью этой утраты, спокойная оценка значения этой жизни становится невозможной. Все слова о великом художнике, об апостоле, об учителе жизни кажутся мелкими, назойливыми, пошлыми, ненужными...»

В сентябре 1910 года Владимир Ильич Ленин предложил МК РСДРП издавать ежемесячный философский и общественно-политический журнал «Мысль». Скворцов-Степанов принял самое активное участие в его организации и деятельности. В издании этого большевистского легального журнала и подготовке его номеров непосредственное участие принимали также В. В. Воровский, М. С. Ольминский и ряд других видных публицистов партии. Всего вышло пять номеров: журнал просуществовал с декабря 1910 года по апрель 1911 года. По существу, редакторские функции осуществлял В. И. Ленин, напечатавший в нем несколько статей.

Необходимо заметить, что в эти годы имело место примиренчество Ивана Ивановича по отношению к фракционной группе «Вперед», созданной в декабре 1909 года, в которую вошла группа бывших большевиков (ставших отзовистами) во главе с А. А. Богдановым, ультиматисты, махисты и богостроители. Под воздействием Владимира Ильича Ленина Иван Иванович все более критически оценивал их политические взгляды. В 1913–1914 годах колебания Скворцова-Степанова в отношении «впередовцев» были им полностью изжиты. Не прекращал в годы реакции Иван Иванович и лекционной работы. Он не только читал лекции в Москве и Подмоскowie, но и принимал приглашения существовавшего тогда Лекционного бюро Комиссии по организации домашнего чтения, выступая с докладами о современном международном положении в народных университетах Москвы и ряда других городов — Воронежа, Самары, Николаева, Ростова-на-Дону, Екатеринослава. Эту работу Иван Иванович всегда считал важным партийным поручением и постоянно гордился ею. В качестве члена Центрального районного комитета РСДРП Москвы он писал революционные листовки и обычно сам же распространял их. Это он делал и позже, когда после создания

Московского областного бюро РСДРП вошел в его руководящий состав.

*

В конце 1910 года сложил с себя полномочия депутата III Государственной думы от Москвы Ф. А. Головин. А когда встал вопрос о довыборах в Думу, Скворцов-Степанов вошел в так называемую «идейную комиссию» московских большевиков по подготовке выборов, которые были назначены на март 1911 года. Затем решено было выдвинуть Ивана Ивановича кандидатом в депутаты от РСДРП. (В комиссию по выборам вошли два большевика — В. А. Обух и М. И. Фрумкин и два меньшевика — Л. М. Хинчук и П. Н. Колокольников.)

Кандидатуру Ивана Ивановича Скворцова-Степанова держали в строгом секрете. Еще не разоблаченный тогда провокатор Малиновский настойчиво допытывался, кого выдвигают «эсдеки» в Думу, но от него скрывали, поскольку за последнее время он стал вести себя очень подозрительно. В числе первых заподозрил что-то неладное В. П. Ногин, вынужденный проживать тогда в Туле.

На беду появился другой провокатор (тоже до этого еще не разоблаченный) — Андрей Поляков, проходивший в охранке по кличкам «Кацап» и «Сидор». Для видимости Полякову определили 19 месяцев тюрьмы. Отсидев этот срок в Таганской тюрьме, он прибыл в Тулу к Ногину уже как агент ЦК по связи с думской фракцией.

Ногину бросилось в глаза, что, когда в начале зимы 1910 года он навестил свою мать Варвару Ивановну в Сокольниках, рядом с ее квартирой без предварительного оповещения поселился... Поляков, который при встречах отводил глаза в сторону, нервничал и суетился.

Однажды удивленный Ногин увидел его шепчущимся с Малиновским. Те, как позднее выяснилось, трудились «в поте лица». Пребывание Полякова в Туле дало результаты: тот все же пронюхал, что ЦК выдвигает кандидатуру Скворцова-Степанова на выборы в Думу. Такое известие агента не на шутку обеспокоило московскую полицию. Решено было нейтрализовать его. Но как?.. В этом вопросе мнения жандармов разделились: одни чины полагали, что большая популярность Скворцова-Степанова в журналистской среде, среди издателей и читателей служит явным препятствием к принятию «жестких санкций», другие считали, что недопустимо либеральничать с этим «писучим смутьяном», а третьи доказывали, что он не так уж опасен своими сочинениями, где «не все

попятно при чтении», и что в интересах «гибкости политической линии» немного надо повременить. Но, разумеется, сторонники «крутых действий» не могли не возобладать. Московская полиция доносила своему начальству в Петербург, что «Скворцов пользуется исключительным авторитетом в рабочих кругах, особо влияя на них в смысле необходимости новых массовых выступлений». И во избежание всяких случайностей «нежелательного порядка» власти пришли к выводу о срочном отстранении Скворцова-Степанова от избирательной борьбы.

А 28 января 1911 года последовал арест Скворцова-Степанова. Во время обыска, которым руководил жандармский ротмистр Келлер, у Ивана Ивановича изъяли 65 книг и много рукописей. После формального допроса в 1-м участке Пресненской части московской полиции его посадили в одиночную камеру Бутырской пересыльной тюрьмы.

Сообщение об аресте кандидата в депутаты III Государственной думы от РСДРП быстро попало в московские и петербургские газеты и вызвало протесты общественности, тем более что при обыске у арестованного не нашли ничего компрометирующего: Иван Иванович предвидел налет жандармов к заранее соответствующим образом к этому «подготовился» — все нелегальные книги и документы были надежно спрятаны. 31 января 1911 года социал-демократическая фракция Думы внесла срочный запрос относительно антизаконных действий московского охранного отделения. Запрос подписали 32 депутата, которые отметили, что «арест И. И. Скворцова приобретает огромное принципиальное и политическое значение», ибо, по существу, он был произведен «лишь за то, что он намечен был кандидатом от социал-демократических избирателей». Среди подписавших наряду с социал-демократами были даже некоторые лидеры кадетов.

Как и ожидалось, правое большинство Думы отклонило «спешность запроса» и передало его в комиссию для обычного «спуска на тормозах». Однако неожиданно для правых комиссия Думы по запросам составила письмо в министерство внутренних дел, в котором... осуждался арест Скворцова-Степанова. Подобного исхода царский департамент полиции явно не ожидал, недооценив авторитет и популярность большевика-публициста в журналистских кругах и среди широких читателей. 1 февраля 1911 года вице-директор департамента полиции Виссарионов раздраженно запросил начальника московской охраны Заварзина о «причинах этого ареста» (хотя сам санкционировал его заранее). Заварзин телеграфировал, что И. И. Скворцов, «объединяя социал-демократические элементы Москвы, внушил опасение, что

вовлечет рабочую массу в солидарные со студенчеством противоправительственные выступления. Сопоставляя прошлое и настоящее Скворцова, — заключил Заварзин, — градоначальник представил его высылке на три года в северные губернии...».

А в подробном письменном обосновании ареста Ивана Ивановича шеф московской охраны выдвинул еще одно обвинение — «сношение с уполномоченными ЦК РСДРП В. П. Ногиным и И. Ф. Дубровинским». В то же время охранка считала Скворцова-Степанова самой видной фигурой среди московских большевиков. «В настоящее время, — докладывал Заварзин, — Скворцов является лидером местных представителей РСДРП, находящихся в непосредственных сношениях с заграничным партийным центром, исполняет обязанности ответственного корреспондента заграничных партийных органов, является базой для прибывающих из-за границы в пределы империи особо законспирированных партийных работников и представителей заграничных верхов партии. Пользуется исключительным авторитетом в рабочей среде, особо влияя на нее в смысле необходимости новых массовых выступлений революционного характера».

Департамент полиции «принял сообщение к сведению». Одновременно по соответствующим каналам из Петербурга был сделан выговор начальнику московской охраны за слишком тупую работу, а также за то, что «момент для ликвидации выбран был крайне необдуманно и неудачно». Заварзину указывалось, что «борьба с революционными организациями не должна носить характера борьбы с выборами нежелательных правительству лиц...».

Далее следовало поучение: «Нельзя допускать в широких общественных кругах мысли о давлении правительственных властей на выборщиков в целях лишения их возможности провести в Государственную думу кандидата, не соответствующего взглядам правительства».

Разумеется, все это было сплошным лицемерием: Заварзина лишь пожурили, а 26 февраля департамент полиции санкционировал высылку И. И. Скворцова с одной лишь поправкой — Север был заменен Астраханской губернией.

Журналист П. И. Подлящук нашел ряд интересных документальных материалов о причинах ареста И. И. Скворцова-Степанова. Из них вытекало, например, что власти прежде всего были встревожены ростом популярности Ивана Ивановича в массах, его общественно-политической активностью. Ведь, несмотря на арест, за Скворцова-Степанова

проголосовало 1072 избирателя из 14 666 участвовавших в выборах, хотя многие из них не питали иллюзий, прекрасно понимая, что он не будет избран! Это, несомненно, была своеобразная политическая демонстрация.

В первых числах марта 1911 года Скворцову-Степанову было официально объявлено, что распоряжением Особого совещания при департаменте полиции он высылается на три года в Астраханскую губернию. В казенной бумаге, предъявленной Ивану Ивановичу в день высылки, значилось, что он «изобличен в принадлежности к Центральному Комитету московской организации социал-демократической партии». (То, что московского «Центрального Комитета» не существовало в природе, для охраны не имело какого-либо значения.)

Впрочем, протесты общественности помогли Скворцову-Степанову в другом — ему было разрешено отправиться в ссылку не этапом с большой группой заключенных и ссыльных, а индивидуально, под охраной, как выражался Иван Иванович, «двух архангелов» (жандармов). Возмутительным было то, что «поездку» и содержание охранников относили... за счет арестованных. Денег для поддержания такой издевательской «традиции» у Ивана Ивановича не имелось, хорошо, что помог друг детства Николай Васильевич Соловьев, ставший к тому времени владельцем небольшого имения в Мальцеве-Бродове.

14 марта Скворцов-Степанов прибыл в Астрахань, где «два архангела» сдали его на попечение местному полицейскому управлению. Губернатор назначил Ивану Ивановичу местом жительства Енотаевск. Это был заштатный уездный городок на бугре у Волги. Со всех сторон его окружали пески, и, едва только начинал дуть ветер, как мелкая песчаная пыль поднималась в воздухе, проникая повсюду. Трудно было дышать, смотреть, даже двигаться. Ужасающая жара летом (дожди были редкостью) буквально выжигала всю растительность. Астраханский губернатор постарался сделать сей выбор...

Ссылная колония Енотаевска состояла всего из 40–45 человек. Но и здесь полиция не оставляла в покое Скворцова-Степанова: только за шесть месяцев пребывания в ссылке она шесть раз проводила у него обыск. «У меня снова, уже в шестой раз, случилось маленькое приключение» — так иносказательно сообщал он в письме П. Г. Дауге 14 ноября 1911 года.

Несмотря на суровые климатические и бытовые условия, отсутствие нужной литературы и новейшей информации, Иван Иванович и в Енотаевске продолжал много и плодотворно работать. Он радовался каждой с превеликим трудом добытой книге или журналу, а вечерами садился за переводы. За короткий срок он перевел на русский язык

солидную работу германского социал-демократа Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», в издании которой ему очень помогли Д. И. Курский и В. М. Шулятиков (с ними он сумел наладить оживленную переписку).

Книга принесла существенную пользу передовой общественности страны, поскольку содержала характеристику империализма, его крайне отрицательных черт. В частности, в работе отмечалось, что его постоянным спутником являются войны. Именно в эти годы запахло порохом мирового военного пожара — приближалась первая империалистическая война. Предисловие к первому изданию труда Гильфердинга Иван Иванович использовал прежде всего для того, чтобы подчеркнуть, что великое творение Карла Маркса «Капитал» (особенно его II и III тома) «дает мощное орудие... для углубленного понимания развивающейся капиталистической действительности». Второе издание перевода книги Гильфердинга, подготовленное Иваном Ивановичем накануне Великого Октября, увидело свет в 1918 году, а третье — в 1923-м. В предисловии к изданию 1923 года Иван Иванович заметил, что если за 17 лет со дня выхода в свет книги ее главные теоретические положения выдержали испытания пережитого за это время громадного опыта, то сам автор (Гильфердинг) их не выдержал, предал то, за что раньше боролся. Таков удел всех оппортунистов.

Скворцов-Степанов не скрывал, какую радость он испытал от выхода этого перевода, осуществленного в столь трудных условиях ссылки. О самом труде Гильфердинга В. И. Ленин писал, что, «несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма»^[24].

Жизнь ссыльного Скворцова-Степанова была крайне тяжелой. Он часто недоедал, поэтому над переводами и заметками приходилось работать и ночами, чтобы свести концы с концами. Свои материалы Иван Иванович посылал в московские и петербургские журналы, но издатели их публиковали, естественно, без должной охоты, проявляя повышенную осторожность в отношении ссыльного. Иногда, чтобы работа увидела свет, он посылал ее под новым псевдонимом, пересылал друзьям, которые потом «пробивали» статью в редакции.

Прошение об освобождении от ссылки в Енотаевск, которое направлено было в декабре 1911 года на имя товарища министра внутренних дел Золотарева, было отклонено, и только в сентябре 1912 года

Ивану Ивановичу наконец разрешили поселиться в Астрахани. Здесь появились некоторые возможности чуть облегчить бытовое положение ссыльного. Удалось, например, пристроиться в одной местной газете в качестве обозревателя международных дел. Но, увы, и здесь не повезло: на первый план в те дни выдвинулся вопрос о положении на Балканах, и редактор газеты, следуя официальному курсу царского правительства, потребовал, заранее толкая на искажение фактов, чего-нибудь «туркоедского». Скворцов-Степанов, конечно, отказался и вновь оказался без заработка.

Выйти из затруднительного материального положения немного помог Н. А. Рожков, который в Иркутске, находясь в ссылке, добился разрешения на издание газеты «Новая Сибирь». Она выходила в конце 1912-го — начале 1913 года. За умеренный гонорар (25 руб. в месяц) Иван Иванович стал вести весь иностранный отдел. Разумеется, расстояние сказывалось на «свежести материала», но читатели быстро обратили внимание на то, как были написаны статьи: глубина изложения восполняла недостаточную оперативность.

Находясь в Астрахани, Иван Иванович при первой же возможности выступал на собраниях, читал лекции по самым злободневным вопросам социальной жизни и науки.

Оптимист по натуре, Скворцов-Степанов, где бы ни находился, всегда верил, что доживет «до того момента, когда наше время придет». Он мечтал о том, что после возвращения из ссылки возьмется за редактирование какой-нибудь «нашей, большевистской» газеты. И рассчитывал, что «ждать придется, вероятно, недолго: жизнь идет, мы живем в удивительно любопытнейшее время, и наши внуки будут нам завидовать, как могли бы завидовать отцы». (Эти слова мы находим в письме из Енотаевска к Н. В. Соловьеву.) А спустя несколько месяцев, в феврале 1912 года, Иван Иванович вновь возвращается к этой теме. «Мир и теперь, — пишет он своему давнему другу в сподвижнику И. Г. Дауге, — уже движется в замечательно любопытной полосе, и год от года становится все любопытнее. Было бы досадно, если бы живая жизнь за стала нас настолько измочаленными, что мы уже не могли бы принять в ней участия и не могли бы выпрямиться, впитав в себя ее бодрость». В этих осторожных подцензурных строках видна глубокая вера Скворцова-Степанова в грядущую победу социалистической революции и установление нового, подлинно справедливого строя.

Важной вехой в жизни Ивана Ивановича стало возвращение его в Москву по «высочайшей амнистии» (по случаю 300-летия дома

Романовых). Он сразу же начал сотрудничать в журнале большевиков «Просвещение», а затем в газете «Правда».

Вопрос о привлечении Скворцова-Степанова к работе в журнале «Просвещение» был поднят Максимом Горьким в его письме к В. И. Ленину 12 января 1913 год:. Отвечая писателю, Владимир Ильич положительно отнесся к кандидатуре Ивана Ивановича в качестве сотрудника, заметив — «парень хороший, работяга, знающих и т. д.». Вместе с тем В. И. Ленин напомнил, что «в эпоху развала и шатаний» Скворцов-Степанов «хотел мирить с впередовцами»^[25].

М. А. Савельев вспоминал по этому поводу: «Я знаю, например, по журналу «Просвещение», который приходилось по заданию В. И. организовывать в Петербурге, какое большое значение В. И. придавал тому, чтобы И. И. обязательно принимал деятельное участие в этом журнале. Мы с ним переписывались и получали от него статьи».

Журнал «Просвещение» выходил с декабря 1911 года по июнь 1914 года. В нем принимали участие Н. К. Крупская, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. И. Ульянова-Елизарова (она была секретарем редакции) и другие соратники Ильича. В журнале было опубликовано несколько статей и рецензий Скворцова-Степанова.

Первая статья, которую Иван Иванович опубликовал в журнале, называлась «Товарищества мелкобуржуазных производителей. Экономические предпосылки их возникновения и тенденции их развития». Написана она была, как отметили читатели, компетентно: автор ее превосходно знал все важнейшие теоретические труды по этой проблематике. Обращала на себя большое внимание статья Скворцова-Степанова «Империализм. Карательный протекционизм. Эмиграция капитала. Колониальная политика». Это было одно из первых исследований большевиками эпохи монополистического капитализма. К тому же публикация появилась именно в канун первой империалистической войны. Сохранились многочисленные пометки В. И. Ленина на страницах журнала при чтении этой статьи.

В последней из серии статей «Экономика и политика в рабочем движении» Скворцов-Степанов дал развернутое и вместе с тем четкое определение стачки в капиталистическом обществе, отметив то обстоятельство, что каждая стачка действительно является наглядным уроком, раскрывающим классовое строение капитализма. Мечтания некоторых «теоретиков» об эволюционном возвышении рабочего класса и его постепенном сотрудничестве с предпринимателями абсолютно беспочвенны и лживы.

Вернувшись из астраханской ссылки, Иван Иванович особенно остро почувствовал, что в стране бурно назревает новый революционный кризис. На переднем плане, как всегда, были «издательские заботы». Среди московских газет передового направления, естественно, выделялись большевистские органы печати. Видное место занимала газета «Наш путь», которая выходила в августе — сентябре 1913 года. Руководил экономическим отделом газеты и был автором передовых статей Скворцов-Степанов. Несмотря на кратковременность издания, газета быстро завоевала популярность не только среди московских читателей, но и во многих соседних губерниях. В газете активно сотрудничали В. И. Ленин, А. М. Горький, М. С. Ольминский и Демьян Бедный. В первых числах октября решено было вместо газеты «Наш путь» выпускать журнал «Рабочий труд», но первый его номер увидел свет лишь в июне 1914 года. Таким образом, преобразованием газеты в журнал было удачно сохранено разрешение на издание, но преодолеть все чинимые властями препятствия не удалось. Первый номер журнала московских большевиков открывался передовой статьей «Наши задачи», написанной Скворцовым-Степановым (он вошел в редколлегию журнала), в которой пролетариат Москвы призывался к сплочению перед угрозой роста сил реакции. «Рабочий труд» открыто заявлял, что национальной вражде, раздуваемой и разжигаемой шовинистическими и своекорыстными группами, будет противопоставлена «международная солидарность труда». Так за несколько недель до начала первой мировой империалистической войны Скворцов-Степанов пишет об опасности кровавой бойни, которую лихорадочно готовят ради получения сверхприбылей алчные капиталистические круги.

Московская полиция, спохватившись, конфисковала первый и второй номера журнала, но большую часть экземпляров удалось вывезти и распространить в других городах. С четвертого номера издание «Рабочего труда» власти запретили. Иван Иванович пытался осуществить издание нового журнала под названием «Наш труд» и почти добился разрешения, но помешала разразившаяся мировая война: отказ Управления по вопросам печати поступил немедленно...

В условиях усиливающейся революционной ситуации начались столкновения между буржуазией и царской бюрократией. Стремясь сколотить антиправительственный блок, либералы пытались заигрывать даже с социал-демократами. В марте 1914 года в Москве состоялось совещание кадетов и прогрессистов, созванное благодаря стараниям крупного миллионера, лидера прогрессистов А. И. Коновалова. На совещании был создан информационный комитет, в состав которого вошел

Скворцов-Степанов.

Иван Иванович распознал в этом известную перемену в настроениях наиболее дальновидных представителей русской буржуазии. На совещании он выступил с заявлением, что пролетариату не по пути с кадетами и прогрессистами. Вместе с тем, оговорив ряд условий, Скворцов-Степанов дал согласие войти в состав информационного комитета. Сразу же после совещания он написал письмо В. И. Ленину.

Текст письма он тщательно законспирировал, ибо опасался, что оно может попасть в руки полиции. «В разговоре со мной, — сообщал Иван Иванович, — **один из любопытнейших «экземпляров с темпераментом» так выразил свои минимальные** (подчеркнуто В. И. Лениным при чтении) пожелания. В прошлом, говорил он, **когда совершалось над-органическое решение** (имеется в виду революция 1905 г.), его социальные приятели сделали крупную ошибку. Они, напуганные активной силой, с которой были совсем не знакомы, уверяли себя, что «над-органическое решение» уже совершилось, и отпали и повернулись спиной. Пусть этого не будет во второй раз...» В конце своего послания Иван Иванович подчеркивал: «Мне хотелось бы, чтобы Вы почувствовали, какой это **огромный интерес: наблюдать процесс новой будораги с самого ее зарождения**» (снова подчеркнуто В. И. Лениным).

Владимир Ильич с повышенным интересом отнесся к сообщению И. И. Скворцова-Степанова и немедленно ответил ему. Прежде всего он полуслушав заметил, что тот несколько «переконспирировался» и поэтому не сразу удалось догадаться, кто же автор письма. «За сообщение очень благодарен, — писал В. И. Ленин. — Оно очень важно. По-моему... Ваше участие было вполне правильно и для дела полезное... Дело очень важное в смысле симптома; Ваши замечания насчет «огромного интереса наблюдать процесс новой будораги» безусловно правильны. Информироваться нам насчет этого процесса в высшей степени необходимо»^[26].

Намечая конкретную программу частных переговоров, Владимир Ильич спрашивал: «Нельзя ли от «экземпляра» достать денег? Очень нужны. Меньше 10 000 р. брать не стоит». Он рекомендовал поставить перед А. И. Коноваловым следующие вопросы:

«аа) мы идем до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться — до каких вы? Неофициально, приватно!! бб) мы вносим то-то в смысле сил, средств и пр.; нельзя ли информироваться, что способны внести вы в «внедумскую» борьбу... вв) способны ли дать деньги? гг) создать нелегальный орган? и т. д. Наша цель информироваться и подтолкнуть на

всякое активное содействие революции...»^[27]

По поручению В. И. Ленина Иван Иванович Скворцов-Степанов и большевистский депутат IV Государственной думы Григорий Иванович Петровский вели переговоры с А. И. Коноваловым о предоставлении денег партии большевиков. Они крайне требовались не только для ведения «текущих партийных дел», но и для созыва совещаний и конференций, подготовки съезда партии, который намечалось провести в 1914 году в Поронине или Кракове, а также для расширенного выпуска нелегальной литературы. Это, пожалуй, самое реальное, что в те дни можно было получить у представителей либеральной буржуазии, игравших в революцию.

Начальник Московского охранного отделения доносил департаменту полиции в мае 1914 года: «В августе текущего года, под легальным прикрытием Международного социалистического конгресса, Ленин предполагает во что бы то ни стало организовать партийный съезд. Для организации партийного съезда прежде всего необходима денежная сумма приблизительно не менее 10 000 руб. Эту сумму Ленин предполагает получить от прогрессистов, вести переговоры с которыми поручено литератору Ивану Ивановичу Скворцову (социал-демократ, большевик), проживающему в Москве...»

С началом первой мировой войны обстановка в стране еще более усложнилась. Перед большевистскими организациями встала задача перехода к новым формам борьбы. К моменту объявления войны в тюрьмах и ссылках находились тысячи большевиков, а когда она разразилась, новая лавина репрессий обрушилась на революционеров. Царизм всячески стремился лишить движение руководства, помешать партии поднять трудовые массы на активные антивоенные выступления. Протесты против начавшейся бойни прокатились по всем крупнейшим центрам России. Большевистская партия была выразительницей всего мыслящего и героического в российском рабочем движении, решительно выступая против зловещих планов реакции, против шовинизма. Исключительное значение для правильной ориентировки партийных организаций имели подготовленные В. И. Лениным тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и написанный также им манифест ЦК РСДРП большевиков «Война и российская социал-демократия». Тезисы В. И. Ленина были доставлены из-за границы депутатом Думы большевиком Ф. Н. Самойловым в конце сентября 1914 года, а манифест был опубликован в большевистской газете «Социал-демократ» 19 октября (1 ноября).

Эти документы ясно и точно определяли характер и смысл начавшейся войны как войны захватнической, несправедливой и империалистической с обеих сторон. Ленинские произведения рассеяли оборонческие колебания, которые имели место среди московских большевиков и в некоторых других организациях. Поначалу этим страдал и сам Скворцов-Степанов, но после знакомства с тезисами и манифестом он включился в антиоборонческую агитацию, выступив с рядом докладов на собраниях и в кружках.

Ленинские документы были взяты на вооружение всеми московскими большевиками; в одном из донесений полиции осенью 1914 года сообщалось, что изменению позиций московских социал-демократов (большевиков) в крайне нежелательную правительству сторону, проявлению за последнее время твердости по вопросам войны, мира и революции, «конечно, много способствовало получение в Москве известных «Тезисов» Ленина».

С этого времени активизировалась и пропагандистская деятельность московских большевиков, включая прежде всего публикаторскую работу и лекционную пропаганду. Особое внимание уделялось изданию антивоенной литературы. Часть книг и брошюр получали из-за рубежа. С удовлетворением рассказывал Иван Иванович друзьям по партии, что вся эта литература быстро распространялась в рабочей массе и зачитывалась ею до того, «что превращалась в лохмотья».

В целях консолидации сил революционной социал-демократии перед растущей угрозой дальнейшего усиления сил империалистической реакции в условиях кровопролитной войны решено было созвать совещание московской и петроградской социал-демократической интеллигенции. Среди участников совещания — И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович, Максим Горький, Л. Н. Радченко, В. П. Милютин, В. И. Яхонтов, В. Н. Лосев, П. П. Маслов и другие. Объединенное совещание проходило в январе 1915 года. Присутствовали и представители меньшевиков, которые сразу же внесли резолюцию, предлагавшую одобрить деятельность меньшевистской фракции в IV Государственной думе и признать эту фракцию как представляющую всю РСДРП. (Большевистские депутаты Думы к тому времени были сосланы в Сибирь).

— Прежде чем мы обсудим столь, я бы сказал, дерзкую резолюцию, — заявил в ответ от имени большевиков Иван Иванович Скворцов-Степанов, — мы должны от депутатов-меньшевиков услышать во весь голос признания империалистического характера мировой войны, что прежде всего проявится в их голосовании против предоставления военных кредитов самодержавию.

В зале поднялся шум. Шумели меньшевики:

— Вы хотите нас лишить трибуны, толкаете на непосильную борьбу с правительством! — истерично кричала какая-то дама со скамьи меньшевиков.

— Все ясно, — заключил Иван Иванович.

Меньшевистским представителям пришлось признать свое поражение. Задуманный трюк с резолюцией провалился...

Видную роль сыграл Скворцов-Степанов и в подготовке Московского общегородского совещания по борьбе с дороговизной, которое проходило в июле 1915 года под эгидой Главного комитета Всероссийского союза городов. Иван Иванович добился расширения рабочего представительства на совещании, что позволило провести подготовленную им большевистскую резолюцию, в которой давалась истинная оценка сложившемуся положению в стране в результате разбойничьей войны империалистических блоков. Продолжал он и публичные выступления. Полный зал собирали его лекции в народном доме на Семеновской улице, и что характерно — слушатели в основном состояли из рабочих. Не могла вместить всех желающих аудитория, когда Иван Иванович выступал с циклом лекций «Из истории торговли», — рабочих интересовало все, тем более когда выступал такой оратор, как Скворцов-Степанов.

Летом 1915 года Скворцов-Степанов, Ногин и Ольминский создали в Москве «Литературное общество», которое установило тесные связи с Русским бюро ЦК. Издательская, переводческая и пропагандистская работа московских большевиков принимала более организованный и планомерный характер. Общество сумело наладить контакты с теми демократическими слоями литературно-художественной интеллигенции, которые ранее занимали позиции «невмешательства в политическую жизнь» или, находясь в оппозиции к царизму, не сумели определить верные пути.

Приобретенный опыт пропагандистской работы особенно пригодился Скворцову-Степанову в 1916 году, когда Рогожско-Симоновский районный комитет большевистской партии Москвы организовал для рабочих завода Гужон (ныне завод «Серп и молот») общеобразовательную нелегальную революционно-партийную школу. Вести занятия пригласили и Ивана Ивановича, который согласился с большой охотой. По существу, в то время это была первая московская школа подготовки партийных кадров. В каждой своей беседе Скворцов-Степанов успевал рассказать и о событиях, происходивших в стране, и о положении на фронтах, и о международных делах.

О существовании школы полиция все же пронюхала, первым

признаком чего были подозрительные субъекты, очень смахивавшие на шпииков, а потом у дверей школы стали мелькать и городовые. Поэтому дозорные рабочие были начеку и принимали все меры предосторожности, чтобы не случилось внезапной облавы и Иван Иванович не попал в руки жандармов.

Даже в самое трудное время Иван Иванович не оставлял мысли об издании на русском языке сочинений основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, в трудах которых так остро нуждался российский пролетариат. «Мы все стремились, — писал он, — продолжить дело, которое наши товарищи начали за границей». Цензура, свирепствовавшая в издательском деле, а также отсутствие необходимых средств были главными препятствиями в осуществлении этой мечты. Не раз в 1916 году Скворцов-Степанов обсуждал этот вопрос с В. Д. Бонч-Бруевичем. Решили пока максимально использовать печатавшиеся сборники и статьи для изложения ряда работ классиков марксизма.

Преграды, которые чинили полицейские власти и цензура в печатании большевистских произведений, заставили партийных публицистов переправлять свои рефераты и статьи в провинцию: здесь цензорское око не было столь придирчивым. Так, по предложению Ивана Ивановича в начале 1916 года удалось издать в Саратове сборник «Под старым знаменем» (в нем были помещены статьи В. П. Ногина, М. С. Ольминского и других. Скворцов-Степанов опубликовал статью «О парламентском блоке»). Местную цензуру сбило с толку прежде всего само название сборника. Не очень сообразительной оказалась саратовская цензура и при просмотре содержания книги, хотя ряд разделов она сумела обципать довольно жестоко. Было вместе с тем разрешено не скрывать этого от читателей: вместо вычеркнутых мест в некоторых статьях красовались целые строчки многоточий.

Сборник «Под старым знаменем» вскоре стал широко известен и в Москве и в Петербурге. Статья Ивана Ивановича вызвала особое раздражение либеральной буржуазии, ибо в ней было показано, что российские промышленники, торговцы, помещики были кровно заинтересованы в войне. Используя мобилизацию промышленности, фабриканты и заводчики получили новую возможность для увеличения своих доходов. Российской буржуазии, писал Скворцов-Степанов, усердно прислужничают меньшевики и эсеры. В IV Думе обозначились тесные связи либералов с трудовиками.

До чрезвычайности был раздражен разоблачением этого факта А. Ф. Керенский. Встретившись как-то весной 1916 года с Иваном Ивановичем,

он обрушился на него с яростными упреками.

— Это бестактно и нескромно рассказывать о том, что делается за кулисами блока! — кричал Керенский. — Что о нас подумает масса?!

— Не по душе вам, господин социалист, правда, вон как вы занервничали, — спокойно и твердо ответил Иван Иванович. — А масса воздаст вам по заслугам, не сомневайтесь.

— Зачем зря ссориться, — попытлся примирительно заговорить Керенский. — Мы оставляем надежду, что вы измените свое мнение... И...

— Позвольте мне остаться при своем мнении, — прервал его Скворцов-Степанов, отвернувшись от назойливого собеседника...

Осенью 1916 года И. И. Скворцов-Степанов вошел в состав членов Московского областного бюро ЦК РСДРП(б). Круг его партийных обязанностей заметно расширился, но издательская деятельность оставалась в центре внимания. Он активно участвует в подготовке сборника статей (для издательства «Прилив») большевистского направления. Прислал статью в сборник и В. И. Ленин. Редактирование осуществили Я. М. Свердлов, И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Ногин и М. С. Ольминский, причем несколько раз, чтобы, как заметил Иван Иванович, «придать ей приемлемый для цензоров вид». (Однако сборник увидел свет только после Февральской революции 1917 года.)

В конце 1916 года в жизни Ивана Ивановича произошло большое событие: его женой^[28] стала молодая курсистка Высших женских курсов Герье Инна Николаевна Тиц (1895–1966). Горячая любовь, общность самых разнообразных интересов связывали Ивана Ивановича и Инну Николаевну. В 1925 году Инна Николаевна окончила химическое отделение Московского университета, связав с этого момента всю свою последующую деятельность с МГУ. Она была одной из самых способных и любимых учениц академика Н. Д. Зелинского. В 1935 году И. Н. Скворцова защищает кандидатскую диссертацию, а в последние годы своей жизни заканчивает подготовку докторской. Много сил и знаний Инна Николаевна отдавала делу обучения молодых кадров химиков для народного хозяйства и науки. Среди ее учеников немало видных ученых. Есть в их числе и академики.

*

Итак, в 1904–1916 годах Скворцов-Степанов прошел исключительно напряженную школу революционной борьбы. Это был период дальнейшей его идейно-пропагандистской закалки (и преодоления некоторых вместе с

тем колебаний идеологического характера). В ходе лекторской и публицистической деятельности совершенствовалось агитаторское слово большевика-ленинца, оттачивалось его революционно-литературное перо.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

В 1913 году царская династия Романовых пышно отмечала свое 300-летие. В честь этого «исторического» события велено было воздвигнуть памятный обелиск. Сооружали в спешном порядке. Открытие состоялось в Александровском саду, у стен древнего Московского Кремля. На обелиске обозначили имена царей и императоров российских, правивших страной. Оставили немало свободного места и для будущих монархов. С расчетом как минимум на тысячелетие...

Однако не прошло и пяти лет, как, по образному ленинскому выражению, залитая кровью и грязью «трехсотлетняя телега романовской монархии» опрокинулась на обочину истории.

Крах прогнившего самодержавно-крепостнического строя стал неизбежен в результате общенационального кризиса в стране. Чашу народного гнева переполнили разруха и голод во многих губерниях России, продолжавшаяся империалистическая кровопролитная война.

Большевики активно разоблачали сущность антинародного режима, показывали разложение и распад правящей царской камарильи, готовя массы на решительный бой с монархией.

Никакие истощные призывы к обновлению «государственного устройства», с которыми выступали буржуазно-помещичьи партии, ни убийство Распутина, ни тщетные попытки заменить Николая II другим самодержцем не могли остановить катящуюся лавину народного гнева. Возмущение масс охватило всю империю и стало проявляться во всем.

23—24 февраля 1917 года революционные выступления пролетариата Петрограда приняли массовый характер. Тысячи людей вышли на улицы с возгласами: «Хлеба! Долой войну!» Полиция оказалась бессильной подавить всеобщий взрыв негодования. Перестали выходить многие газеты, закрылось большинство продовольственных магазинов и булочных.

Трудовая Москва выступила вслед за столицей. Еще 9 января 1917 года в Москве под руководством МК партии большевиков, где главная роль принадлежала четверке «стариков» — В. П. Ногин, И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович и М. С. Ольминский, — была проведена крупная политическая стачка под лозунгами: «Долой войну!», «Долой царскую монархию!»

Московские большевики внимательно следили за петроградскими революционными волнениями. Иван Иванович Скворцов-Степанов держал

постоянную связь с питерцами и оперативно информировал товарищей о положении. «Числа с 25 февраля, — писал он в одном письме, — мы начали получать сведения о разворачивающейся в Петербурге революции... События разворачивались так быстро, что, передавая о них по телефону, я раз-другой натолкнулся на недоверие: уж не шучу ли я шутки?»

Между тем 27 февраля восстание охватило весь Петроград. Рабочие захватили арсенал и начали формировать вооруженные пролетарские дружины. К восставшему народу присоединились солдатские массы. Повсюду шли аресты полицейских и жандармов. Были захвачены тюрьмы, и вышли на свободу политические заключенные. Бюро Центрального Комитета большевистской партии выпустило Манифест с призывом покончить с царизмом. Под напором народных масс, направляемых большевиками, монархия Романовых рухнула...

Активно восстание питерских рабочих поддержал пролетариат Москвы, в чем немалая заслуга Московской организации РСДРП (большевиков). По инициативе Ивана Ивановича была использована испытанная форма агитации масс: сообщения о событиях в столице печатались на ротаторах, шапирографах и других имевшихся множительных аппаратах и широко (в виде листовок) распространялись по Москве.

Вечером 27 февраля, придя домой в Трубниковский переулок, Скворцов-Степанов узнал от домашних, что приходил связной и передал сообщение: на квартире П. Г. Смидовича срочно собирается большевистская группа. «Место не самое подходящее, — подумал Иван Иванович, — ведь за последнее время Петр Гермогенович и его близкие в своих передвижениях явно под пристальным оком полиции... Что же делать? Впрочем, других мест, где разместилось бы собрание, вроде бы и нет на сегодня. Надо идти».

Едва выйдя из дома, Скворцов-Степанов увидел, что за ним следует «несомненнейший «хвост» в виде маленького человечка в большой бараньей шапке. Решил проверить степень опытности филера, стал петлять. Замысловатый маршрут пути убедил — идет слежка. Дошел до Арбата. И вдруг улыбнулась удача: с остановки как раз двинулся трамвай в Дорогомилов. Иван Иванович вспрыгнул на переднюю площадку первого вагона, краем глаза заметив, что шпик успел вскочить на подножку второго. Пока филер пробирался вперед по вагону, чтобы легче было следить за «подопечным», Скворцов-Степанов внезапно принимает решение: быстро проходит вперед, «разыгрывая комедию», что ошибся номером трамвая. Он соскакивает на довольно быстром ходу, пропускает мимо себя трамвай и

убеждается в том, что его маневр оказался верным: никто за ним не спрыгнул следом. Глядя вслед удаляющемуся в Дорогомилов вагону, Иван Иванович не мог удержаться от смеха, представив разочарование «хвоста». Свободный от провожатого, он ускорил шаг к дому на Плющихе, где проживал П. Г. Смидович. Здесь его встретила супруга Петра Гермогеновича и сообщила, что в самый последний момент решено было перенести собрание на квартиру В. А. Обуха в Мертвом переулке.

Собрались почти все руководящие работники Московской городской и губернской организаций большевиков, не считая группы рядовых активистов. Кроме самого хозяина квартиры В. А. Обуха, присутствовали И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. и С. Н. Смидовичи, В. П. Ногин, М. С. Ольминский, Р. С. Землячка, А. А. Сольц, В. П. Обух и другие партийцы. В повестке дня один и самый главный вопрос: начало новой революции. Выступали горячо, волнуясь больше обычного. Все сходились в одном — крайне необходимо принятие энергичных действий московскими большевиками, чтобы всемерно поддержать питерцев, максимально усилить революционный взрыв. Собрание поручило Скворцу-Степанову составить от имени Московского бюро ЦК РСДРП прокламацию по текущему моменту.

Когда собрание закончилось, Иван Иванович поспешил в Земскогородской союз. На ходу он уже обдумывает текст рождавшегося воззвания МК РСДРП. В одной из комнаток союза он набросал ставшие историческими строки воззвания московских большевиков:

«Российский пролетариат должен поддержать петербургское восстание! Иначе потоки пролитой там народной крови останутся бесплодными.

Товарищи, бросайте работу! Солдаты! Помните, что сейчас решается судьба народа! Все на улицу! Все под красные знамена революции! **Выбирайте в Совет рабочих депутатов!** Сплачивайтесь в одну революционную силу!...»

Прокламация заканчивалась призывом: **«Долой войну!»** К четырем часам ночи воззвание было отпечатано и с раннего утра стало распространяться по городу.

По предложению Скворцова-Степанова (в ночь с 27 на 28 февраля) состоялось собрание журналистов и рабочих типографий, сотрудничавших с большевистскими организациями. Московские городские власти и прислуживавшие им газеты всячески пытались скрыть от населения революционные события, вспыхнувшие в столице. Поступило указание ничего не публиковать о революции в Петрограде.

Собрание вынесло решение объявить забастовку, если газеты выполнят приказ городских властей (так оно и случилось), а также напечатать листовку и распространить по районам Москвы петроградские вести.

Наступил последний день февраля. Ни одна буржуазная газета не вышла в свет. Но волнующую правду о победе революции в Петрограде москвичи узнали из большевистских листовок, которые были расклеены на стенах домов, на заборах, трамваях, вокзалах. Их передавали из рук в руки.

Московский пролетариат горячо откликнулся на призыв МК РСДРП большевиков. Повсеместно начались забастовки, прекратили работу заводы и фабрики, остановился городской транспорт. Трудовой народ заполнил улицы. Навсегда сохранил в своей памяти Иван Иванович Скворцов-Степанов эти незабываемые дни:

«По Арбату двигались толпы публики, больше всего было солдат и рабочих. Чем ближе к центру, тем гуще становились они... От Лубянской площади вниз широким потоком стройно лились армейские части с наскоро сделанными красными флагами. Были здесь и орудия, и одновременно жандармский конный отряд рыскал около Кудринской площади». Рабочий поэт А. Апенченко такими строками отобразил это время:

Упала, разбившись, тиранов корона,
Темницы раскрыты, и цепь сорвана,
И красные веют победно знамена,
Толпа от восторгов пьяна.
Рядами, вливаясь в народные массы,
Солдаты идут и идут.
Колеблются пики, мелькают лампасы,
И с грохотом пушки везут.
Мятежные песни, приветствия, крики,
И в воздухе сотни платков,
И солнца весеннего яркие блики,
И море идущих голов.

Колонны рабочих двигались от заводских окраин к центру, на многих площадях вспыхивали стихийные митинги. Полиция пыталась разгонять демонстрации, но на защиту народных манифестаций стали солдаты. В ответ на это власти объявили Москву на осадном положении. Но и это не помогло. Рабочие массы захватывают ряд арсеналов с оружием, создают

вооруженные пролетарские отряды, арестовывают и разоружают городских и жандармов.

1 марта в 12 часов дня открылось первое заседание Московского Совета рабочих депутатов. Во время выборов в Совет меньшевикам удалось собрать больше голосов, чем большевикам, многие из которых находились в ссылке, на фронте, томились в тюрьмах.

Пользуясь полученным преимуществом, меньшевики протащили на пост председателя исполкома Совета меньшевика А. М. Никитина (вскоре его сменил меньшевик Л. М. Хинчук. В 1920 году Л. М. Хинчук вступил в большевистскую партию, порвав со своим меньшевистским прошлым). Среди пяти членов президиума исполкома были и два большевика — В. П. Ногин и П. Г. Смидович.

К вечеру 1 марта рабочие и солдаты уже контролировали телеграф, почту, банк, телефон, вокзалы, оружейные склады, мосты. Были заняты Кремль, полицейские участки, тюрьмы. Политические заключенные вышли на свободу, а их места в камерах заняли представители прежних властей — градоначальник, губернатор, командующий войсками, жандармы, полицейские, шпики, крупные царские чиновники. Были арестованы генерал-губернатор Татищев, градоначальник Шебеко, генерал Морозовский. Бывший начальник охраны Зубатов покончил с собой.

Трудовая Москва одержала победу — с самодержавным строем было покончено. Однако, воспользовавшись нерешительностью Советов, в которых эсеры и меньшевики тогда имели большинство, власть в городе захватила буржуазия в лице Комитета общественных организаций, возглавляемого кадетом Н. М. Кишкиным.

С удвоенной энергией ведут разъяснительную работу в массах большевики. 1 марта по поручению МК РСДРП большевиков Иван Иванович Скворцов-Степанов пишет новый важный революционный документ — наказ депутатам, избираемым в Московский Совет рабочих депутатов. В наказе излагалась платформа большевиков по главным направлениям текущей политики. Документ был в срочном порядке напечатан в виде листовок и распространен по организациям рабочих, солдат и служащих, а 3 марта его поместила на своих страницах газета «Известия Московского Совета». В наказе с большой глубиной показано сложившееся положение не только в Москве, но и в Петрограде. Он начинался словами:

«Народ проливал свою кровь в революционной борьбе не для того, чтобы заменить правительство Протопопова правительством Милюкова — Родзянко... В революционной борьбе пролетариат стремится достигнуть

свободы для борьбы за социализм — свою конечную цель».

Депутаты, отмечал Скворцов-Степанов, должны зорко следить за делами буржуазии, ибо, сменив царя, она постарается спасти царствующий дом. Монархия дает буржуазии опору против рабочих, а помещикам — против революционных крестьян. Содержавшееся в наказе положение, что «конфискация земель у помещиков — вот то завоевание, которого достигнет крестьянство, идя за рабочим классом в революционной борьбе», привлекало на сторону восставших и сельских тружеников, одетых в солдатские шинели.

Иван Иванович включил в текст также требование 8-часового рабочего дня, свободы союзов, печати, собраний и стачек. Рабочие, гласил наказ, через своих депутатов настаивают на немедленном освобождении всех без исключения политических заключенных и возвращении сосланных и полном восстановлении в правах депутатов-большевиков Государственной думы.

В наказе также отмечалось, что революция произошла не для того, чтобы буржуазия посылала на убой народные массы для расширения рынков, для захвата Константинополя и проливов, Галиции и новых земель в Закавказье. «Наш делегат должен помнить, что братоубийственной войне должен быть положен самый скорый конец. Он должен содействовать тому, чтобы российская демократическая революция послужила сигналом к пролетарской революции на Западе».

Такова была платформа всей партии большевиков. Требования: земля — крестьянам, мир — народам — привлекали под ее знамена миллионы.

Московская организация большевиков к началу 1917 года насчитывала в своих рядах более 600 человек. Это был закаленный в горниле революционной борьбы отряд, тесно связанный со всеми основными пролетарскими районами Москвы. Выступление трудящихся города, и в первую очередь рабочих, в поддержку революции в Петрограде во многом обеспечило победу Февральской революции в России. Как подчеркивал В. И. Ленин, «всякий сознательный рабочий понимает, что Петербург без Москвы — все равно, что одна рука без другой»^[29]. Делегаты крупнейших заводских предприятий во главе с большевиками самые ответственные часы восстания провели в казармах различных воинских подразделений и других решающих пунктах, организуя массы на выступление. Освобождение политических заключенных и среди них видных большевиков-ленинцев Ф. Э. Дзержинского, Я. Э. Рудзутака, К. В. Островитянова заметно укрепило руководящее ядро МК РСДРП.

Революция тотчас же поставила вопрос о необходимости иметь

боевую газету. Московский Комитет большевиков был единодушен относительно ее руководителя — все называли имя Скворцова-Степанова. В 5 часов вечера 1 марта ему сообщил об этом М. С. Ольминский и предложил безотлагательно прибыть в помещение Союза земств и городов, которое находилось в доме № 7 на Маросейке (ныне улица Богдана Хмельницкого). Иван Иванович начал быстро собираться, а когда он вышел на улицу, к дому подкатил большой грузовик с вооруженными солдатами, что вызвало немалый переполох среди обывателей Трубниковского переулка.

— Иван Иванович, — обратился к нему спрыгнувший с подножки автомашины рабочий с красным бантом в петлице пальто. — Мы за вами. Приказано вас срочно доставить. Я вас сразу узнал. Вы у нас на «Гужоне» как-то выступали, — добавил он, когда Скворцов-Степанов садился в грузовик.

Доехали без задержек. Ивана Ивановича ждали М. С. Ольминский, Р. С. Землячка, Г. К. Голенко и ряд других работников МК РСДРП большевиков. После решено было ехать в типографию буржуазной газеты «Русское слово», которая располагалась на Тверской улице, и начать на «новой основе» выпуск «Известий Московского Совета». Редакция «Известий», к которой доставил Ивана Ивановича все тот же грузовик с солдатами, помещалась в глубине «владения» издателя Сытина — в верхнем этаже дома, где находились наборное и машинное отделения. Войдя в помещение, новый редактор «Известий» увидел большой стол, сколоченный из толстых промасленных досок.

— Здесь, а точнее, в этом углу заседает обычно редакция, — объяснил ему дежурный.

Кроме И. И. Скворцова-Степанова, в редакцию «Известий» включены были также большевики В. С. Попов-Дубовский (брат писателя А. С. Серафимовича), его жена М. М. Попова (Костеловская) и Кац (Светлов), ставший впоследствии лидером группы эсеров-максималистов. Кац неплохо владел технической частью выпуска газеты, а Попова стала отвечать за «связь редакции с внешним миром» (так называли в шутку ее обязанности члены редакции), прежде всего с Московским Советом. Пожалуй, наибольшая ответственность состояла в том, что в первые дни работы после Февральской революции редакция сама определяла желательные темы статей. Вся техническая часть по вычитке материалов также легла на плечи Ивана Ивановича и его коллег. Правда, в редакцию заходили студенты и предлагали свою помощь, но трудоемкая работа, требовавшая большого терпения, усидчивости, быстро охлаждала их пыл,

уже через два-три часа, как вспоминал об этом Скворцов-Степанов, вкусив тайны корректорского искусства, «молодой человек начинал скучать», а затем под разными предлогами отлучался и больше не возвращался. «Это были молодые люди, главным образом студенты из обеспеченных семей и интеллигенты, так быстро и в таком неисчислимом количестве нахлынувшие на революцию, но потом столь же быстро отхлынувшие от нее».

Рост масштабов революции усложнял, конечно, характер взаимоотношений втянутых в нее неоднородных социальных сил. Массы революционного народа, участники митингов, демонстраций, собраний, забастовок, упоенные сравнительно легкой и в большинстве случаев «бескровной» победой, туманно представляли себе новое устройство общества, слабо разбирались в позициях различных партий. Нередко и рабочие организации, коллективы, группы, не говоря уже о солдатских и полупролетарских слоях населения, громко заявляли о своей революционности. В результате возникло немало разнообразных комитетов разнородного классового и партийного состава.

В Москве, как и в Петрограде, соглашательство меньшевиков и эсеров привело к двоевластию. Не встречая серьезного сопротивления со стороны масс, московская буржуазия захватывала ключевые позиции управления городом.

2 марта, в восемь утра, вышел первый номер «Известий Московского Совета», в создание которого Иван Иванович Скворцов-Степанов вложил много сил. Газета быстро разошлась, и уже на следующий день в редакцию стали приходить рабочие, солдаты, предлагая свои заметки, сообщая последние новости. В городе было еще неспокойно. Взволнованные наборщики рассказали Ивану Ивановичу, что с крыши большого дома у Никитских ворот стреляют спрятавшиеся там городовые. Выстрелы доносились до редакции и с Тверской улицы, где было ранено несколько человек.

В негодовании Скворцов-Степанов садится и пишет статью «А Романовы еще топорщатся? Пора объявить их окончательно низложенными!». В это время в редакцию зашел товарищ председателя Моссовета меньшевик И. И. Егоров и после ознакомления с содержанием памфлета Ивана Ивановича заявил, что «печатанье надо отложить», ибо (Егоров долго подбирает аргумент, что-то мычит невнятное)... ибо статья «идет дальше решений Московского Совета». Иван Иванович пытался доказать абсурдность таких утверждений, потом сел за телефон, но связаться с Моссоветом так и не смог. Пришлось статью отложить.

В таком весьма неопределенном положении было выпущено пять номеров «Известий». По решению МК РСДРП большевиков из редакции вышли В. С. Попов и М. М. Костеловская. Однако Скворцову-Степанову по-прежнему поручалось руководить газетой (с этим после ряда проволочек вынужден был согласиться и исполком Моссовета — слишком популярен был он в рабочей среде и в журналистских кругах).

Поскольку «Известия Московского Совета рабочих депутатов» считались межфракционной газетой, в ее редакции появились два представителя от соглашательских партий, за которыми пока было большинство в Совете, то есть меньшевиков и эсеров. Меньшевики сначала направили в редакцию Д. А. Кипена, но потом заменили его Б. С. Кибриком. От эсеров первое время представителем значился Рокотов, затем М. Я. Гендельман. Оба вскоре перестали появляться в редакции. Лишь несколько недель спустя эсеры направили в редакцию Л. М. Арманд, отличавшуюся заметной аполитичностью. Она регулярно посещала заседания редколлегии, заявляла о своем «неодобрении общего курса газеты», но, по существу, интересовалась только положением с народными домами и писала заметки о вреде ханжи (так в ту пору называли суррогат алкогольного напитка) и политуры... «в столь острый политический момент в России».

«Статьи очень хорошие, красноречивые и настолько убедительные и бесспорные по содержанию, — иронизировал Иван Иванович, — что после их прочтения любители «змия» ощутят ужасную тягу именно к ханже и политуре». Однако постепенно Арманд стала заходить только с одной главной целью — перед отправкой в типографию ознакомиться со статьями Скворцова-Степанова. Две-три статьи ей удалось задержать, но дальше помог уже опыт Ивана Ивановича по «общению» с царской цензурой, и эсерка стала «пропускать» массу большевистских установок и прочих «нежелательных сообщений». «Когда мне инкриминировалась известная фраза и предлагалось ее вычеркнуть или редактировать, я злорадно предлагал, — рассказывал Скворцов-Степанов, — редакцию, внешне близкую к предложенной мне, но в действительности только усиливающую мою мысль в общем контексте. И я не раз с мстительным торжеством убеждался, какой милый, хороший, симпатичный человек эта Арманд и какая у нее неapolитическая голова: она простодушно соглашалась на мою новую формулировку».

Сравнительно скоро Л. М. Арманд перестала не только контролировать редакторские статьи, но и вообще показываться в редакции. Эсеры вынуждены были отозвать ее из «Известий» — тягаться

со Скворцовым-Степановым ей было явно не по силам.

Однако с эсеро-меньшевистским руководством не считаться было несравнимо труднее. Поэтому некоторые призывы «Известий» носили иногда общий, расплывчатый характер: вынужденная соблюдать внешне видимость абсолютной «внефракционности», газета не могла, как выражался ее главный редактор, «прямо идти в бой с нашими противниками» (меньшевиками и эсерами), подвергая открытой критике их программу и тактику. В то же время в «Известиях» было опубликовано немало статей Ивана Ивановича и других большевиков, в которых осуждались действия отступников от революционного дела, не называя при этом их партийную принадлежность.

По требованию эсеров и меньшевиков была введена новая практика: основные статьи, предназначенные для публикации, предварительно стали рассматриваться в исполкоме Моссовета, редакции предписывалось смягчать критику Временного правительства, исключать из заметок наиболее резкие места.

Вместе с тем благодаря заботам Скворцова-Степанова к середине марта укрепился редакционный аппарат «Известий». Секретарем редакции стала большевичка Е. И. Ривлина (1874–1957), которая следила и за хозяйственной частью. К этому времени объем газеты увеличился, прибавилось работы и у главного редактора, которому приходилось ежедневно писать по две-три статьи, не считая заметок. Во многом это диктовалось тем, что буржуазия делала все для затруднения выпуска не только большевистских печатных изданий, но и «межфракционного органа» — газеты «Известия». Требовалось оперативно давать отповедь на все ухищрения реакции. Такой способностью обладал Иван Иванович.

Когда московская буржуазия пыталась изобразить отречение Николая II от престола как добровольный акт, в статье «Довольно комедий» Скворцов-Степанов убедительно разоблачил этот маневр. Царь не отрекся от престола, писал он 4 марта в «Известиях», а низложен народом, который разбил трон. Через день он пишет новую статью, разъясняя массам смысл свержения самодержавия: «В тюрьму! Царя в России нет. Престол разбит вдребезги могучим подъемом народа... В тюрьму величайшего преступника, атамана разбойничьей шайки. Вот голоса народа! И не брат этого преступника Михаил наследник престола, а победоносный народ».

Эти слова, словно удары хлыста, били по монархистам, их пособникам, рассеивали сомнения колеблющихся.

Московский Комитет большевиков внимательно следил за издательской деятельностью, придавая особое значение «Известиям». По

просьбе Ивана Ивановича в редакцию направлялись опытные партийцы. В качестве заведующих отделами стали работать вернувшиеся из ссылки Николай Леонидович Мещеряков и Владимир Николаевич Максимовский. Заведовать отделом внешней политики было поручено Вячеславу Петровичу Волгину, в то время «объединенцу», с которым главный редактор быстро сработался. (В. П. Волгин в 1920 году вступил в большевистскую партию. В дальнейшем — видный историк, академик, вице-президент Академии наук СССР в 1942–1953 годах.)

Плохо обстояло дело с помещением. Не улучшилось положение, когда редакцию перевели в здание Капцовского начального училища в Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского). Здесь, в доме № 19, в одной из комнат разместились сотрудники «Известий». В этом же доме в марте — июле 1917 года работали Московский городской, окружной комитеты и Московское областное бюро РСДРП (большевиков), а также военное бюро при МК, редакция и издательство газеты «Социал-демократ».

Коридоры здания и комната редакции всегда были переполнены. Приходили люди самых различных политических убеждений, но почти все называли себя революционерами, борцами за свободу. Особенно мешали работать некоторые студенты и гимназисты — ходили с озабоченным видом из комнаты в комнату, сидели на столах и подоконниках, постоянно споря о чем-то до хрипоты, грызли подсолнухи, а иногда принимались хором петь «Марсельезу». На вопросы Ивана Ивановича о причинах их присутствия в помещении редакции следовал обычно ответ: «Обсуждаем, как жить дальше, что делать». Однако беседовать с ними на серьезные темы было бы тратой времени. В этом главный редактор убеждался не раз уже после двух-трех первых фраз — в серьезном обсуждении вопросов «текущего момента» эти в большинстве своем незрелые юнцы не нуждались.

Зато, словно соревнуясь друг с другом, они неистово приветствовали приехавшего 7 марта в Москву министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского. На митинге в тот же день министр демагогически заявил, что он держит судьбу свергнутой династии в своих руках.

— Но я не хочу быть! — театрально воскликнул он (следует многозначительная пауза). — Быть Маратом русской революции... Мы не хотим казни Романовых, — продолжает министр. — Не хотим...

В зале гул. Шумно аплодируют меньшевики, эсеры, буржуазные элементы, возбужденные гимназисты, юнкера. С трудом дослушав

Керенского, Скворцов-Степанов покидает зал. «Готовитесь сохранить Николая Кровавого для борьбы с революцией, — думал он. — Да, господин Керенский, в этом у вас действительно никакого сходства с Маратом, скорее прямая противоположность. На Наполеона тоже не похожи, хотя и силитесь смахивать на него». Скворцов-Степанов вспомнил, как министр по-наполеоновски скрещивал на груди руки, как совал пальцы правой руки за борт френча, и невольно усмехнулся. «Надо в будущей статье, — подумал он, — не забыть отметить, что даже московские буржуазные газеты хихикают над Керенским. В какой-то из них промелькнуло, что «Александр Федорович только исполняющий обязанности великого человека».

На подобных митингах, заседаниях Московского Совета Иван Иванович считал свое участие обязательным, хотя в первые дни революции их было великое множество и чаще всего «внепланового порядка». Когда в начале марта на заседании исполкома обсуждался вопрос о создании милиции, Скворцов-Степанов потребовал тщательно проверить состав образовавшихся милицейских отрядов, выдачу оружия, поскольку костяком народной милиции должен стать пролетариат. «Ведь рабочих в милиции сейчас — ничтожное число. Студенты, служащие, просто обыватели — вот кто пока в ее рядах, — заметил он. — Молодым людям из учащихся, видимо, доставляет большое удовольствие покрасоваться с винтовкой в руках на углах улиц. Стоит этакая фигура, к ней подходят студенты, курсистки, гимназисты, ребяташки, с явной завистью вззирающие на счастливца. А «милиционер» снисходительно объясняет устройство винтовки, начинает выкидывать «артикулы». Затем палит в небо. Переполох. А что творится ночью? Выстрелит такой вот «народный милиционер» скуки ради, ему откликается второй, потом третий — и пошла трескотня!

И днем нет порядка, — заключил Иван Иванович. — Сначала молодым людям весело было дежурить, останавливая в переулках всех прохожих. Но скоро все это прискучило. Выйдет унылая фигура на перекресток, постоит, походит часик-два, поиграет винтовкой, а как свечерееет — скорее домой. Итак, слово здесь должны сказать рабочие...»

Иначе думали меньшевики и эсеры, засевшие в исполкоме. Когда Иван Иванович закончил выступление, они тотчас же предложили назначить начальником милиции меньшевика-оборонца присяжного поверенного А. М. Никитина. Его кандидатуру поддержал и кадет Н. М. Кишкин, ставший комиссаром Москвы — прямым представителем Временного правительства.

Чтобы отстранить рабочих от участия по охране общественного порядка, исполком Комитета общественных организаций с согласия меньшевистско-эсеровского большинства исполкома Моссовета начал формировать милицию из солдат послушных полков, да и то из числа тех, кто покидал после лечения лазареты и не подлежал возвращению в армию. В основном это были полуинвалиды. Комиссарами этих отрядов милиции, как правило, назначались бывшие присяжные поверенные (абсолютное большинство из них меньшевики и эсеры). Все это происходило не без участия начальника милиции А. М. Никитина...

Много сил Иван Иванович тратил на создание нормальных условий для работы редакции «Известий». Эти условия немного улучшились с переездом ее в начале апреля в бывший особняк московского генерал-губернатора (ныне здание Московского Совета), где получила две сносные комнаты. Однако хуже дело обстояло с типографией — уже к концу марта печатанье «Известий» в типографии «Русское слово» прекратилось, и после мучительных поисков благодаря особым стараниям своего помощника Г. С. Егорова, заведовавшего технической частью газеты, Ивану Ивановичу удалось получить для редакции типографию акционерного общества «Московское издательство» на Петровке, 26. Типография, как метко заметил Скворцов-Степанов, была «сильно поношенная и потрепанная». При величайшем напряжении удавалось тираж доводить до 150 тысяч экземпляров, газета опаздывала к утренним поездкам, да и к московским газетчикам иногда поступала только к полудню.

Бумаги часто не хватало. Несколько раз по настоянию Ивана Ивановича приходилось идти на прямые акты экспроприации бумаги у спекулянтов и буржуазных издательств, обычно на помощь прибывали грузовики с революционными солдатами.

Изо дня в день в рабочей печати и в «Известиях» появлялись материалы, написанные Скворцовым-Степановым. Об армии, о заговорах против российского пролетариата, о сущности «оборонцев», о необходимости единства рабочих под знаменем революции. Много было написано об империалистической войне, с каждым днем уносившей все новые и новые жизни.

...Пожелтевшие страницы «Известий» 1917 года. Март, 11-е число. Статья Ивана Ивановича «Война и рабочий класс». Пролетариат России, говорилось в статье, может смело сказать своим братьям во всех воюющих странах: «Мы исполнили свой долг перед международным братством рабочих, перед всем человечеством. В союзе с армией мы не просто свергли царизм: мы его разбили вдребезги, уничтожили». Теперь,

продолжал автор, дело за вами, германские и австрийские братья. И призывал: «...Делайте то, что заповедовал вам пролетарский Интернационал. Наносите удары своим правительствам. Разворачивайте борьбу против господства капиталистического класса...» Нетрудно заметить, что в этой статье Иван Иванович полностью солидарен с идеями В. И. Ленина, высказанными в «Письмах из далека» и гениально развитые в знаменитых Апрельских тезисах. Потребуем от своих правительств, писал Скворцов-Степанов, чтобы они прямо сказали, «каких целей хотят достигнуть этой позорной войной... Все народы должны знать, за что их заставляют проливать свою кровь и расточать то, что создано мучительным трудом поколений».

Близкими и понятными всем людям труда были заключительные слова статьи: «Мы хотим мира, который был бы продиктован волей народов всех стран».

Эти требования, смелые и убедительные, звучат и в других статьях Ивана Ивановича, помогая партии большевиков рассеивать иллюзии среди населения в отношении подлинной сущности Временного правительства. В статье «За что мы воюем?» он обвиняет Временное правительство в сокрытии истинных целей, противоположных воле трудящихся масс: «Берегитесь, народы! Вас ведут на такое дело, о котором стыдятся открыто сказать».

Март 1917 года прошел в напряженной борьбе московского пролетариата, руководимого большевиками, за утверждение демократических прав, за улучшение положения трудовых масс, то есть за дальнейшее углубление революции. Основное ядро МК РСДРП большевиков вело широкую разъяснительную работу среди рабочих в районных Советах, профсоюзах, в фабзавкоммах. Руководство Московского Комитета, и в его рядах Скворцов-Степанов, стремилось прежде всего ориентировать пролетариат в главных политических вопросах и особенно в вопросе о власти, войне и мире. Меншевикам и эсерам удалось протащить через Совет под лозунгами революционного оборончества решение о прекращении с 6 марта всеобщей забастовки, начавшейся в конце февраля, но большевики еще больше активизировали свою пропагандистскую деятельность за принятие восьмичасового рабочего дня, за улучшение экономического положения пролетарских масс.

Вынужденное, по словам В. И. Ленина, «лгать, вертеться, выгадывать время»^[30]. Временное правительство маневрировало, давало обещания. Однако на деле оно всеми силами старалось уклониться от укрепления завоеваний народа: не были декретированы даже главные демократические

свободы — слова, союзов, печати, собраний, стачек, но зато усилилась военная цензура. (И это сразу почувствовала редакция «Известий», как и другие периодические издания левого направления.) Были конфискованы правительством лишь земли свергнутого императора — земли помещиков остались в неприкосновенности. Воздержалось Временное правительство и от издания закона о равенстве женщин и о национальном равноправии.

Борьба за превращение Советов в подлинно революционный орган власти, за их единовластие стала важнейшей программой деятельности большевиков. «Господа душителю революции сладкой фразой (Чхеидзе, Церетели, Стеклов) тащат революцию назад, — подчеркивал В. И. Ленин, — от Советов рабочих депутатов к «единовластию» буржуазии...»^[31] Как ни тормозили меньшевистско-эсеровские руководители Моссовета его практическую революционную деятельность, рабочие Москвы активно вмешивались в работу предприятий, транспорта, торговли, проводя через ряд районных Советов пролетарскую линию. Попытка Временного правительства выйти из финансового кризиса путем организации подписки на «Заем свободы» кончилась полной неудачей: трудовые массы настолько обнищали в условиях продолжавшейся империалистической войны, что не имели денежных средств. Но главное в том, что они сознательно бойкотировали «Заем свободы», не получив от Временного правительства ни мира, ни земли. Даже крупная буржуазия не решилась поддержать заем, считая положение Временного правительства весьма неустойчивым.

«Кто богатеет и кто разоряется от войны? Бумажные деньги и займы» — так назвал свою брошюру Иван Иванович Скворцов-Степанов, посвятив ее анализу возраставшей в стране финансовой и экономической катастрофы. Пропагандистская кампания, писал он в «Известиях» по поводу «Займа свободы», объявленного Керенским, увенчалась «большим» успехом: на заем подписалась царская семья! По просьбе Скворцова-Степанова пролетарский поэт Демьян Бедный (в это время они ближе познакомились и сдружились) отозвался едким четверостишием:

Как бы, братцы, ни было, —
К оборонцам прибыло:
Царь с царицею вдвоем
Подписались на заем!

Как отмечали все работники редакции «Известий», этот номер газеты со стихотворением Демьяна Бедного читатели расхватывали в считанные

минуты.

Находясь на посту ответственного редактора «Известий», Скворцов-Степанов не прекращал и свою партийно-лекторскую деятельность. 21 марта он выступил на совместном заседании МК и Мособлбюро РСДРП большевиков с участием городского актива с основным докладом «Текущий момент и задачи пролетариата». Доклад длился больше часа, но не чувствовалось усталости ни докладчика, ни слушателей — так важны были затронутые вопросы. По предложению президиума (Ф. Э. Дзержинский, Р. С. Землячка, П. Г. Смидович и др.) была вынесена резолюция по докладу, содержащая программу борьбы за демократизацию общественной жизни России.

В ней отмечалось, что Временное правительство является представителем классов, «готовых повернуться спиной к революции каждый раз, когда пролетариат и крестьянская беднота с развитием революции выступают со своими особыми требованиями». Первостепенное значение имело положение о войне: «С отношением теперешнего правительства к войне рабочий класс будет бороться так же, как с отношением к войне старой власти. Рабочий класс будет стремиться к тому, чтобы этой ненужной для народов войне волей народов был положен возможно скорый конец».

На заседании решено было в ближайшее время специально заслушать доклад Скворцова-Степанова об отношении к войне, и уже 25 марта Иван Иванович выступил на эту острейшую тему на Московской областной конференции Советов рабочих и солдатских депутатов. Он открыто заявил, что Временное правительство в мировой войне продолжает цели самодержавия. Министры этого правительства, много ратующие за свободу, в мировой войне «говорят языком царских министров и открыто возвещают о своей готовности проливать кровь народов ради захватов» «Мы требуем мира!» — воскликнул докладчик под бурные овации зала.

В единогласно принятую резолюцию Иван Иванович включил ленинский лозунг «Мира без аннексий и контрибуций с предоставлением всем нациям права на самоопределение». В резолюции содержался призыв к народам воюющих держав взять дело мира в свои руки и заставить правительства своих стран отказаться от захватнических стремлений.

3 апреля, впервые в легальных условиях после многих лет пребывания большевистской партии в подполье, начала работу I Московская городская партийная конференция. Ее заседания проходили в здании биржи на Ильинке (ныне улица Куйбышева). Присутствовало около 400 делегатов, избранных от девяти пролетарских районов Москвы.

Первое заседание от имени МК РСДРП открыл Скворцов-Степанов. Он не мог сдержать волнение. Несколько минут, улыбаясь, смотрел на зал, приветствуя делегатов. Затем, обращаясь к собравшимся, начал речь:

— Впервые наша конференция, товарищи, собралась открыто. Уже один этот факт очень знаменателен. Мы вышли из подполья, и первые наши слова должны быть обращены как слова горячего братского приветствия революционным борцам, освобожденным после свержения самодержавия из тюрем и ссылки, а также изгнанникам царизма — политическим эмигрантам. Вношу на рассмотрение делегатов двенадцать вопросов. Текущий момент, отношение к Временному правительству, аграрный вопрос, отношение к войне...

Он перечислил вопросы, поставил их на утверждение.

— Мне поручено выступить по первой группе вопросов.

В это время в зал вбежал телеграфист, быстро подошел к президиуму. Иван Иванович внимательно выслушал сообщение. Его лицо сияло.

— Дорогие друзья! — громко и взволнованно воскликнул он, подняв обе руки вверх. — Мы только что получили очень радостное известие — в революционный Петроград прибыл из эмиграции вождь русского пролетариата Владимир Ильич Ульянов-Ленин!

Зал взорвался аплодисментами. Некоторые запели «Марсельезу». Конференция направила телеграмму: «Московская общегородская конференция РСДРП единодушно шлет радостный привет тов. Ленину, славному вождю Российской революционной социал-демократии. Товарищи были бы счастливы видеть его в Москве».

Телеграфист взял в руки текст телеграммы и побежал к выходу. Вновь раздались оживленные приветствия. Делегаты провожали его стоя, гул оваций гремел под сводами.

Скворцов-Степанов продолжил доклад, все чувствовали его особую приподнятость.

— Только одна партия борется за развитие и расширение революционного процесса, — заявил он, — это партия большевиков. И никакие нападки буржуазии не остановят их борьбы и сознательного пролетариата за прекращение империалистической войны, которую продолжает Временное правительство. Мы стремимся к тому, чтобы рабочий класс других стран опрокинул правительства — виновников преступной и позорной войны, чтобы мир был заключен самими народами.

Докладчик подчеркнул, что буржуазия «считает преступлением стремление оказывать давление и контролировать правительство, но народ имеет право оказывать давление и контролировать тех, кто овладел

властью».

Следует отметить, что в рядах московских большевиков, как и РСДРП(б) в целом, в мартовские дни 1917 года еще не было четкого представления о путях дальнейшей борьбы партии после победы Февральской революции. Не было и ясного представления о том, как выйти из империалистической войны.

Тотчас же после своего возвращения в Россию Ленин выступил с Апрельскими тезисами, в которых наметил стратегический план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Апрельские тезисы вооружили партию и рабочий класс подлинно научной и четкой программой революционных действий.

Уже II Московская городская конференция, состоявшаяся 15 апреля, показала решительную поддержку московскими большевиками ленинской позиции по основным принципиальным вопросам текущего момента. Конференция избрала делегатов на Всероссийскую (и Московскую областную) конференцию РСДРП(б). В числе избранных Ф. Э. Дзержинский, И. И. Скворцов-Степанов, Р. С. Землячка, П. Г. Смидович и другие видные партийцы. Иван Иванович выступил на городской конференции с докладом по аграрному вопросу, основной тезис которого — конфискация и национализация всей помещичьей собственности — получил полное одобрение делегатов.

А несколько дней спустя Иван Иванович выехал в столицу. После девятилетнего перерыва состоялась его встреча с Владимиром Ильичем Лениным. Выступления В. И. Ленина на Всероссийской Апрельской конференции РСДРП(б), беседы с ним окончательно помогли Скворцову-Степанову выработать четкую линию по всем основным вопросам развертывания революции. В Москву Иван Иванович вернулся поистине окрыленным.

В кругу руководителей московских большевиков и близких друзей он подробно рассказывает об итогах Апрельской конференции, о последних новостях столицы, о встречах с Лениным, о том, с каким трудом Владимиру Ильичу удалось вернуться из эмиграции в революционный Питер.

Скворцов-Степанов подходит к висевшей на стене карте Европы и показывает примерный маршрут следования группы Ильича на родину.

— Наша революция безмерно благодарна одному швейцарскому социалисту, — говорит он, — который взвалил на свои плечи фактически всю организацию переезда Ленина и ехавших с ним товарищей через Германию. Его имя — Фридрих Платтен. Или Фриц, как чаще его называют. Фриц Платтен исполнял обязанности доверенного лица Ленина

на переговорах с немецким посланником в Швейцарии. Во время следования вагона с русскими революционерами во главе с Лениным никто не имел права входить в него без особого разрешения Ф. Платтена.

Платтен в 1915 году входил в число участников конференции в Циммервальде и присоединился к левой группе, созданной Ильичем. В Кинтале, через год, Платтен тоже был рядом с Лениным. В 1921 году Фриц стал организатором Коммунистической партии Швейцарии...

Разумеется, Иван Иванович никак не мог себе тогда представить, что спустя девять месяцев руководитель швейцарских коммунистов Фриц Платтен снова спасет жизнь вождя мирового пролетариата: 1 января 1918 года, когда В. И. Ленин возвращался с митинга (он выступал в Михайловском манеже на проводах первых эшелонов революционных армейских частей), автомобиль, в котором он ехал, был обстрелян террористами-контрреволюционерами. Спутник Владимира Ильича Фриц Платтен быстро наклонил вниз голову Ленина и прикрыл его своим телом. Ильич не пострадал — бандитские пули пролетели мимо, но Фриц был ранен в руку.

Никак не мог предположить Скворцов-Степанов и другое — что после победы пролетарской революции он еще не раз встретится с Платтеном...

По мере роста влияния большевистской партии в массах заметно усиливалось сопротивление буржуазии, всеми средствами противившейся демократическим преобразованиям и развернувшей бешеную кампанию против революционных социал-демократов. Стены домов и заборов пестрели листками и объявлениями, содержащими различные небылицы о большевиках, резолюции мифических собраний солдат, служащих, коллективов заводов, принятые-де против РСДРП(б). И здание редакции «Известий» кто-то старательно по утрам обклеивал этими лживыми листками.

МК РСДРП(б) потребовал созвать совещание в Московском Совете всех представителей выходящих в городе газет и журналов. После ряда проволочек такое совещание удалось собрать в конце марта. Его открыл московский адвокат П. П. Малянтович, ставший вскоре министром юстиции Временного правительства. Он начал речь с витиеватых призывов «наладить взаимное осведомление и хотя бы некоторое взаимное понимание», чтобы предотвратить дальнейшее «падение литературных нравов». Что и кого он имел в виду, осталось загадкой.

Первым попросил слова Скворцов-Степанов, имевший прекрасное представление о «литературных нравах» продажных газетчиков. В своей клевете на большевиков, сказал он, буржуазные органы печати стараются

перещеголять друг друга, один господин журналист — перековырять другого, своего коллегу. По три копейки за строчку.

— Сразу откровенно скажу, — заявил Иван Иванович, — в плодотворность только что открывшегося совещания мы, большевики, не верим. Не верим, ибо с антинародной газетной публикой нельзя договариваться — ведь она преподносит свои измышления, прекрасно зная, что это ложь. Идет борьба за широкого читателя; борьбу честную буржуазия не признает. И мы счастливы, что революция развязала нам руки — на каждый удар мы будем отвечать ударом.

Выступление ответственного редактора «Известий» вызвало настоящую бурю — противников большевиков в зале было предостаточно, они повскакали со своих мест, послышались истерические выкрики. Опрокидывая стулья, масса «желтых газетчиков» ринулась к выходу. В зале остались только Скворцов-Степанов и представитель большевистской газеты «Социал-демократ» Н. Н. Овсянников. Поглядывая смущенно на часы, к дверям поспешил и П. П. Малянтович. «Каком конфуз», — бормочет он...

Тем не менее упомянутый «конфуз» немного повлиял: буржуазная пресса умерила нападки на «левых», как принято было называть сторонников революционных действий. Однако это затишье было недолгим. Через неделю все пошло по-старому...

«Положение на газетном фронте явно обострилось, — говорил в кругу товарищей Иван Иванович. — Возросла развязность клеветников. Теперь они норовят для придания правдоподобности сослаться на какие-то «имеющиеся документы». Например, что мы агенты Гогенцоллернов! Впрочем, такие басни прежде всего рассчитаны на тупого обывателя и черносотенцев всех мастей. Буржуазия не может простить пролетариату и его партии завоеванных ими позиций. Газеты эсеров при этом поддерживают низкие выпады реакции, а меньшевики в лучшем случае — помалкивают».

Конечно, в этой ситуации Скворцову-Степанову как ответственному редактору в «нефракционной газете» приходилось соблюдать известную нейтральность. Его часто охватывало бессильное негодование, когда он наблюдал, какие потоки клеветы выливались на партию, а «Известия» не могли ответить на каждый удар ударом. Поэтому после раздумий Иван Иванович пришел к мысли использовать исторические параллели и, в частности, жизнь и деятельность Марата, чтобы выразить через факты истории свое отношение к современным событиям. И вот с начала апреля до середины мая в «Известиях» публикуется серия его статей о герое

французской революции.

Цари и короли всех времен, дворянство, буржуазия, писал Скворцов-Степанов, присвоили себе право для поддержания своего господства проводить ужасающие кровопускания и погромы, призывать иноземные войска для избиения и усмирения своих «верноподданных», воздвигать виселицы, расстреливать сотни и тысячи крестьян и рабочих, которые выступали против своего рабского положения. «Но всякое выступление широких народных масс против вечных, неотчуждаемых прав царей на господство, против столь же священных прав помещиков и буржуазии на обирание крестьян и рабочих является для тех же буржуазных историков неслыханной, позорнейшей дерзостью. Конечно, Марат для них — «кровожадный зверь».

А ведь на самом деле Марат не был жестоким человеком, он всегда выступал против лишнего кровопролития. И в то же время он вынужден был применять репрессивные меры, чтобы защитить революцию от врагов.

«Друзья и враги разом поняли, — рассказывал позднее Иван Иванович, — что речь идет не только о французской, но и о нашей революции». (Весной 1917 года Скворцов-Степанов издал брошюру «Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией». В канун Великого Октября она вышла огромным тиражом — свыше 200 тысяч экземпляров.)

После серии статей в «Известиях» о французской революции эсеро-меньшевистские журналисты, встречая Скворцова-Степанова, нервозно спрашивали, каким образом он мог допустить такую редакторскую «некорректность», как напечатание подобных статей в газете Московского Совета. С невинным видом Иван Иванович сразу же вынимал блокнот и просил сообщить место, где им допущено искажение жизнеописания Марата по сравнению с первоисточниками. Пыл и высокомерие «оппонентов» мигом сходили на нет.

В апреле 1917 года в Москве погромная агитация против большевиков приняла значительные размеры. Митинги на улицах и площадях города не прекращались даже ночью, немало из них носили откровенно черносотенный характер. Особенно часто антиреволюционные элементы собирались у памятника генералу Скобелеву против здания Московского Совета. Другая часть... у памятника Пушкину в начале Тверского бульвара. Ивана Ивановича, который, иногда по пути в МК РСДРП(б) или просто прогуливаясь, попадал на такие митинги, прежде всего возмущало то, что для словесных оргий контрреволюция избрала место у монумента великому русскому поэту. Среди ораторов преобладали «бравые солдаты и матросы» — тыловики, суетились переодетые в солдатские шинели

помощники присяжных поверенных, сновали приказчики, гимназисты, конторщики, просто зеваки. Изощряясь в выдумках, твердили о том, что большевики — агенты Гогенцоллернов. Рабочих на подобных сборищах Скворцов-Степанов почти не встречал.

Когда кто-то пытался выступать с возражениями по поводу ложных слухов, его перебивали выкриками: «Большевик — агент Германии!», «Документы бы проверить!», «Милиция!» Стаскивали с возвышения, вели в комиссариат (так теперь называли бывшие «участки»), составляли протоколы. А однажды Иван Иванович вступился за студента, который стал у памятника А. С. Пушкину громко читать послание поэта декабристам «Во глубине сибирских руд...». Стихи лавочникам не понравились, чтеца хотели поколотить, ибо «Пушкин такого не сочинял». Пришлось Ивану Ивановичу доказывать, что автор — в бронзе на пьедестале. Это подтвердил и сухонький адвокат в пенсне... Студента нехотя отпустили, но все стали подозрительно поглядывать на заступника. Не большевик ли?

Скворцову-Степанову с каждым днем все труднее приходилось работать в «Известиях»: меньшевики и эсеры настаивали, чтобы главный редактор прекратил «однoboкую линию», то есть явно большевистское направление газеты. Как вспоминал Н. Л. Мещеряков, «в конце мая 1917 года между руководящим меньшевистско-эсеровским большинством Московского Совета и Скворцовым как представителем редакции произошел резкий конфликт. Тов. Скворцов не согласился выполнить те требования, которые предъявляли ему эсеры и меньшевики. Он предпочел уйти из газеты, нежели свернуть в какой бы то ни было степени то большевистское знамя, под которым работал... Мы устроили небольшое фракционное собрание. Он доложил нам о ходе своих переговоров, и мы все трое единогласно — третьим был тов. Максимовский — постановили: уйти из редакции».

Как раз в эти дни — 26 мая (8 июня) — у Скворцова-Степанова произошло острое столкновение с прибывшим в Москву Керенским. Министр Временного правительства выступил в Московском Совете. К речи готовился тщательно. Говорил помпезно, щеголяя остротами, особенно когда перешел к международным событиям...

И вдруг громкий вопрос из центра зала:

— А как относится Временное правительство к заявлению правительства Италии о том, что оно «берет Албанию под свое по-кро-ви-тель-ство»?

Керенский хмурится, произносит несколько ничего не значащих фраз. Чувствует — уклончивый ответ многих не удовлетворил.

В этот момент поднимается с места и идет к столу бородач, задавший вопрос. Керенский узнает его — ну, конечно, это здешний видный большевик, редактор «Известий». Он невольно умолкает, начинает говорить Скворцов-Степанов.

— Итальянское правительство с точки зрения национального самоопределения, — подчеркивает Иван Иванович, — не имело никакого права так заявлять: здесь до прямого разбоя рукой подать. А раз Временное правительство должно считаться с захватническими войнами и «неясными» целями при том, то нельзя ни под каким соусом призывать русскую армию к наступлению. Кстати, — Иван Иванович поворачивается к Керенскому, — у нас есть еще вопрос в этой связи: каково положение с Финляндией?

Представитель Временного правительства тут же запальчиво стал рассуждать о том, что там развернулась кампания потребовать от России объявить Финляндию независимой.

— Но этот акт вне нашей компетенции. Его может сделать Учредительное собрание. Подождем, — закончил министр.

Однако Скворцов-Степанов словно ожидал именно такого ответа. Он тотчас же заметил, что, придерживаясь принципа самоопределения национальностей, Временное правительство обязано заранее объявить о том, что оно не будет препятствовать стремлению финнов к самоопределению в союзе с русской демократией. Если, разумеется, оно не только на словах за демократию.

После такого колкого выпада министр Временного правительства весь побагровел, стал молча крутить пуговицу кителя, не зная, что сказать в ответ. Запас красноречия эсеровского краснобая явно иссяк. Запланированный им эффект речи сорвался. Меньшевики и эсеры бесновались...

28 мая (8 июня) вышел последний номер «Известий», в редактировании которого принимал участие Иван Иванович. Московский Комитет РСДРП(б) одобрил уход Скворцова-Степанова с поста ответственного редактора и решил не назначать вместо него представителя — ситуация продолжала обостряться. Была принята резолюция: «1. Работа большевиков в редакционной коллегии и в общеполитическом отделе «Известий» рабочих депутатов» в настоящий момент нецелесообразна. 2. Вернуться в редакционную коллегию для работы только в том случае, когда изменится соотношение сил». Выход Ивана Ивановича из редакции «Известий» одобрил также Хамовнический райком РСДРП(б). С 31 мая 1917 года он вынес решение прекратить поддержку этой газеты и проведение подписки на нее, поскольку она резко поворачивает в сторону,

чуждую революционной демократии, и «не выражает воли и взглядов революционного пролетариата».

Чтобы как-то сохранить в среде читателей репутацию «внефракционной газеты», эсеро-меньшевистское руководство Совета назначило ответственным редактором «Известий» В. П. Волгина (в то время объединенца-интернационалиста). Новый редактор вопреки надеждам тех, кто его назначил на этот пост, стал вести себя довольно независимо и часто противился публикации клеветнических материалов, направленных на очернение большевиков. Но приходилось его «терпеть», иначе даже наивные читатели поймут, что дело имеют с чисто партийной газетой.

Прекращение работы в «Известиях» было вынужденным шагом для Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, вложившего столько сил и энергии в ее деятельность. Как не раз он признавался, больше всего ему по душе была работа именно в массовой ежедневной газете. Несомненно, «Известия», руководимые Скворцовым-Степановым, сыграли немалую роль в осуществлении линии партии большевиков за завоевание широких масс после победы Февральской революции в трудные месяцы подготовки перехода к социалистическому этапу революции.

Вместе с тем с уходом из «Известий» Иван Иванович не прекратил своей журналистской деятельности: с 7 марта он входил в состав легальной газеты московских большевиков «Социал-демократ». Инициатором ее создания был М. С. Ольминский, который еще до выхода первого номера надолго уехал в Петроград (он вернулся в Москву только в апреле 1917 года). Решением МК РСДРП(б) в узкий состав редакции вошли И. И. Скворцов-Степанов, Н. М. Лукин-Антонов и А. И. Усагин. В газете не раз выступал В. И. Ленин. Здесь активно сотрудничали также Ем. Ярославский, В. Н. Подбельский, А. И. Ульянова-Елизарова, Г. И. Петровский, М. И. Ульянова, А. Е. Бадаев, А. А. Сольц, П. Г. Смидович, В. П. Ногин, В. Д. Бонч-Бруевич, П. К. Штернберг, В. А. Обух, Г. К. Голенко и другие видные большевики, поэт Демьян Бедный.

Сжатый и выразительный язык, строгий стиль, экономное расположение материала в «Социал-демократе» — все было подчинено одной цели: доходчиво и правдиво рассказать широким массам о единственно верном пути расширения и углубления революции. Газета разоблачала предательскую суть буржуазии, антинародный характер Временного правительства. В статье «Министр Керенский» 17 (30) мая газета «Социал-демократ» очень метко и едко охарактеризовала этого министра-«социалиста», используя слова из оперы «Риголетто»: «Плачет,

смеется, в любви клянется, но кто поверит, тот ошибется». И Керенский мстил. Вскоре в Москву пришло его распоряжение закрыть «Социал-демократ». Правда, московские власти сразу не решились исполнить это указание.

Иван Иванович Скворцов-Степанов, опубликовавший в газете ряд ярких боевых статей, очень много усилий прилагал к тому, чтобы она прежде всего распространялась среди рабочих крупных промышленных предприятий, в солдатских казармах. Решение московских властей «повременить» он считал ненадежным. «Бумажку Сашки Керенского, — предупреждал Иван Иванович, — во всякий момент могут вынуть из-под сукна. Надо готовиться к худшему, к изданию ее в дальнейшем в подполье».

Всего в 1917 году вышло 246 номеров «Социал-демократа», и в подготовке всех их непосредственное участие принимал Скворцов-Степанов. А каждый номер, по образному замечанию старого большевика Г. К. Голенко, был «искрой, брошенной в революционный костер». Самой уничтожающей критике политика Временного правительства, помещичье-буржуазных и мелкобуржуазных партий подвергалась в Москве прежде всего на страницах «Социал-демократа», а также в ряде других большевистских изданий.

По существу, Скворцов-Степанов сотрудничал почти во всех периодических изданиях московских большевиков. С 4 октября 1917 года Московская военная организация РСДРП(б) стала издавать популярную газету для крестьян и солдат — «Деревенская правда» (под редакцией Ем. Ярославского). Скворцов-Степанов поместил в газете ряд своих статей и заметок. Печатался он и в профсоюзном журнале «Московский металлист» (выходил с августа 1917 года). Он живо откликался на все крупные события тех дней. Когда Временное правительство организовало 17–18 июня «наступление» русских войск (буржуазная печать назвала его «Наступлением Керенского»), Иван Иванович на страницах газеты «Социал-демократ» назвал это авантюрой, которая преследовала цель — «затопить нас в бурном патриотическом потоке, который ожидался следом за известием о блестящих победах на нашем фронте».

«Наступление Керенского», как и следовало ожидать, провалилось. На проволочных неприятельских заграждениях остались горы трупов российских солдат. «Провал наступления использован для того, чтобы отнять и ограничить гражданские свободы солдата, который меньше всего виновен в катастрофе. Ему сначала воспретили читать ряд социал-демократических газет, которые помогли бы разобраться в сложившемся

положении... В то же время командный состав вооружили военно-полевыми судами и смертной казнью» — так оценил Скворцов-Степанов истинный замысел кровавого плана Временного правительства.

Поражение на фронте буржуазные партии и соглашатели пытались свалить... на большевиков. «Легионы смерти», «ударные батальоны», «колчаковские матросы», «корниловские казаки», отряды юнкеров и офицеры, в небывалом количестве появившиеся в тылу, николаевские жандармы, переполнившие контрразведку и больше всего интересовавшиеся поисками «левых» революционеров, — вся эта, по выражению Ивана Ивановича, толпа «жаждала решительных действий, которые устранили бы большевиков — единственную помеху укрепления господства собственников, прикрытого соглашателями».

4 июля в Петрограде верные Временному правительству воинские части обстреляли мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов, в которой участвовало около полумиллиона человек. Демонстранты требовали перехода власти к Советам. «Наша партия, — писал В. И. Ленин, — исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4-го июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июня *еще* возможен был мирный переход власти к Советам, *еще* возможно было мирное развитие вперед русской революции»^[32]. Однако эсеро-меньшевистские лидеры не захотели прислушаться к голосу трудового народа, войдя в закулисный сговор с Временным правительством, скатились, по словам Ленина, «на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы»^[33], согласившись на вызов с фронта карательных частей. Начались аресты большевиков, был отдан приказ об аресте В. И. Ленина. Юнкера разгромили редакцию газеты «Правда». Разгул контрреволюции нарастал, и стал невозможен мирный переход к Советам.

Демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!» вслед за Петроградом состоялись в Москве, Иваново-Вознесенске, Екатеринодаре, Орехово-Зуеве, Коврове, Красноярске, Томске и других городах.

В Москве, как и в Петрограде, готовился разгром большевистских организаций и левых газет. 5 июля, пот вечер, у памятников Скобелеву и Пушкину происходило собрание черносотенцев. Ораторы призывают по примеру петроградской реакции громить большевистские центры, редакцию «Социал-демократа», которая располагалась неподалеку. В этой тревожной обстановке МК партии принимает срочные меры: в комитете и

редакции остаются только мужчины, об угрозе нападения предупреждаются преданные большевикам воинские части.

Погромщики не являлись, а тем временем стемнело. Как дальше действовать? Иван Иванович предложил направить его в «разведку», чтобы разузнать о планах контрреволюционеров. Долго не соглашались, но затем уступили, и Скворцов-Степанов, натянув на самые глаза фуражку, двинулся к памятнику Скобелеву. Здесь стояла довольно большая толпа. Топ, как и весной, задавали все те же: старые офицеры и чиновники. Правда, теперь они шумели с нескрываемой злобой.

— Надо решительно защищать революцию от большевистской эпидемии, — вопил какой-то старичок, — а меньшевики и эсеры так и не сумели их изгнать из Совета.

А когда один солдат возразил ему, заметив, что большевики не похожи на германских агентов, старичок визгливо вскинулся:

— Ты еще молод, а потому помолчи!

Иван Иванович не выдержал и ядовито заметил:

— А какие у вас, почтенный, полномочия отстранять молодежь от выяснения истины?

Старичок вскипел и запальчиво вскрикнул:

— Да я не один десяток лет служил верой и правдой царю и отечеству!

Разразился хохот, но, пожалуй, больше всех хохотал Скворцов-Степанов, приговаривая: «Ну и революционер’! Вот это да!» Старичок понял, что «проиграл дело», и конфузливо покинул «место сражения»...

Но так было не всюду. В некоторых местах уже стояли вооруженные кольями, цепями и железными прутьями лабазники, готовые отправиться громить «изменщиков, продавшихся кайзеру». Оставалось только, подумал Иван Иванович, «спустить их с цепи».

Антибольшевистские митинги и сборища погромщиков шли буквально днем и ночью. Реальная угроза погрома помещений, где находились большевистские организации, нарастала. «Кадеты в штатских и офицерских костюмах, — рассказывал, вернувшись с одного из таких митингов, Иван Иванович, — в особенности последние, раздражаются против нас истерическими ругательствами. И в центре их клеветнических выпадов имя Ленина. Нашим товарищам пока не следует показываться на этих, с позволения сказать, «уличных митингах». Ведь не каждый сможет удержаться, чтобы не дать достойный отпор грязным упражнениям. Однако делать это среди хулиганствующих подонков просто опасно».

Незадолго до кровавых событий в Петрограде и массовых демонстраций в Москве состоялись выборы в Московскую городскую думу.

Большевики и социал-демократы (интернационалисты) выступали единым списком (№ 5). В числе кандидатов в гласные думы от партии большевиков значились И. И. Скворцов-Степанов, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, Г. А. Усиевич, П. К. Штернберг, П. Г. Смидович, И. Ф. Арманд и др.

Одним из организаторов избирательной кампании большевиков был Иван Иванович Скворцов-Степанов. Он постоянно подчеркивал при обсуждении в МК РСДРП(б), что главное — не в избрании местного самоуправления, а в том, что борьба идет по самым острым общеполитическим вопросам. Достаточно обратить внимание на тот факт, что все буржуазные партии и соглашатели объединились против пас в общий фронт, говорил он в день выборов 25 июня.

— Вы посмотрите, что пишут «Русские ведомости», только что купил номер на углу: «Сегодня главный вопрос — справиться с той болезнью, которая разрушает Россию и угрожает всем завоеваниям революции, болезнь эта большевизм».

«Русские ведомости» в этой гнусной клевете были не одиноки — почти все московские буржуазные газеты твердили одно-единственное: враг свободы и революции — большевики. И когда избиратели двинулись голосовать, дождем сыпались листовки с «предупреждениями» (их сбрасывали с крыш домов, ими были облеплены транспорт, заборы, многие здания): «Граждане! Не голосуйте за номер № 5. Это — большевики!!!» Специально снаряженные отряды черносотенцев, дворники, которым заранее было «уплачено», срывали избирательные плакаты большевиков или замазывали их краской. «В день выборов, пройдя от Каланчевской площади до Совета, — рассказывал Иван Иванович, — не нашел ни одного уцелевшего плаката № 5. От них остались только клочья». Плакаты уцелели в рабочих районах, отмечал Скворцов-Степанов в статье «К московским городским выборам», опубликованной в журнале «Спартак». Именно здесь большевики имели наибольший успех. Всего за них было подано 75409 голосов (11,6 процента). Но даже численно небольшая группа из 23 большевистских гласных Московской думы (председателем большевистской фракции стал Скворцов-Степанов) превратилась в серьезную политическую силу благодаря своей сплоченности и дисциплине.

«Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно, — указывал В. И. Ленин. — Что у московского пролетария несравненно больше связи с деревней, деревенской симпатией, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и

неоспоримый»^[34]. Как правило, эти группы московского населения были питательной средой для соглашательских партий — эсеров и меньшевиков, собравших на выборах вместе 70 процентов. Выборы показали, что значительная часть населения еще не освободилась от оборонческих иллюзий.

С первых же часов своего пребывания в думе большевистская фракция решительно выступила против провокационных попыток посадить большевистских гласных в центр, рядом с кадетами — самой правой партией думы. «Мы категорически заявляем, — сказал Иван Иванович, — что наша фракция войдет в думу на заседание только для того, чтобы заявить энергичный протест против хозяйского произвола эсеров и затем покинуть ее». Протест подействовал — большевики разместились на самом верху левого сектора. «Нас признали Горой, — с удовольствием отмечал Иван Иванович, — монтаньярами революции XX века, что подтвердилось и нашим поведением в думе, и всеми позднейшими событиями».

Фракция большевиков в Московской думе не смущалась своей малочисленностью, став с первых же дней в центре ожесточенной борьбы. Ее популярность в массах стремительно возрастала, свидетельством чего были огромные толпы, которые собирались перед «большими думскими днями». Многие стремились прежде всего услышать речи Скворцова-Степанова, последить за дебатами.

Под гиканье и вопли кадетов и соглашателей гласные от большевиков вносили одно за другим подлинно революционные практические предложения: немедленная конфискация всех бывших владений дворцового ведомства и использование их в интересах бедноты, переход под городской контроль всех церковных и монастырских владений и капиталов, протест против введения смертной казни для солдат на фронте, улучшение прав рабочих. Хотя пригласительные билеты распространялись для публики согласно численности фракций (то есть пропорционально), трибуны заполняли люди явно в «нарушение этого правила» — число сочувствующих большевикам нередко составляло подавляющую часть гостей. «Думское большинство и особенно кадеты, — по словам Скворцова-Степанова, — ненавидели нас за то, что они уже тогда ясно видели, что мы не просто говорим, но когда власть перейдет к нам, то станем действовать так, как говорим. Тем сильнее к нам приковывалось внимание масс». Чтобы укрепить руководство профессиональными союзами Москвы, Московское областное бюро РСДРП(б) решило направить туда опытных, испытанных большевиков — Я. Э. Рудзутака, Е. М. Ярославского, Р. С. Землячку, И. И. Скворцова-Степанова и других.

Решение было весьма своевременным — с переходом реакции в наступление в начале июля 1917 года работа в профсоюзах, превращалась в один из решающих участков борьбы за массы.

Буржуазия с помощью соглашателей в июле одержала временную победу, но явно ее преувеличила. «Передовые отряды пролетариата России, — писал В. И. Ленин 29 июля, — сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования... не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу»^[35].

Большевики несли правдивое слово на заводы и фабрики, казармы и окопы, деревни и села, завоевывая доверие и авторитет в массах. Состоявшаяся 19 июля 1917 года Московская общегородская конференция большевиков обсудила вопросы, связанные с подготовкой к VI съезду партии, выразила протест против лживых измышлений, распространяемых буржуазией и соглашателями. Через несколько дней в Москве проходила областная конференция РСДРП(б). В подготовке ее резолюции «О текущем моменте» принимал участие Скворцов-Степанов. В ней подчеркивалась неотложная необходимость «провести широкую агитацию за основные революционные требования», взять на себя роль передового борца с контрреволюцией, энергично защищать завоеванные свободы.

Исключительно важное значение в сплочении партийных рядов и определении курса на социалистическую революцию имел VI съезд РСДРП(б) (26 июля — 3 августа 1917 года). Съезд идейно вооружил партию ясной программой дальнейшей деятельности и борьбы за мир, землю, национальное равноправие и социализм, мобилизовал все революционные силы на решительный отпор темным планам реакции.

Вести об итогах съезда быстро пришли в Москву. Скворцов-Степанов, как и все большевики-ленинцы, развернул энергичную работу по разъяснению документов съезда. Как-то, выступая на одном рабочем собрании, он с волнением повторил понравившиеся слова своего соратника по борьбе Виктора Павловича Ногина, сказанные им при закрытии VI съезда: «Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, она искупается величию задач, стоящих перед нами как партией пролетариата, который должен победить и победит». Мы призываем вас, убежденно говорил Иван Иванович, к сплочению, чтобы довести борьбу против буржуазии и помещиков до полной победы. Торжество контрреволюции — временное явление. По поручению съезда Центральный Комитет издал

манифест «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России». Иван Иванович зачитывает манифест. Могучим призывом звучат заключительные строки: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

Серьезное испытание для Московской организации большевиков было связано с созывом Временным правительством так называемого Государственного совещания, за ширмой которого готовилось установление в стране военной диктатуры во главе с генералом Корниловым. Считая Москву более спокойным местом, ее и избрали для проведения такого совещания.

6 августа ЦК РСДРП(б) принимает специальную резолюцию «О Московском совещании 12 августа», в которой предложил всем партийцам разоблачать подлинный его характер как заговор контрреволюции. Московскому Комитету партии было рекомендовано встретить день открытия совещания организацией однодневной забастовки протеста.

В тот же день МК РСДРП(б) призвал пролетариат Москвы бойкотировать открытие Государственного совещания и встретить день 12 августа забастовками. 7 августа было созвано расширенное заседание Московского бюро профсоюзов совместно с представителями руководства 28 отраслевых профессиональных союзов города. Заседание рассмотрело вопросы о текущем моменте, об отношении к Временному правительству и Государственному (Московскому) совещанию. После выступлений П. Г. Смидовича и И. И. Скворцова-Степанова участники заседания приняли решение развернуть широкую агитацию за бойкот Государственного совещания. Эти же вопросы обсудило экстренное заседание Московского бюро профсоюзов (совместно с представителями 41 профсоюза) 9 августа. Основной доклад на заседании о создавшемся политическом положении сделал Иван Иванович. Он же внес предложение-резолюцию, призывавшую трудящихся Москвы провести 12 августа однодневную стачку протеста против планов реакции.

Вопрос о предстоящем совещании не мог пройти мимо Московской городской думы. Его обсуждали 10 и 11 августа. От имени фракции большевиков Скворцов-Степанов предложил принять резолюцию, в которой убедительно разоблачались контрреволюционные цели корниловцев.

— Московская городская дума, — четко раздавалось в притихшем зале, — считает необходимым войти в Московское совещание с тем, чтобы

организовать в нем все революционные элементы вокруг требований последовательной революционной демократии и, огласив декларацию... (Иван Иванович сделал паузу), демонстративно удалиться.

На скамьях кадетов и соглашателей — оцепенение. Затем вносится резолюция от меньшевиков и эсеров одобрить участие представителей думы и совещания. «Машина голосования» снова сработала.

Однако партия не собиралась сдаваться. Агитация большевиков во всех районах города, листовки протеста против зловещих замыслов военщины в альянсе с соглашателями, стихийные митинги — все это сыграло свою роль, не прошло бесследно. Утром 12 августа газета «Социал-демократ» публикует воззвание МК РСДРП(б): «Сегодня парад контрреволюции... На поход реакции мы должны ответить походом революционного пролетариата... Пусть не работает ни один завод, пусть станет трамвай, пусть погаснет электричество, пусть окруженное тьмой будет заседать собрание мракобесов контрреволюции». (Проект воззвания был написан Скворцовым-Степановым поздно вечером, накануне сборища реакции.)

Забастовка прошла удачно. Члены Государственного совещания, которые должны были обедать по удешевленным ценам в ресторане «Метрополь», так и остались без обеда. Остановился транспорт, закрылись многие магазины, прекратило работу большинство заводов и фабрик (всего не вышло на работу свыше 400 тысяч рабочих Москвы и ее окрестностей). Большевики, хотя и не были допущены на совещание, повсюду сумели распространить свою декларацию протеста. Анализируя результаты забастовки, В. И. Ленин отмечал: «Стачка в Москве 12 августа доказала, что *активный* пролетариат за большевиками»^[36].

Контрреволюция убедилась, что ее надежды на «тихую» Москву не сбылись. Поэтому власти окружили Большой театр, где заседали заговорщики, тройным кордоном надежных войск. Газеты кадетов и соглашателей поспешили уверить читателей, что забастовка, организованная большевиками, «провалилась».

— Что за лгуны! — возмущался Скворцов-Степанов, держа в руке охапку буржуазных газет, которые он только что приобрел по пути в редакцию «Социал-демократа». — Мало таких всеобщих забастовок видела наша Москва. И это несмотря на то, что Советы пока в руках эсеров и меньшевиков. Разве нас не может радовать то, что вся рабочая Москва уже пошла за большевиками!

Прохаживаясь по комнате, Иван Иванович говорил о поведении соглашателей и их газетах, а в голове уже зрел новый план

противодействия их лживым ухищрениям. «Надо будет переговорить с Демьяном, — подумал он, — пусть что-нибудь сочинит сатирическое об этих горе-революционерах...»

И уже 25 августа газета «Социал-демократ» напечатала едкое стихотворение поэта Демьяна Бедного «Либердан» («Московский танец»):

Перед военным барабаном,
Мастера па штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
— «Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам...
На Москве, устроив танцы,
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.

На первом же заседании Московской городской думы после открытия Государственного совещания Скворцов-Степанов в числе первых попросил слова и гневно обличил сообщников готовившегося контрреволюционного заговора во главе с генералом Корниловым. Буржуазная газета «Русское слово» об этом выступлении Ивана Ивановича писала следующее: «И. И. Скворцов произносит горячую речь. — За сообщниками Корнилова, — восклицает он, — ходить недалеко, здесь надо искать их справа! Вот они! — И при этих словах оратор делает жест в сторону Астрова П. И., главы кадетской партии.

— Здесь, — говорит оратор, — призывают поддержать Временное правительство, но мы вправе спросить: кого же это мы будем поддерживать? Быть может, то самое Временное правительство, часть которого находится в заговоре с генералом Корниловым или, во всяком случае, сочувствует ему?.. Надо арестовать и предать революционному суду не только генерала Корнилова, но и всех тех, кто стоит за спиной его». От имени фракции большевиков Скворцов вносит проект резолюции. Шестой пункт этого проекта предусматривал немедленное принятие следующих мер:

«Ближайшими шагами революционной власти должны быть декрет о

демократической республике, возобновление энергичной борьбы за скорейшее окончание войны на основе платформы, выдвинутой Советами Р. С. и К. Д., немедленная передача всей земли в заведование местных революционно-демократических органов».

Однако эсеро-меньшевистское большинство думы и на этот раз отклонило большевистский проект. Правда, возмущение гостевых рядов в зале заседания, как отметили все присутствовавшие, было особенно бурным — влияние соглашателей среди населения явно таяло.

Большевистская фракция (Московской думы) и ее председатель стали организаторами активной революционной деятельности все[^] гласных от РСДРП(б) в городских думах Московской губернии. На августовском собрании представителей большевистских фракций дум от Подольска, Богородска, Коломны, Орехова-Зуева и других городов с докладом о политическом положении в стране выступил Скворцов-Степанов. Он призвал думские фракции партии не ограничиваться лишь узким кругом чисто мирных местных дел, а увязывать их с общеполитическими вопросами. При этом главнейшая задача — борьба с опасностью контрреволюционного переворота.

Через несколько дней от имени гласных-большевиков он внес на заседание думы проект резолюции о необходимости создания революционного правительства, составленного исключительно из представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Это был уже открытый жест непризнания и отрицания прогнившего Временного правительства и вызвал в думе настоящий переполох. Воспользовавшись очередным заседанием думы 9 сентября, Скворцов-Степанов демонстрирует непоколебимую волю РСДРП(б) сорвать все планы реакции: он решительно выступает против участия в так называемом Демократическом совещании, созыв которого намечался буржуазией в альянсе с меньшевиками и эсерами в Петрограде. И вновь Иван Иванович призывает к созданию органов подлинно народной революционной власти.

В конце лета — начале осени 1917 года Скворцова-Степанова можно было часто видеть на митингах, собраниях рабочих, в заводских цехах и мастерских. Один из таких митингов на Большой Дмитровке в театральном помещении (ныне Театр оперетты на Пушкинской улице) надолго запомнился самому Ивану Ивановичу.

«Все тогда говорили, — вспоминал он, — что картина Б. Дмитровки перед этим митингом, созданным большевиками, напоминала «шляпинские» дни. И билеты на митинг достать было крайне трудно. Театр ломился от слушателей. Громадные толпы остались на улице, образуя

еще митинги». А на следующий день (3 сентября) состоялся новый митинг в аудитории Политехнического музея, где собрались солдаты Московского гарнизона. И снова все билеты раскуплены заранее. Кроме Ивана Ивановича, на митинге выступили с речами П. Г. Смидович, Г. А. Усиевич, Е. М. Ярославский. Кто-то из присутствующих, взволнованный услышанным, внес предложение помочь «улучшить издательское дело в РСДРП(б)» путем сбора денежных средств на нужды партийной типографии. Предложение было единодушно принято, в фонд МК РСДРП(б) поступило существенное пополнение.

В сентябре соотношение сил в Москве резко изменяется в пользу большевиков. Полностью большевистским стал Московский Совет рабочих депутатов. Его председателем был избран большевик-ленинец В. П. Ногин. Разгром корниловского мятежа, в подавлении которого большевистская партия сыграла решающую роль, сильно повысил ее авторитет в массах. Это убедительно сказалось и на выборах в районные думы Москвы, которые состоялись 24 сентября.

В этот день на московских улицах царило необычайное оживление. Кадеты, эсеры, меньшевики не пожалели средств, залепив заборы, постройки, здания крикливыми воззваниями, плакатами и лозунгами. Листовки и плакаты большевиков встречались гораздо реже и выглядели более чем скромными. Но, несмотря на это, выборы принесли списку № 5 победу. Список большевистских кандидатов в VII районную (Рогожскую) думу возглавлял Иван Иванович Скворцов-Степанов. Из 17 районных дум в 11 большевики получили абсолютное большинство. Лишь в одной Тверской думе перевес оказался на стороне реакционного блока.

Всего было избрано 350 гласных — членов РСДРП(б), среди них И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка, М. Ф. Владимирский, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, И. В. Русаков. За большевиков голосовали не только рабочие и городская беднота, но и основная масса солдат Московского гарнизона.

Иван Иванович так оценивал успех большевиков Москвы на выборах в районные думы: «Это был суд над тем, что делали мы в Совете, в партийных и профессиональных организациях, в армии, в городской думе, — повсюду. Прошло всего три месяца с того дня, как за нас высказалась всего девятая часть голосовавших. Теперь за нас было подано более половины всех голосов. Меньшевики разбиты, а эсеры провели маленькие кучки гласных... Соглашатели фактически превратились в подголосков белой гвардии».

Огромный рост авторитета большевиков в массах ощущался и в том,

что их выступления собирали широкую аудиторию слушателей, особенно когда слово предоставлялось виднейшим представителям РСДРП(б). Исключительно популярен как оратор был Скворцов-Степанов. На лекцию Ивана Ивановича 28 сентября в аудитории Политехнического музея «Как народ возвратит себе землю и что он сделает с ней» собралась многочисленная толпа. Билеты были распроданы задолго до начала выступления, хотя стоимость за вход была довольно высокой — 1 рубль.

Когда лекция закончилась, одна из слушательниц спросила:

— Почему так рвутся москвичи на выступления большевиков?

Иван Иванович сразу ответил:

— Только от нас, гонимых и травимых, но не загнанных и не затравленных, только от нас, от начала до конца оставшихся верными революции, массы ждут услышать слово истины, которое прорезало бы мрак и туманы.

Сказав это, он услышал вспыхнувшие аплодисменты. Студентка, задавшая вопрос, вначале растерянно посмотрела вокруг, затем рассмеялась и тоже захлопала в ладоши.

После того как Московский Совет стал большевистским, Скворцов-Степанов по решению МК РСДРП(б) 2 октября вновь возглавил «Известия Московского Совета».

Снова став во главе газеты «Известия», Иван Иванович не ослабил своего участия и в работе печатного органа большевиков — газеты «Социал-демократ». Темы статей затрагивали самые различные злободневные вопросы: внешнеполитическая жизнь (очерк «Дипломатические комедии»), положение на фронте («В чем спасение?» и «Оздоровление армии»), общество и церковь («Покайтесь!»), политическое положение («Политика и кооперация»). Однако в центре внимания Скворцова-Степанова оставались проблемы революции и рабочего движения. Разоблачению связей некоторых членов Временного правительства с генералом Корниловым посвящена статья «Вокруг корниловщины». Четкие ответы на ряд насущных вопросов дня находили пролетарии Москвы в публикациях «Экономическая борьба рабочего класса» и «Профессиональные союзы и современная экономическая борьба».

И все это было написано Иваном Ивановичем в течение только двух недель перед Великой Октябрьской социалистической революцией! К тому же приведенный перечень публикаций далеко не полный. По сути, не оставлен был без внимания ни один жгучий вопрос, который стоял в повестке дня жизни России в канун исторической пролетарской победы.

*

Осенью 1917 года накал классовой борьбы достиг наивысшего предела. Приближалась грандиозная социальная битва сил революции и старого мира. Оценивая формы и характер борьбы пролетарских масс и все, что определяло новый этап развития революции, В. И. Ленин с удовлетворением писал: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа...

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь.

За нами *верная победа*...»^[37]

25 октября стало днем величайшей исторической победы. В этот день было опубликовано обращение «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным. «Временное правительство низложено, — говорилось в нем. — ...Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Известие о триумфе восстания в Петрограде пришло в Москву утром 25 октября и уже в тот же день на совместном заседании областного бюро, городского и окружного комитетов РСДРП(б) было решено создать боевой партийный центр, в который вошли М. Ф. Владимирский, О. А. Пятницкий, В. Н. Яковлева. В. И. Соловьев, Ем. Ярославский, И. Н. Стуков и Б. Г. Козелев. Был образован также Военно-революционный комитет, повсюду создавались красногвардейские отряды, распределялось оружие среди рабочих и революционно настроенных служащих.

К утру 26 октября восставшие заняли почтамт, телеграф и междугородную телефонную станцию, вокзалы, Государственный банк. Под контроль ВРК были поставлены типографии буржуазных газет.

Трудящиеся Москвы восторженно встретили сообщение о падении Временного правительства в Петрограде и переходе власти к Советам. На заводах и фабриках прошли массовые митинги, на которых рабочие призывали последовать примеру своих петроградских братьев.

Однако не дремала контрреволюция. Потерпев поражение в столице, она стала возлагать свои надежды на Москву, куда из Петрограда бежали некоторые бывшие министры Временного правительства. Реакция рассчитывала перебросить сюда с фронта верные Керенскому части и, опираясь на них, создать новое буржуазное правительство, которое стало бы центром борьбы за восстановление в стране старого режима.

Оплотом контрреволюционного лагеря стали городская дума и созданный 25 октября «Комитет общественной безопасности», где верховодил городской голова эсер В. В. Руднев. В здание думы тайно начали привозить и прятать в подвалах пулеметы, боеприпасы. При поддержке штаба Московского военного округа и Совета солдатских депутатов, где большинство руководящего состава составляли меньшевики и эсеры, в различных районах города лихорадочно шло формирование белогвардейских батальонов.

Получив известие о начале вооруженного восстания в Петрограде, В. В. Руднев созвал экстренное заседание думы и заявил о необходимости «решительного противодействия мятежу петроградских большевиков». Слово взял руководитель фракции РСДРП(б) Скворцов-Степанов.

— Когда происходило Московское государственное совещание, — начал он, повернувшись к Рудневу, — профессиональные союзы решили откликнуться на это демонстрацией. Тогда городской голова оспаривал право рабочих на демонстрацию и назвал это анархическим выступлением меньшинства. Прошло полтора месяца, и анархическое меньшинство оказалось большинством. Выборы в районные думы это ясно доказали. От чьего имени говорит городской голова? — Иван Иванович сделал паузу и оглядел притихший зал. — От имени тех, кого выбирали 25 июня, но не от имени теперешнего большинства. Теперь вы меньшинство!

Эти слова оратора вызвали овацию на скамьях слева.

— Дума не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно. Власть захватывает не ничтожное меньшинство, а представители большинства страны. Это показывают и факты: заняты телеграф, Смольный институт, вокзалы, Государственный банк и целый ряд учреждений, и этому противится только несколько десятков человек. Это значит, что народ не с Временным правительством. Это правительство — помазанника милостью Родзянки...

Загудели, затопали ногами депутаты правых партий.

— Принимайте свою резолюцию, — продолжал Скворцов-Степанов, несколько не смущаясь гвалтом, поднятым кадетами, эсерами и меньшевиками. — Мы не будем участвовать в ее голосовании, но помните ответственность, которую берете на себя. То, что могло произойти без пролития крови, может сейчас стоить громадных жертв, если вы будете вызывать войска во имя меньшинства. Мы говорим, что курс правительства привел к катастрофе страну и фронт, потому что меньшинство, оказавшееся у власти, все более уступает врагам революции. Теперь оно умирает. Временное правительство действовало как враг народа, разрушая

государственное хозяйство...

Между нами и вами, — Иван Иванович делает жест направо, — непроходимая пропасть.

В заключение речи Скворцов-Степанов воскликнул:

— Революция поднялась на высшую ступень! Теперь рабочий класс и крестьянство получают долгожданную свободу, права, в интересах народа в стране произойдут коренные, глубочайшие преобразования!

Протокольная запись выступления Ивана Ивановича, опубликованная в «Известиях Московского Совета», все же, как свидетельствовали очевидцы, не передавала всех ее оттенков и трудноуловимых нюансов (полной стенограммы не сохранилось). Эта речь Скворцова-Степанова в день победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде была, по мнению большевика В. Н. Подбельского, одним из лучших публичных выступлений трибуна-ленинца.

После речи Ивана Ивановича начались выступления представителей думского большинства. Это были нудные, истеричные, в значительной мере жалкие речи. Ничего конструктивного и прогрессивного они не содержали. Зато много в них было злобы по отношению к питерцам, «посмевающим» подняться на борьбу с «законной властью», ненависти к большевикам, презрения к трудовому люду. И пока в большом зале городской думы лился этот нескончаемый поток путаных и нервных словопрений, в рабочих районах Москвы кипела работа: пролетариат города готовился к бою. Гласные-большевики один за другим стали покидать думу, отправляясь, как официально было заявлено, «дежурить» в комитетах. Наконец поднялся и Скворцов-Степанов, подошел к В. Н. Подбельскому и Б. М. Волгину, посоветовался с ними и затем вышел из зала.

Пустующие скамьи большевистской фракции, уход Скворцова-Степанова сильно встревожили гласных от правых и соглашательских партий. Послышались выкрики: «Большевики пошли делать свое дело, а мы здесь теряем время на пустые разговоры! Надо и нам приступить к делу!» Однако эти истошные возгласы носили скорее лицемерный характер, ибо контрреволюция не сидела сложа руки. Вслед за созданием «Комитета общественной безопасности» развернулось вооружение сил реакции, с фронта были вызваны «верные части».

По настоянию В. П. Ногина, П. Г. Смидовича и О. А. Пятницкого, считавших, что для быстрой победы сил пока недостаточно, что «поспешность только приведет к ненужному кровопролитию», Военно-революционный комитет начал переговоры с «Комитетом общественной безопасности» и штабом военного округа (предложение последними о

переговорах было сделано для выигрыша времени).

27 октября в Сухаревском народном доме состоялось собрание гласных районных дум. Собралось около трехсот человек. Попытка эсеров и меньшевиков сорвать собрание не удалась. По предложению Скворцова-Степанова собрание создало Совет районных дум, к которому переходили все дела московского городского самоуправления. И тут поступило известие, что городской голова Руднев с юнкерами и белогвардейцами начал военные действия против Совета рабочих депутатов и РСДРП (большевиков). Большевистские гласные немедленно возвратились в свои районы.

Между тем закончился розыгрыш спектакля переговоров со стороны «Комитета общественной безопасности» и штаба военного округа: когда вечером того же дня члены Московского ВРК, МК РСДРП(б) и большевистские депутаты Московского Совета собрались на совещание для экстренного обсуждения создавшегося положения, в комнате резко зазвенел телефон.

— Звонит полковник Рябцев от имени «Комитета общественного спасения» и штаба округа. Требую прекратить вооружение Красной гвардии и «расхищение» большевиками оружия из арсенала. Далее, сдать Кремль. Немедленно сдаться всем присутствующим и через двадцать минут распустить Военно-революционный комитет. У меня все. Каков ответ?

К аппарату подошел побледневший В. П. Ногин и стал уговаривать его не начинать военных действий.

— Вы же сами предложили начать мирные переговоры, мы верили вашему слову...

Рябцев холодно прервал его:

— Других решений с нашей стороны не будет. — И повесил трубку.

В. П. Ногин в некоторой растерянности обращается к присутствующим с вопросом:

— Что же делать? А какая у нас военная сила?

Сразу посыпалось несколько предложений. Послышался чей-то голос:

— Виктор Павлович, надо ставить вопрос об ультиматуме Рябцева на голосование...

Заметив растерянность В. П. Ногина, секретарь ВРК А. А. Додонова поспешила пригласить на заседание И. И. Скворцова-Степанова и М. Н. Покровского, которые отлучились в редакцию «Известий» и обсуждали проект очередного номера газеты.

Выслушав взволнованную Додонову, Иван Иванович заметил:

— Анна Андреевна, но мы не члены Военно-революционного комитета.

— Это ничего. Вас там ждут, — настаивала Додонова.

Приглашенные поспешили в комнату, где шло заседание. Переступив ее порог, М. Н. Покровский сразу же заговорил о необходимости решительных действий, ссылаясь при этом на опыт Парижской коммуны 1871 года.

— Как отмечал Карл Маркс, именно нерешительность, колебания, оборонительная тактика Коммуны во многом определили ее поражение, — горячо доказывал Михаил Николаевич.

Вспоминая эти исторические минуты, член Московского военно-революционного комитета А. Я. Аросев писал:

«В комнате было накурено, тепловато, и, несмотря на то, что было в ней десятка два с половиной людей, в этот миг в ней было так тихо, что было слышно, как капля по капле с крыши в трубу капали последние дождинки пронесшейся днем тучи. Можно было четко сосчитать капли: одна, другая, третья...

В этот миг гробовое молчание было жутким.

Дождевая капель отсчитывала секунды.

— Товарищи, — вдруг в какую-то из секунд громко не сказал, а отрезал, не отрезал, а отрубил И. И. Скворцов, — товарищи, толковать тут нечего. Тут, по-моему, надо сказать одно: всякий, кто боится смерти, да покинет сей дом...

После этих слов Ивана Ивановича сразу все почувствовали себя уверенными в дальнейших действиях. А тогда надо было сражаться, чтобы победить или умереть. Другого выхода не было».

Истекли 20 минут ультиматума полковника Рябцева. Вновь задребезжал телефон. Адьютант полковника прокричал в трубку, что против Московского Совета, ВРК и «прочих мятежников» начинаются военные действия. Это было объявление войны силам революции.

Военно-революционным комитетом по указанию МК РСДРП(б) были приняты срочные меры для борьбы с контрреволюцией. Утром 28 октября ВРК призвал рабочих ко всеобщей политической забастовке. В пролетарских районах города полным ходом шло формирование вооруженных отрядов. Они готовились дать решительный отпор белогвардейцам и юнкерам, захватившим обманным путем Кремль и центр города. Были нанесены ощутимые поражения реакции в Замоскворецком, Хамовническом, Лефортовском, Симоновском и других районах.

И вот с середины 29 октября наступает перелом. После

артиллерийского обстрела красногвардейцы берут штурмом здание градоначальства на Тверском бульваре, очищают помещение Малого театра, Главный почтамт, телеграф и Бородинский мост от юнкеров и белогвардейцев. Потерпели провал все попытки ставки и командования Западного фронта продвинуть в Москву подкрепления полковнику Рябцеву.

1 ноября развернулось всеобщее наступление революционных войск, и уже на следующий день «Комитет общественной безопасности» вынужден был капитулировать. 3 ноября отряды ВРК занимают Кремль и последний очаг сопротивления контрреволюции — Александровское военное училище. Социалистическая революция победила. «После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову», — говорилось в манифесте Московского ВРК.

Дни Октябрьского переворота в Москве были самыми ответственными и напряженными днями в жизни Скворцова-Степанова. «Когда в Москве раздались первые выстрелы, — свидетельствовал Н. Л. Мещеряков, — когда в Московский Совет пришли первые известия о выступлении юнкеров, Иван Иванович, не растерявшись ни па минуту, немедленно принял на себя полностью всю инициативу. Его рукой был написан ряд обращений и воззваний со стороны Московского Совета по поводу этого выступления. Эти обращения и воззвания писались в течение всей ночи».

В создавшемся чрезвычайно сложном положении из-за выступления контрреволюции два дня, 29 и 30 октября, «Известия» не выходили. Печатное слово партии в столь тревожное время было крайне необходимым. Понимая это в полной мере, И. И. Скворцов-Степанов и М. Н. Покровский готовили очередной номер под охраной революционных солдат — сначала в Замоскворечье, в небольшой студенческой столовой Коммерческого института (ныне институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), а затем в маленькой комнатке типографии Сытина.

Сытинская типография не работала. Рабочие ее, находившиеся под влиянием меньшевиков, не хотели выпускать газету Военно-революционного комитета. Пришлось собрать общее собрание. Откровенную беседу с рабочими провели М. Н. Покровский и И. И. Скворцов-Степанов. Это подействовало: надежды меньшевиков помешать выпуску «Известий» не сбылись. Одновременно по предложению Ивана Ивановича рабочие издали во внеурочное время «Бюллетень Московского ВРК», «Это — за наш грех перед революцией, Иван Иванович», — смущенно пояснил ему старший наборщик...

В дни социалистической революции в Москве Иван Иванович

Скворцов-Степанов, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, «под огнем боролся против режима буржуазии, руками юнкеров расстреливавшей рабочих, формулируя непререкаемые требования пролетариата, бодря всех к прямому действию и отводя все руки, тянувшиеся к политическому компромиссу».

Хотя формально Скворцов-Степанов не входил в состав Московского ВРК, его роль в деятельности этого боевого органа революции была весьма значительной. В этом можно убедиться по протоколам заседаний Военно-революционного комитета.

2 ноября. Рассматривается вопрос о Воззвании к населению. Поскольку проект, написанный Ольминским, составляет всего несколько строк, решено «разыскать П. И. Степанова»...

Материалы за **4 ноября.** Постановлением Московского ВРК организуется Декретная комиссия в составе И. И. Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского и М. Ф. Владимирского.

Протоколы заседания ВРК **6 ноября.** Один из вопросов — о новых выборах городской думы. Решено «поручить тт. Покровскому и Скворцову выработать проект воззвания о причине роспуска городской думы и назначении выборов на 26 ноября с. г.». По вопросу «О буржуазной печати» ВРК постановил «поручить тт. Покровскому и Скворцову выработать проект декрета о печати».

После краткого обсуждения Иван Иванович и Михаил Николаевич подготовили «Декрет Московского ВРК о печати». Он был утвержден в тот же день, 6 ноября, без каких бы то ни было изменений.

Материалы заседания **13 ноября.** Слушался, в частности, вопрос о недопущении крестьянами порубки леса. Постановили: «Поручить тт. Биценко и Скворцову организовать аграрную комиссию при губернском Совете рабочих депутатов для рассмотрения вопросов, связанных с реквизицией крестьянами дров и проч. Поручить комиссии составить разъяснительное воззвание крестьянам по этому поводу».

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

II Всероссийский съезд Советов 26 октября (8 ноября) избрал Скворцова-Степанова членом ВЦИК и по предложению В. И. Ленина утвердил его народным комиссаром финансов первого Советского правительства. 27 октября вечером о назначении узнал сам Иван Иванович.

А за несколько часов до этого он случайно встретил на улице вблизи Чистых прудов своего старого друга большевика П. Г. Дауге. Поздоровались, обнявшись, друг друга с победой.

— Ну, Иван Иванович, — обратился к нему Дауге, — для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что ты, как переводчик «Капитала» Маркса и «Финансового капитала» Гильфердинга, будешь нашим «министром финансов».

— Ни в коем случае, — тотчас же оборвал его Иван Иванович, — если я считаюсь неплохим теоретиком в финансовых вопросах, то это еще ничего не значит, по моему убеждению, я плохой практик финансового дела.

Дауге попытался возражать, приводил доводы, но Скворцов-Степанов твердо отстаивал свое мнение...

Одна из причин отказа занять пост наркома состояла и в том, что Скворцов-Степанов не хотел отходить от работы в Московской организации большевиков — одном из крупнейших отрядов РСДРП(б). Так, например, свидетельствовал В. Д. Бонч-Бруевич, отметивший, что «только невероятная перегруженность московскими делами заставила его отказаться от этой ответственной должности, которая требовала от него переезда в Петроград». Возможно также, что пост народного комиссара финансов Советской Республики показался Скворцову-Степанову чрезвычайно высоким и он был не готов к принятию решения. Но так или иначе, Иван Иванович, видимо, сумел убедить Центральный Комитет и лично Владимира Ильича Ленина в том, что в качестве ответственного редактора «Известий» и «Социал-демократа» он принесет больше пользы революционному делу.

Разумеется, буржуазная пресса по-своему истолковала тот факт, что Скворцов-Степанов не приступил к обязанностям наркома финансов. В газете «Власть народа» в те дни некий «сведущий автор» уверял читателей, что И. И. Скворцов... «отрицательно относится к Октябрьскому перевороту», а отсюда и причина-де его «отказа быть членом

большевистского правительства».

Сам Скворцов-Степанов, хотя и проявлял большую выдержку, не мог оставаться равнодушным по поводу вздорных толкований вокруг его имени. «В буржуазных газетах, — заметил он в статье «Об отношении к «перевороту», опубликованной 14 (27) ноября в «Известиях», — так много лживых выпадов, что за ними положительно не угоняешься. Нет времени писать опровержения на те выдумки, которые каждый день преподносятся господами из этих газет. Но в некоторых случаях все же невозможно обойти молчанием эти выдумки».

В связи с заметкой борзописца в газете «Власть народа» Иван Иванович пояснил, что причина его отказа от того или иного руководящего поста в том, что для этого требуются особые организаторско-административные способности, которых, по его мнению, у него недостаточно. Поэтому он всегда стремился оставаться партийным литератором, заниматься разработкой идеологических вопросов.

В одном из писем к другу 19 ноября Иван Иванович признавался: «Положение таково, — едва встав утром, пишу статью, потом отбываю работу в «Соц(иал) — Дем(ократе)», потом — в «Известиях», а в конце дня — митинги».

Немало статей в первые месяцы Великого Октября Скворцов-Степанов посвящает вопросам воплощения в жизнь идей ленинского Декрета о мире. В публикациях «Огорченные людоеды», «Борьба за мир» и других статьях он клеймит империалистических хищников, торгующих судьбами народов. Устроители мировой бойни приходят в ярость, наблюдая, как последовательно и твердо новая власть в свободной отныне России делает решительные шаги для скорейшего окончания войны. Все империалистические правительства одинаковы, подчеркивал автор статей, они совсем не помышляют о предоставлении самоопределения задавленным игом масс. Нельзя ожидать, что они добровольно откажутся от захватов и контрибуций. Поэтому ленинский Декрет о мире вызывает ненависть империалистов. Между тем мирная передышка для Республики Советов крайне и жизненно необходима.

Большое внимание Иван Иванович уделял и острым внутривнутриполитическим проблемам. Он внимательно следил за напряженной борьбой вокруг созыва Учредительного собрания. Еще в октябре Скворцов-Степанов был утвержден Московской городской партийной конференцией кандидатом в Учредительное собрание от московских большевиков. Общий список большевистских кандидатов от Москвы в Учредительное собрание возглавлял В. И. Ленин.

Во время избирательной кампании в газете «Социал-демократ» появилась краткая биография Ивана Ивановича — путь революционера, борца за интересы трудового народа. Шесть раз его арестовывали царские жандармы, в тюрьмах он провел около двух лет, в ссылке — почти десять лет. В течение двенадцати лет Скворцов-Степанову запрещалось проживать в столице и крупных городах России.

Московский пролетариат избрал редактора «Известий», одного из руководителей городской организации большевиков, своим депутатом в Учредительное собрание.

Кадеты и их подголоски — эсеры и меньшевики, обладавшие в те дни еще большим партийным аппаратом и прессой, — развернули разнузданную кампанию против большевиков. Они воспользовались тем, что ленинские декреты о мире и земле не дошли пока до трудящихся многих губерний. Поэтому десятки миллионов еще не имели возможности понять и прочувствовать великое значение этих мер.

Как подчеркивал В. И. Ленин, «составляя списки 17 октября на выборах в Учредительное собрание 12-го ноября, крестьянство *не могло* еще знать правды о земле и о мире, *не могло* отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры»^[38]. Кроме того, в избирательных списках эсеры выступали как единая партия, хотя такой уже не существовало, ибо в ней произошел раскол (левое крыло выделилось в самостоятельную партию), а в списках правых кандидатов оказалось гораздо больше. Не обошлось и без прямого подлога со стороны Всероссийской избирательной комиссии. Состав этой комиссии был сформирован еще до победы Октября. Подавляющую ее часть составляли противники Советской власти.

Анализируя итоги выборов, Скворцов-Степанов в своих статьях обратил внимание на то, что враждебные революции силы «не только не прекратили борьбы, но и не оставили мысли о новой попытке сломить рабоче-крестьянскую власть силовым оружием». За несколько месяцев до гражданской войны Иван Иванович писал: «Они еще постараются развернуть гражданскую войну во всероссийском масштабе». Он высказывал опасения, что к открытию Учредительного собрания «подготавливается великая всероссийская провокация. Кадеты вместе со своими служащими намерены настоять на том, чтобы Учредительное собрание единственной властью признало исчезнувшее правительство Керенского, что являлось далеко не пустой формальностью».

Что это означало бы для народных масс России? К чему бы это привело?

Такое решение было бы равносильно тому, что собрание отменило бы революционный закон о передаче всей земли крестьянам, меры Советского правительства в борьбе за мир, опять превратив в пушечное мясо рабочих и крестьян, измученных кровавой войной. Всем этим Учредительное собрание сделало бы вызов народу, который избирал его, не разобравшись в политическом положении.

Поэтому, призывал Скворцов-Степанов, бдительность и еще раз бдительность! Ибо «дьявольские планы зреют у врагов народа», на эту опасность указывает революции Ильич.

Когда Иван Иванович писал о бдительности, о «дьявольских планах», до покушения врагов на жизнь Владимира Ильича оставалось несколько дней. С содроганием он узнает о выстрелах террористов 1 января 1918 года.

«А если бы Платтена не оказалось рядом с Лениным? — вдруг подумал он. — Мог бы быть самый роковой исход...»

Иван Иванович долго не мог успокоиться, мысленно представляя момент покушения: «В какой смертельной опасности находился Ильич!»

Готовясь к открытию сессии Учредительного собрания, Скворцов-Степанов еще раз перечитывал все написанное и опубликованное им в печати за последнее время. Он испытывал удовлетворение, знакомясь с откликами кадетов и соглашателей.

«Ага, заскулили, зашипели, — думал он, потирая свои большие руки. — Однако надо предпринять еще и другие акции, чтобы «демократичность» этих господ была всем ясна. Надо продумать все детали, чтобы хорошенько подготовиться к первому заседанию «Учредилки». Скорее всего придется держать слово...»

И вот Петроград. Первый Новый год после победы Советской власти. Встреча с Ильичем, беседы с боевыми единомышленниками, всестороннее обсуждение предстоящих вопросов на Учредительном собрании и на III Всероссийском съезде Советов. Удалось ближе познакомиться со многими зарубежными революционерами-интернационалистами.

Кульминационным в разоблачении контрреволюционной сущности Учредительного собрания стало выступление Скворцова-Степанова на открытии сессии этого, по выражению кадетов, «общенародного» органа 5 (18) января 1918 года в большом зале Таврического дворца, где когда-то заседала Государственная дума.

Был студеный зимний вечер. На трибуну взошел худой человек с широкой бородой и пышными большими усами. Не успел начать выступление, как на правом крыле зала, где сидели кадеты, кто-то громко и бесцеремонно спросил:

— Кто это?

И другой голос с открытой неприязнью произнес:

— Это Скворцов-Степанов... из этих самых... из большевиков...

А пока проходила переключка этих «единоутробных демократов», Скворцов-Степанов начал говорить:

— Волю революционной демократии, которая организуется в Советах, вы хотите противопоставить воле Учредительного собрания, как всенародной воле. Граждане, это обман. Марксист не знает общественной воли, а знает волю эксплуататорских классов и эксплуатируемых. Народ не действует в целом, народ в целом — фикция, и эта фикция нужна господствующим классам. Господствующие классы должны прикрывать источник всякого закона, должны прикрывать характер всякого государства. То, что проводят господствующие классы, они называют это волей всего народа, голосом народа.

Внезапно оратор умолк. Стало тихо.

— Граждане, в чем различие между Учредительным собранием и Советами? — неожиданно спросил Скворцов-Степанов. И тут же сам ответил: — Различие ясное, определенное: в Советах выражается воля действительного большинства населения, того большинства населения, которое до сих пор подавлено, которое было эксплуатируемо. Выражается в Советах воля того большинства, которое обманывали, на горбе которого катались...

На скамьях, где восседали конституционные демократы и правые эсеры, раздается негодующий шум.

— С которым, — продолжает оратор, не обращая внимания на поднятый гвалт, — доходили до такого издевательства, до такого преступления, что часть этого большинства одевали в старые шинели и заставляли расстреливать своих братьев.

Зал напряженно слушал. Представители кадетской партии точно приросли к своим местам, хмуро поглядывали на Ивана Ивановича, как обвиняемые на суде во время вынесения приговора.

— Граждане, что же вы хотите получить в Учредительном собрании? — вновь задает вопрос Скворцов-Степанов. — Что хотите получить вы, рудневцы, белогвардейцы, юнкера и их союзники? Вы, пользуясь тем, что крестьянство в вас не разобралось, пользуясь тем, что у них не было времени, вы вошли сюда контрабандой, обманом... Вы хотите закрепить свое положение, и вот свой голос контрабандистов, голос кадетов, ваших союзников, вы выдаете за «общенародную волю».

Как приговор контрреволюционным заговорщикам звучали

заключительные слова речи:

— Мы хотим развеять тот туман, тот фетишизм, которым еще в глазах многих окружено Учредительное собрание. Вы этого боитесь, граждане большинство...

Так большевик-ленинец дал предметный урок тем, кто замышлял повернуть вспять часы истории, уповая на «Учредилку».

Сойдя с трибуны, Скворцов-Степанов уверенным шагом прошел к «большевистским рядам» в сопровождении аплодисментов публики «на хорах» и протестующих воплей кадетов и их приспешников.

По предложению большевиков и левых эсеров заседание было прервано для совещаний по фракциям. На совещании большевистской фракции присутствовали В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, Г. И. Петровский, А. В. Луначарский, Я. М. Свердлов. Ф. А. Сергеев (Арте́м) И. П. Скворцов-Степанов. И. В. Сталин, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский и др.

Владимир Ильич Ленин предложил огласить на заседании Учредительного собрания написанную им декларацию фракции и затем покинуть зал заседаний, поскольку «Учредилка» отказалась одобрить декреты и постановления Советской власти. Предложение Ленина было принято, и уже во втором часу ночи декларация была зачитана. «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, — говорилось в ней, — мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»^[39]. После этого большевики ушли.

Когда они покидали здание Таврического дворца, Иван Иванович обратил внимание на надутое от ветра, словно пузырь, холщовое полотнище со словами «Вся власть Учредительному собранию!»:

— Посмотрите, как форма соответствует содержанию! Все дружно засмеялись.

Спустя два часа после ухода большевиков, а затем и левых эсеров к эсеру Чернову (он тотчас же занял место председателя, как только Я. М. Свердлов, руководивший до этого заседанием, покинул зал) подошел матрос А. Г. Железняков, начальник отряда, несшего караул в Таврическом дворце, и заявил:

— Пора кончать, время позднее, караул устал.

Учредительное собрание решением ВЦИК 6 января 1918 года было распущено. В речи, произнесенной на заседании ВЦИК, В. И. Ленин отметил, что столкновение между Советской властью и Учредительным

собранием было закономерным явлением в процессе революции. Это собрание оказалось на свалке истории еще до дня его открытия, просуществовав всего сутки.

— Народ хотел созвать Учредительное собрание, — говорил В. И. Ленин, — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю, которая гласит: вся власть Советам!

Слушая эти ленинские слова, Иван Иванович невольно вдруг вспомнил надутое полотнище на здании Таврического дворца. Полотнище с призывом, от которого веяло гарью и плесенью...

Возвращаясь в родную Москву, Скворцов-Степанов, может быть, впервые почувствовал особую остроту разлуки с близкими. Впереди ждала любимая работа, жена, но главной причиной был скорее всего малыш Марк — ведь ему на днях исполняется полгода (сын родился 28 июля 1917 года). Иван Иванович улыбнулся своим мыслям и почувствовал, как он весь наполняется радостным настроением. За окнами поезда мелькали картины русской зимы.

Он вынул блокнот и стал сверять написанное с тем, что вновь ожило в его памяти. Хорошо ли выступил на заседании Учредительного собрания? Эта мысль не давала покоя. Может быть, излишне волновался? Все ли успел сказать?

Он долго не мог заснуть. Только потом Иван Иванович прочтет в «Правде» оценку В. И. Лениным его выступления: «Прав был тов. Скворцов, который в двух-трех кратких, точно отчеканенных, простых, спокойных и в то же время беспощадно резких фразах сказал правым эсерам: «Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады»^[40].

Пролетарская революция внесла существенные коррективы и в личный и в трудовой ритм Ивана Ивановича Скворцова-Степанова. Работы, конечно, прибавилось, но главное — буквально во всем неизмеримо возросла ответственность. Поэтому все приходилось делать, как никогда, тщательно, следить за точностью газетных строк, по несколько раз сверять факты. А это требовало времени. Его стало не хватать. «Природой нам отпущено мало часов для активных действий. И сон много забирает. Значит, надо минуту беречь, как учимся беречь копейку», — любил повторять Иван Иванович.

Уже в начале 1918 года он убеждается в том, что совмещать, как раньше, руководство сразу двумя периодическими изданиями — газетами

«Известия Московского Совета» и «Социал-демократ» — становится просто не по силам: объем работы непрерывно возрастал, одновременно повышались требования партии к содержанию публикуемых материалов, увеличивался поток корреспонденций с мест.

Все это вынудило Скворцова-Степанова обратиться с просьбой в МК РКП(б) об освобождении его от редактирования «Известий» в целях сосредоточения на деятельности в «Социал-демократе». 18 января просьба была удовлетворена.

После переезда Советского правительства в Москву (март 1918 г.) газета «Социал-демократ» сливается с «Правдой», и Иван Иванович переключается на сотрудничество в центральном органе партии — вначале в качестве члена редколлегии, а некоторое время спустя — заместителя ответственного редактора. Из-под его пера выходит масса статей и заметок на злобу дня, в том числе семьдесят — на страницах «Правды». Немало материалов посвящалось острым международным вопросам. При этом в центре внимания находились события, связанные с укреплением внешнеполитического положения республики, борьба за обеспечение мирной передышки, позволившей вообще спасти дело революции, как отмечал Ленин. В числе первых из публицистов Иван Иванович откликнулся на насильственный захват боярской Румынией Бессарабии. Этот агрессивный акт был осуществлен *в то* время, когда молодая Республика Советов не смогла оказать сопротивления вероломному отторжению.

Полный крах ждет организаторов авантюры контрреволюции на Дону — такова идея ряда опубликованных материалов, посвященных событиям на юге России — антисоветскому выступлению, инспирированному местной реакцией при поддержке мятежников центра страны. С убежденностью отмечал Иван Иванович, что «Донская область не будет российской Вандеей». Дальнейший ход истории полностью это подтвердил.

Цикл статей Скворцова-Степанова затрагивал коренные проблемы становления народного хозяйства республики. Великий Октябрь, подчеркивал Иван Иванович, дал возможность фабрично-заводским комитетам стать полными хозяевами заводов и фабрик. Но фабзавкомы слишком медленно переходят к действительному регулированию промышленности. Перед пролетариатом поставлена трудная задача — научиться управлять экономикой. Частые простои заводов и фабрик из-за нехватки топлива и сырья вызывают безработицу. В этих тяжелых условиях, с тревогой писал он, отдельные фабзавкомы стараются добыть материалы прежде всего для своего предприятия, оставляя без сырья и

топлива другие заводы и фабрики. Отныне, призывалось в статьях, нельзя всю прибыль, которую раньше получали капиталисты, передавать только на материально-бытовые нужды рабочих. Существуют теперь общегосударственные интересы, а часть прибыли надо направлять на усовершенствование оборудования, на расширение и каждого завода, и всех средств производства страны.

Развивая ленинские положения, выдвинутые в классическом произведении «Очередные задачи Советской власти», Иван Иванович обращал внимание на срочную необходимость приступить к решительным мерам для повышения производительности труда, которая в те дни упала до самого низкого уровня. «Не синдицированием, а национализацией надо назвать тот очередной шаг, — писал Иван Иванович, — который требуется для действительного регулирования всех экономических отношений». Эти ключевые проблемы не могут быть решены в конечном счете без глубочайших перемен в деревне, без борьбы трудового крестьянства против тех богатеев, которые до победы Октября существовали очень недурно, а во время революции «сумели хорошо использовать для себя уничтожение помещичьего хозяйства».

Другие статьи первых месяцев революции, написанные Иваном Ивановичем, посвящались вопросам образования, внешней торговли, народного контроля в экономике. Созданная на основе этих статей брошюра Ивана Ивановича «От рабочего контроля к рабочему управлению» (вышедшая тиражом более 30 тысяч экземпляров) быстро разошлась и по требованию читателей спустя несколько месяцев вышла вторым изданием. В ней, по существу, просматривались контуры политической экономии социализма.

Плодотворная разработка узловых социально-экономических проблем вновь сочеталась в творческой деятельности Ивана Ивановича, помимо журналистской работы, с переводами трудов некоторых зарубежных теоретиков по вопросам хозяйства, рабочего движения, истории. На все это уходила масса времени. Собственно, на отдых его не оставалось совсем.

Он часто читал в глазах Инны Николаевны вопрос: «Когда же ты будешь отдыхать?» Обычно Иван Иванович разводил руками:

— Мы переживаем самое ответственное время. Надо сейчас всего себя, без остатка отдавать делу строительства нового мира. А потом придет время и для отдыха. И я счастлив, что ты меня прекрасно понимаешь и думаешь так же, как и я.

Инна Николаевна качала головой, улыбаясь. Как-то она пожаловалась Вацлаву Вацлавовичу Воровскому (они с Иваном Ивановичем готовили в

те дни издание на русском языке книги К. Каутского «Эрфуртская программа»), но сразу поняла, что тот «плохой союзник», поскольку образ его жизни мало чем отличался от «скворцовского»...

Выход упомянутой книги К. Каутского в Советской России летом (в июле) 1918 года под общей редакцией В. В. Воровского и с предисловием И. И. Скворцова-Степанова помог российским коммунистам непосредственно познакомиться с ревизионистскими упражнениями германских социал-демократов и вообще лидеров II Интернационала, для которых Эрфуртская программа, по словам В. И. Ленина, «стала образцом»^[41]. В боевом предисловии к русскому изданию Иван Иванович не только еще раз вскрыл ревизионистскую суть идей К. Каутского и его единомышленников, но и показал, что русские меньшевики и эсеры являются идейными наследниками западных оппортунистов, предавая своими антисоветскими действиями интересы российского пролетариата.

Книга вышла в издательстве «Коммунист» (основано в июне 1918 года), председателем редакционной коллегии которого являлся Скворцов-Степанов. И данное партийное поручение он выполнял с присущим ему чувством высокой ответственности. Издательством было напечатано несколько книг Ивана Ивановича. Все это за очень короткий срок. Друзья (не без участия Инны Николаевны) стали настойчиво уговаривать Скворцова-Степанова немного отключиться от столь напряженного ритма. Иван Иванович отшучивался или, соглашаясь выехать за город, переносил поездку на новый выходной день. Лишь однажды летним воскресным днем Демьян Бедный смог уговорить его поехать на рыбалку.

Издательское дело в республике совершало только первые шаги. Однажды Иван Иванович и В. Д. Бонч-Бруевич после небольшого совещания направили в ЦК РКП(б) и Президиум ВЦИК записку, в которой предложили установить в качестве «строгого и непреклонного правила для всех партийных и советских издательств», что перепечатка изданий допускается лишь по согласованию с тем республиканским издательством, которое первоначально выпустило ту или иную работу. Предлагалось также учредить издательство общегосударственного значения.

Такое издательство было создано через год — летом 1919 года на базе издательства «Коммунист». Им стало Государственное издательство РСФСР. Вначале Скворцов-Степанов был утвержден членом, а затем заместителем председателя редакционной коллегии. Заведующим Госиздата РСФСР стал В. В. Воровский. В редколлегия вошли также М. Н. Покровский и В. И. Невский.

«В маленькой квартирке Воровского в Кремле, — рассказывал В. И.

Невский, — собирались мы, — сам остроумный хозяин наш, М. Н. Покровский, Иван Иванович Скворцов и я. Со стаканом пустого жидкого чая в руках незабвенный В. В. Воровский, остря и рассказывая курьезные случаи из своей деятельности, излагал нам обширные планы всевозможных изданий. Чего здесь только не было, — и издание сочинений русских критиков, и издание философской литературы, и издание утопических романов. Не было только самого главного — хлеба, топлива, бумаги и денег.

В ответ на остроумную речь хозяина слышалось... полное сарказма замечание Покровского и... несколько прозаическое, несколько суховатое, но всегда глубоко практическое предложение Скворцова.

Не хватает бумаги для Маркса, издадим до зарезу нужные листовки против эсеров.

Нет средств издать юбилейный советский сборник (на плохой бумаге), но все же издадим агитационные брошюры для фронта.

Не хватает красок, отдадим последние для наших агитационных плакатов».

Учитывая «бумажный голод» в республике, доказывал Иван Иванович, мы должны смотреть трезво на создавшееся положение и печатать только самое необходимое. У нас в стране три четверти неграмотных среди взрослых, а учебников, тетрадей не хватает, чтобы удовлетворить народную жажду к знаниям. Наши школы не обеспечены письменными принадлежностями даже наполовину.

Летом 1920 года после ухода В. В. Воровского на дипломатическую работу директором (председателем) Госиздата РСФСР был назначен Н. Л. Мещеряков. Иван Иванович остался заместителем председателя редакционной коллегии и, по словам Н. Л. Мещерякова, оказывал ему «громадную неоценимую помощь», а в области редакционной работы на Скворцове-Степанове «лежала львиная доля ее».

Иван Иванович целыми днями просиживал за чтением рукописей, перед тем как вынести на заключение редколлегии. Докладывал об их содержании обстоятельно, неформально. «Как талантливы наши люди!» — часто говорил он за несколько минут до открытия заседания редколлегии, поглядывая на горы рукописей, прочитанных им досконально, с пометками, замечаниями, предложениями. Он умело распределял некоторые будущие статьи, поступившие в Госиздат по журналам, вел переписку с авторами публикаций.

Отдавая дань научным заслугам Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, ВЦИК утвердил его в числе первых 45 действительных членов

созданной в середине 1918 года Социалистической академии, ставшей подлинной кузницей марксистских кадров обществоведов. Среди первых членов академии — имена выдающихся революционеров, ученых, публицистов: Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Ромен Роллан, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, Ю. М. Стеклов, В. Д. Бонч-Бруевич, Клара Цеткин. А. В. Луначарский, Отто Куусинен, В. М. Фриче, Н. И. Стучка, Юлиан Мархлевский, Франц Меринг, Ф. А. Ротштейн, М. А. Рейснер, А. А. Богданов, Сен-Катаяма и другие.

Будучи действительным членом академии и членом ее президиума, Скворцов-Степанов подготовил целую серию работ по актуальным социально-экономическим и политическим проблемам: «Экономическое развитие и диктатура пролетариата», «Кооперация и прекращение торговой блокады» и др., которые стали его своеобразными творческими отчетами на годичных собраниях. (Он остался членом президиума академии, когда в 1924 году она была преобразована в Коммунистическую академию.)

При участии Скворцова-Степанова в те трудные месяцы были разработаны основные пути и предприняты практические первые шаги по налаживанию внешней торговли через систему кооперации, что имело неоценимое значение для становления экономики молодого социалистического государства. К тому же под влиянием сокрушительных поражений, нанесенных Красной Армией интервентам и белогвардейцам в 1918–1919 годах, верховный совет Антанты в январе 1920 года вынужден был снять блокаду и разрешить обмен товарами с Советской Россией.

Партия приняла энергичные меры, используя кратковременную передышку для переключения дополнительных сил на хозяйственное строительство и победоносное завершение гражданской войны. Однако и на этот раз империалисты сорвали мирную передышку: 25 апреля 1920 года польская армия напала на Советскую страну. Была занята столица Украины — Киев. В помощь белой Польше империалисты бросили белогвардейскую армию барона Врангеля, расположенную в Крыму. В начале июня картина военных действий резко изменилась: 1-я Конная армия, переброшенная с юга, прорвала фронт белополяков на Украине. Вслед за Конной армией в наступление перешли все войска Юго-Западного фронта, нанося поражения воинским соединениям Польши.

В эти дни в части сражающейся Красной Армии прибыл Скворцов-Степанов, направленный по решению ЦК РКП(б) в качестве политработника на польский фронт. Здесь он быстро завоевал высокий авторитет среди красноармейцев, разделяя с ними все трудности походной жизни, опасности сражений. Его полные оптимизма, бодрости

выступления, душевные беседы помогали поддерживать среди бойцов — защитников революции — воинский дух и уверенность в разгроме врага.

Видный польский революционер-интернационалист Феликс Кон рассказывал в своих воспоминаниях, что во время маршей красноармейцев Иван Иванович обычно шагал вместе с бойцами, всегда что-то оживленно обсуждал с ними, не забывая при этом вставить интересный случай, шутку. Он вообще очень легко вызывал на откровенность, и воины революции, чувствуя в нем своего же однополчанина, делились с Иваном Ивановичем и впечатлениями о походе, и своими сокровенными думами о доме, оставленных семьях, о будущем.

Будучи человеком сугубо гражданским, он стремился глубоко вникнуть во все перипетии боев. В стойкости Красной Армии не сомневался даже в самые отчаянно трудные дни. А когда его предсказания оправдывались, он, довольный, разглаживая пышные усы, с радостью повторял: «Вот видите. Я вам говорил... Наше дело — непобедимо».

Хорошими новостями он обязательно делился с ранеными, переходя от одной повозки к другой. Гордостью и преклонением светились его глаза, когда из уст тяжелораненых он слышал бодрое: «Ничего. Свое возьмем».

Иван Иванович, писал Феликс Кон, «любил всей душой Красную Армию, восторгался ее подвигами, верил в нее, гордился ею».

Часто Скворцова-Степанова видели на передовых позициях. «Такова святая обязанность большевика», — отвечал он на возражения, что «здесь очень опасно». Бывали и дни отступлений. Но бодрость никогда не покидала политкомиссара. «Необходимо сохранять спокойствие. При отступлении спокойствие уменьшает потери на пятьдесят процентов», — заметил он в одной из своих речей на коротком митинге на привале. Вечерами он еще раз прочитывал то, что успевал набросать в блокнот днем. На основе этих заметок созрел план написать книгу.

Название он ей придумал еще в дни боев: «С Красной Армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения».

«Давно известно, — писал Иван Иванович, — что всякая эпоха крупных общественных сдвигов и великих общественных переворотов выдвигает свою военную организацию, свой новый командный состав, свою новую тактику. Нет никакого сомнения, что в России создается не только современный командный состав, но и новая военная школа, которая за три года успела накопить большой боевой опыт и теперь начинает его теоретически осмысливать...

Эта школа отчасти чутьем схватила, отчасти сознала и поняла ту тайну нашей эпохи, которой никогда не постигнут старые генералы и

генералиссимусы, слишком глубоко вросшие в отношения умирающего капиталистического общества».

С гордостью и неизменной теплотой рассказывал Иван Иванович в своих записках о мужественном поведении красноармейцев во время преследования отступающего противника: «Нелегко дается это стремительное наступление, одно из редкостных во всемирной истории войн. Конница утомилась, всадники засыпают, сидя в седле. Часто ведут лошадей на поводу и салятся в седло только перед атакой. Но при всем том... рвутся все вперед и вперед. Такое же удивительное настроение и в пехоте.

Обносились свыше всякой меры, многие совершают переходы босиком, чтобы сохранить обувь, у других уже нечего сохранять. Нет другой армии в мире, которая могла бы совершить поход в подобных условиях. Она идет сама, она сама не хочет останавливаться. Нет другой такой армии в мире, потому что это Красная Армия, армия сознательных свободных людей, защищающих собственную Республику Труда...»

Подчеркивая гуманизм бойцов революционной армии, Скворцов-Степанов красочно описывал такую сцену:

«У края дороги остановилась на отдых группа пленных легионеров в своих щеголеватых френчах и свеженьких четырехугольных фуражках, в крепкой обуви с новенькими обмотками». (Пленные одеты буквально с иголки в переданное Францией для польской армии обмундирование.) Сотни этих пленных охраняет горстка красноармейцев. На ногах у них — разлезшиеся обутки, часто — никакой обуви. Трепаная гимнастерка, «положительно неприличные брюки» и выцветшая замызганная фуражка. И этим ободраным конвоирам не приходила даже в голову мысль воспользоваться одеждой пленных.

Они дружелюбно с ними разговаривали и ели испеченную на кострах картошку. «Красноармейцы прекрасно понимали, — отмечалось в книге, — что польские рабочие и солдаты не ответственны за преступления правящих кругов своей страны — организаторов нападения на Советскую Россию».

Вместе с русскими большевиками сражались против этого нового похода Антанты и польские революционеры-интернационалисты, члены созданного в 1920 году Польского временного ревкома — Юлиан Мархлевский (председатель комитета), Феликс Кон, Феликс Дзержинский. Феликса Эдмундовича Дзержинского Скворцов-Степанов знал хорошо и очень любил. Особенно они сблизились после Февральской революции, в период подготовки Великого Октября. «Дзержинский не может не поражать

всякого, кто хотя бы один раз поближе встретился с ним, — говорил в дни своей работы политкомиссаром на польском фронте Скворцов-Степанов. — В самом деле, кто бы мог подумать, что много раз отведавший и тюрьмы, и этапы, и ссылку, и каторгу, что этот «мрачный Торквемада» большевизма — удивительно деликатный, мягкий, на редкость привлекательный человек с ясной душой, с нежным сердцем?»

Коммунисты Польши с наибольшей полнотою отражали интересы рабочего класса страны, батрацких и малоземельных масс, отмечал в своей книге Скворцов-Степанов. Их настроение было вполне определено: они решительно выражали свое классовое тяготение к приближающейся к Варшаве Красной Армии. Польская военщина жестоко мстила, отступая, трудящимся Западной Украины и Западной Белоруссии за свое военное поражение: по приказам командования белопольских войск сжигались и разрушались целые города и села.

Высоко оценивал книгу Скворцова-Степанова «С Красной Армией на панскую Польшу» видный советский военачальник Сергей Сергеевич Каменев, считавший, что она представляет значительный интерес для командиров и политработников РККА. По мнению Каменева, Иван Иванович правдиво и талантливо обрисовывает настроение населения, и «уж тут проглядывает, что волна Красной Армии, прокатившаяся через этот район, не чужда населению».

Автор книги предстает перед читателем не только великолепным агитатором и пропагандистом, но и тонким наблюдателем, умеющим правильно анализировать развитие исторического процесса. В этом ее особая ценность как исторического документального источника.

Крах авантюры белой Польши, разгром Врангеля означали полное поражение объединенного похода внешней и внутренней контрреволюции. Республика Советов приступила к мирному возрождению, строительству новой жизни. На VII Всероссийском съезде Советов вождь революции В. И. Ленин выдвинул на первый план хозяйственный фронт «как самый главный и как основной». В обращении «Ко всем трудящимся России» съезд поздравил народы страны с разгромом вражеских сил и выразил благодарность всем, «кто своим потом и кровью, тяжелым трудом и терпением, мужеством и самопожертвованием для общего дела способствовал победе».

Для разъяснения среди широких масс политики партии и Советской власти в условиях мирного времени в январе — феврале 1921 года по заданию агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) в юго-восточные губернии республики с группой лекторов был направлен И. И.

Скворцов-Степанов. Десятки лекций и докладов, бесед и выступлений на летучих митингах — таков был итог этой поездки. Иван Иванович вернулся только к началу работы X съезда РКП(б) — Московская партийная организация избрала его делегатом с решающим голосом. По всем вопросам, обсуждавшимся на съезде, Скворцов-Степанов занял твердую ленинскую позицию — будь то вопрос о политической деятельности ЦК или о замене продразверстки натуральным налогом, о единстве партии.

Иван Иванович открыл прения по докладу В. И. Ленина «Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б)». Он подробно остановился на значении перехода страны на рельсы мирного, созидательного переустройства. Среди проблем, которые требуют первоочередного решения, Скворцов-Степанов выделил вопросы, связанные с удовлетворением нужд демобилизованных красноармейцев. Не потеряла остроты и борьба с вооруженными выступлениями врагов Советской власти. Речь шла о принятии решительных мер по пресечению растущего в некоторых губерниях бандитизма, кулацкого террора.

В принятии X съездом новой экономической политики сказалась мудрость Коммунистической партии, гениальная прозорливость В. И. Ленина. Решения съезда о единстве партии, о недопустимости фракции стали незыблемым принципом в жизни и строительстве партии. Были указаны пути перехода от капитализма к социализму, новые по сравнению с периодом военного коммунизма методы строительства социалистического общества.

X съезд партии избрал Скворцова-Степанова членом Центральной ревизионной комиссии РКП(б), в состав ЦРК он избирался также XI, XII и XIII съездами РКП(б).

«К массам!» — вот главный лозунг X съезда» — этими словами заканчивалось обращение к партии первого Пленума ЦК. Необходимо было довести как можно быстрее суть новой политики и других партийных установок до широчайших масс. С таким заданием, как и другие члены ЦК и ЦРК, Иван Иванович направился 22 марта в различные города и волости республики, чтобы донести до рабочих и крестьян решения X съезда. За 35 дней командировки он провел 18 крупных митингов, собраний и сходов, где выступал с докладами по острейшим проблемам дня.

Переход на рельсы мирного строительства потребовал улучшения работы во всех звеньях и хозяйственного и партийного аппарата. По поручению Центральной ревизионной комиссии Скворцов-Степанов обследовал основные направления деятельности Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) и центральные органы партийной

печати. Выступая с докладом на XI съезде РКП(б), председатель Центральной ревизионной комиссии В. П. Ногин высоко отозвался о проделанной Иваном Ивановичем работе в связи с указанным поручением, особо отметив полезные рекомендации Скворцова-Степанова для улучшения действенности партийной прессы.

Напряженная пропагандистская и публицистическая работа оставляла мало времени Ивану Ивановичу для научных исследований, и все же весной 1921 года он закончил одну из лучших своих исторических книг — «Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции». В предисловии к этой работе Иван Иванович заметил, что «здесь совершенно неизбежны были сравнения с российской пролетарской революцией. Русская революция сделала для нас понятным в Парижской коммуне многое из того, к чему раньше не был изощрен наш глаз».

Одна из главных заслуг автора новой книги, отмечалось во время обсуждения ее в Социалистической академии, в том, что он не просто воскресил память о славных коммунарах, но и убийственно разоблачил лживые, отвратительные писания о них буржуазных историков и всех противников марксизма.

— Враги не просто уничтожали и расстреливали коммунаров, — подчеркнул в выступлении Скворцов-Степанов, отвечая на вопросы коллег, — они хотели забросать грязью самую память о них. Враги Коммуны — литераторы, депутаты, ораторы, ученые, журналисты из буржуазного лагеря — полсотни лет лгали и клеветали на поверженных коммунаров в речах, лекциях, газетах, брошюрах и книгах. А на могилах борцов за свободу устроили дикий танец...

Буржуазия боялась самой памяти о восстании парижан, она страшилась теней замученных и расстрелянных: она чувствовала, что мститель придет...

— И этот мститель волей истории пришел! — воскликнул под ликования зала Скворцов-Степанов. — Он пришел в лице русского пролетариата, руководимого большевиками во главе с Ильичем! Мы увидели всходы Парижской коммуны. Мы первые сможем понять, что сеялось и было посеяно ею.

Книга и по сей день входит в золотой фонд советской и передовой мировой историографии по проблемам международного рабочего революционного движения. Однако в начале 20-х годов это был один из первых марксистских трудов, в котором правдиво освещалась история Парижской коммуны в сравнении с опытом Великого Октября, работа наносила серьезный удар по ревизионистским и догматическим взглядам,

«теоретическим» упражнениям тех псевдореволюционеров, которые шумели о близкой победе мировой революции, требуя «выбросить на помойку» старую цивилизацию и старый опыт освободительных движений.

«Большевики — истинные продолжатели дела Маркса» — этот тезис пронизывал и другие публикации Скворцова-Степанова, посвященные ряду теоретических вопросов. Таковы статья «Мимо и дальше от Маркса» — разбор и критика книги германского социал-демократа Г. Кунова, ставшего оппортунистом, «Марксова теория истории общества и государства. Основные черты социологии Маркса», ряд рецензий Ивана Ивановича на русские переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, предисловие к четырехтомному труду Франца Меринга «История германской социал-демократии».

Самым же главным в своей научной деятельности Скворцов-Степанов и в послеоктябрьский период продолжал считать подготовку к печати на русском языке произведений основоположников научного коммунизма. Под его редакцией вышло первое советское собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1921 году по инициативе Ивана Ивановича было переиздано собрание исторических работ великих учителей всемирного пролетариата (впервые собрание вышло в свет на русском языке в 1906 году). Через год в переводе Скворцова-Степанова публикуются труды Карла Маркса «Наемный труд и капитал», Фридриха Энгельса — «Революция и контрреволюция в Германии». Кстати, именно благодаря Ивану Ивановичу было установлено, что автором последнего был Ф. Энгельс, а не К. Маркс, как ошибочно считали в течение 60 лет.

Даже этот перечень дает все основания заключить, что уже в первые послеоктябрьские годы еще шире раскрылся многогранный талант Ивана Ивановича Скворцова-Степанова: он выступает как блестящий журналист и публицист, пропагандист и агитатор партии, теоретик большевизма, историк международного рабочего движения, везде и всюду оставаясь пламенным проводником ленинских идей, верным сподвижником Владимира Ильича Ленина.

СОРАТНИК ИЛЬИЧА

В исторические дни от февраля к Октябрю Иван Иванович шел всегда рядом с Лениным. Их дружеские и творческие связи постоянно укреплялись. В 1918–1923 годах они часто обсуждали самые различные насущные вопросы.

В. И. Ленин всегда отдавал должное глубоким знаниям Скворцова-Степанова, его эрудиции. Старый большевик И. В. Цивцивадзе вспомнил один характерный эпизод. Моссовет назначил комиссию по слиянию рабочей кооперации с общегражданской. «В этой комиссии участвовало много меньшевиков и эсеров, от нас же участвовали И. И. Скворцов-Степанов и я. В каком-то очень спорном вопросе я не присоединился к Ивану Ивановичу, каюсь, усомнившись в правильности его точки зрения. Беру трубку и звоню Ильичу: «Владимир Ильич, не можете ли Вы посоветовать, как надо держаться в этой комиссии?»

На этот вопрос В. И. Ленин ответил: «Товарищ Илья, знаете, что я Вам посоветую: обратитесь к товарищу Скворцову, он человек очень образованный и умный и в этом вопросе более компетентен, чем я, положитесь на него».

С переездом в марте 1918 года Советского правительства в Москву Иван Иванович становится одним из постоянных собеседников и гостей Владимира Ильича. Семья Скворцова-Степанова проживала тогда за Москвой-рекой в небольшой скромной квартирке. Сюда приезжал Владимир Ильич, чтобы побеседовать, а иногда и поспорить с Иваном Ивановичем. Или просто навестить его, в то время частенько прихварывавшего. Для Скворцовых эти приезды Ильича были непередаваемо радостными событиями. 9 мая 1918 года Владимир Ильич посетил больного Скворцова-Степанова, который незадолго до этого переехал в дом № 51 (квартира № 7) по Большой Калужской улице^[42]. В дни болезни Скворцова-Степанова В. И. Ленин подарил ему свою книгу «Государство и революция» с дарственной надписью:

«Дорогому товарищу Ивану Ивановичу Скворцову от автора».

В один из весенних вечеров 1918 года на квартиру к Скворцову-Степанову зашел В. Д. Бонч-Бруевич.

— Иван Иванович, я к вам с одной просьбой, как к москвичу-старожилу, — сказал он, взяв Ивана Ивановича под локоть. — Теперь Советское правительство переехало из Петрограда в Москву... и москвичи

должны взять на себя заботу об организации для Владимира Ильича хорошего отдыха: он работает буквально на износ. И конечно, совершенно не имеет свободной минуты, чтобы отключиться от напряженного труда. Посоветуйте, Иван Иванович: где можно Ильичу подыскать удачное тихое место для отдыха? Разумеется, на конспиративных началах, — добавил он после небольшой паузы.

— Не будем мудрить, — сразу ответил Иван Иванович. — Предлагаю Мальцево-Бродово. Здесь я родился. Место очень живописное, на берегу реки Клязьмы. Безлюдье и сравнительно недалеко от Москвы: каких-нибудь тридцать километров. А поселить семью Ильича можно в доме, где было имение друга моей юности доктора Соловьева.

— А что, если нам туда заглянуть на днях? — оживился Бонч-Бруевич.

— Идея принимается, — ответил Иван Иванович. — Я там целый век не был, хотя в родные края очень тянет.

Через пару дней Бонч-Бруевич заехал за Скворцовым-Степановым, и они вместе отправились в Мальцево-Бродово. Иван Иванович был явно взволнован. Вот знакомый с детства вековой парк. Молодая, ярко-зеленая, еще не тронутая пылью листва деревьев. Парк постарел, а еще больше казался старым потому, что за ним перестали ухаживать. Кругом нагромождения валежника, бурелома. На полянах и через дорожки причудливо склонились полусломанные деревья, лежали с вывернутыми корнями столетние гиганты. Иван Иванович загрустил. Заметив это, Бонч-Бруевич стал усиленно расхваливать местную природу и доказывать, что Ильичу больше по душе именно такая «сказочная дремучесть», чем ухоженные, прилизанные, европейского типа парки...

И Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, как оказалось, «попал в самую точку»: в свой первый приезд в Мальцево-Бродово 19 мая 1918 года Владимир Ильич Ленин провел здесь около двух часов и остался доволен этим уединенным уголком тогдашнего Подмосковья. Ленин осмотрел дачу, побродил вдоль берега Клязьмы, поинтересовался, есть ли рыба, какая и каким способом местные рыболовы предпочитают ее ловить.

Чтобы отдых Ильича был организован с «учетом всех местных возможностей», Иван Иванович на время отдыха Ленина тоже переехал в Мальцево-Бродово (он разместился с семьей в доме, где родился). Надежда Константиновна и Мария Ильинична занимали две комнаты в соседнем доме. Здесь же поселился В. Д. Бонч-Бруевич с семьей.

Владимир Ильич обычно вырывался на отдых по воскресеньям. Нередко заезжал Демьян Бедный. Все три семьи бродили по окрестным лесам. Иван Иванович знал все тропинки, лужайки, озера и заросли, луга

Клязьмы. «И надо было видеть его, — вспоминал Бонч-Бруевич, — этого закаленного бойца-революционера, как умел он радоваться, веселиться, смеяться и наслаждаться природой, которую он так хорошо знал: он был очень хорошим естественником. Он светился радостью и благодатно разливал ее на всех окружающих, умея все невзгоды — а их тогда было великое множество, — не только побеждать, но и обращать в шутку».

Эти «несравненные редкие качества в его возрасте» высоко ценил Владимир Ильич Ленин.

— Вот что значит сила величайшей убежденности, — говаривал Владимир Ильич, — сам кашляет, температурит, задыхается, худой, желтый, а всегда весел, жизнерадостен... Это очень хорошо... Смотрите, как он на всех прекрасно влияет...

Часто вечерами Скворцов-Степанов (в дни отдыха Ленина в Мальцеве-Бродове) приходил в гости к Владимиру Ильичу — побеседовать за чашкой чая. Здесь они провели многие воскресные дни в мае — августе 1918 года.

9 июня, прибыв в Мальцево-Бродово с И. К. Крупской и М. И. Ульяновой, Владимир Ильич изъявил желание встретиться с рабочими мальцевских заводов. К вечеру пришли представители этих заводов, и разговор прежде всего касался продовольственного положения, резко ухудшившегося в последнее время. Ленин направил группу в Наркомпрод с запиской, в которой просил помочь мальцевским рабочим в организации продовольственных отрядов. В этой дружеской встрече участвовали также Скворцов-Степанов и Бонч-Бруевич.

О нескольких интересных эпизодах встреч в Мальцеве-Бродове с Владимиром Ильичем рассказала в своих воспоминаниях жена Ивана Ивановича Инна Николаевна Тиц-Скворцова.

Однажды во время прогулки Инна Николаевна сорвала цветок и начала объяснять своей младшей сестре его строение и процесс опыления. Владимир Ильич шел впереди и с кем-то разговаривал. Вдруг он обернулся и попросил повторить объяснение еще раз. Инна Николаевна смутилась, но Владимир Ильич добавил: «Я ведь по образованию юрист, мало занимался естествознанием. Объясните, пожалуйста, еще раз». Она повторила, и, выражая ей признательность, Ленин сказал: «Вот ведь как интересно, сколько нового я узнал».

Как-то после обеда Владимир Ильич зашел к Скворцовым и попросил что-нибудь почитать. «У меня, — вспоминала Инна Николаевна, — на столе лежала книга о грибах. Я говорю: «У меня ничего нет, вот только о грибах, но ведь это Вам неинтересно».

К моему удивлению, Владимир Ильич взял книгу и вернул ее утром. За

ночь он ее прочел. Я была поражена. Откуда у него хватало сил и времени думать в те времена о грибах?»

Однажды, когда отдыхающие собирали грибы, Иван Иванович обратил внимание Инны Николаевны на то, как это делал Владимир Ильич: он идет по поляне не прямо, как все, а зигзагообразно, считая, что так больше шансов их найти. «У него, Инна, — заключил свое наблюдение Иван Иванович, — во всем система. Даже в этом деле он продумал и такую мелочь. И так — во всем. Это очень для него характерно».

А времена наступили тревожные: летом 1918 года начался объединенный поход внутренней контрреволюции и интервентов против Республики Советов, вспыхнула гражданская война. Одновременно оживились террористические правэсеровские организации, в уездах рыскали бандитские шайки. Неудивительно, что В. И. Ленина во время пребывания в Мальцеве-Бродове охраняли четыре бойца из отряда латышских стрелков и, конечно, одного в лес не пускали. В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал: «Это его тяготило. И вот однажды Владимир Ильич исчез. Хватились — нет его. Все перепугались, бросились искать. А Владимир Ильич радовался как ребенок, что ему удалось погулять в одиночестве, и все хвастался тем, что ему удалось перехитрить охрану, усыпить ее бдительность, сбежать от нее». Он вообще любил погулять в лесу в одиночестве, но это редко удавалось ему.

Необходимость организации надлежащей безопасности Ильича понимали все отдохавшие в Мальцеве-Бродове. Очень беспокоили эти вопросы и Ивана Ивановича. «Я очень хорошо помню, — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — как после одной дождливой темной ночи, когда для всяких проделок самое удобное время, мы нашли с Демьяном Бедным крайне подозрительное логовище из снопов, где, видимо, только что лежали трое неизвестных людей. Это было на расстоянии менее четверти версты от дома, где жил Владимир Ильич. И после, на процессе правых эсеров, выяснилось из их собственных признаний, что это они здесь выслеживали тех, кто здесь жил...»

Дни совместного отдыха с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной стали для семьи Скворцовых незабываемым временем. Владимир Ильич тоже остался доволен своим пребыванием в Мальцеве-Бродове^[43]. (Это место он запомнил, и впоследствии по его предложению здесь создали опытный совхоз «Лесные поляны», директором которого до 1929 года был В. Д. Бонч-Бруевич.) Во время прогулок Ленин обсуждал со Скворцовым-Степановым темы особо назревших статей, вопросы хозяйственно-политического и культурно-просветительного характеров.

Очень волновали Ильича проблемы, связанные с налаживанием внешней торговли, монополии государства в этом деле.

По просьбе В. И. Ленина в 1920 году Скворцов-Степанов опубликовал в «Правде» серию статей об иностранных концессиях. Требовалось дать четкое разъяснение позиции партии и правительства по этому вопросу. «Западному капиталу, — писал Скворцов-Степанов, — очень быгодились русские концессии, и при известных условиях он охотно пойдет на них». В свою очередь, Советское правительство, идя на концессии, ставило своей целью «быстрейшее воссоздание и развитие наших собственных производств: промышленности, земледелия и транспорта».

Познакомившись со статьями Ивана Ивановича, В. И. Ленин в целом их одобрил, но сделал и ряд критических замечаний. «В статьях тов. Степанова, — отмечал он, — которые он рассчитал педагогически (сначала все доводы против концессий приведу, а потом скажу, что надо их принимать, но некоторые читатели, пока дойдут до хорошей части, как бы не бросили читать, убедившись, что концессии не нужны), есть верные мысли, но когда он говорит, что не нужно концессий давать Англии, потому что приедет Локкарт, я не согласен. Мы сладили с ним тогда, когда ЧК была учреждением возникающим, не имеющим солидности, которую она имеет теперь. И, если после трех лет войны мы не сумеем поймать шпииков, тогда надо сказать, что таким людям нечего браться управлять государством»^[44].

Эти замечания Иван Иванович сумел вскоре учесть: он издал на эту тему специальную брошюру, в которой подчеркивал, что, «если бы даже английские или французские капиталисты захотели взять концессии, мы отнеслись бы к их домогательствам с удвоенной осторожностью. Но в конце концов придется признать, что, затрачивая деньги, капиталист хочет получить на них барыши. Поскольку за ним не скрывается его правительство, он пойдет к нам для коммерции.

30 ноября 1920 года в газете «Правда» в неполном виде была напечатана речь В. И. Ленина на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б). В газетном отчете оказались те положения речи, которые Владимир Ильич не хотел в то время предавать гласности по политическим соображениям (например, что в случае войны все оборудование концессий останется у Советского государства; не хотел он, чтобы упоминалось об органах ВЧК). Некоторое время спустя В. И. Ленин отмечал: «На партийном собрании я не могу же оставаться Председателем Совнаркома и говорить так, как говорю с иностранными капиталистами. На партийных собраниях говорится то, что иностранным капиталистам

слушать не следует. «Правда» печатается не только для членов партии, но и для заграницы. Я очень благодарен товарищу Степанову, который уже поместил опровержение по поводу моей речи»^[45].

В этом опровержении Иван Иванович писал, что органы ВЧК будут следить за тем, чтобы концессионеры не занимались антисоветской деятельностью. «И тов. Ленин в своей речи, переданной в «Правде» (№ 269, 30 ноября), слишком сжато и со многими искажениями, явным образом имел в виду такой случай, когда он напоминал о существовании ВЧК, МЧК, губчека. Точно так же указание, что *в случае* войны все имущество остается нам по праву войны, намечает то совершенно правильное положение, что, памятуя об этом, получить от нас концессии захотят только группы, которые пришли к убеждению, что интересы их собственных стран требуют не воевать, а торговать с нами».

Выступая с ленинских позиций, Иван Иванович считал, что концессии есть и особого рода — которые следует предоставлять по политическим соображениям. Так, если предоставить США концессию на Камчатке на особо привилегированных условиях и американские капиталисты приняли бы предложение РСФСР, писал он, то это привело бы к резкому обострению американо-японских империалистических противоречий, что содействовало бы укреплению Советской власти на Дальнем Востоке. В. И. Ленин соглашался с этой точкой зрения, указывая на правомерность мнения Скворцова-Степанова, ибо Камчатка — «это особая концессия, мы ее даем по большим политическим соображениям»^[46].

Бывая в командировках по заданию Центрального Комитета РКП(б) и В. И. Ленина, Скворцов-Степанов не только выступал с лекциями и докладами, а стремился использовать поездки для исправления ошибок на местах, срочно информировал ЦК РКП(б) и правительство о положении дел, сложившихся в губерниях РСФСР. Так, вернувшись после X съезда партии из поездки по различным городам республики, Иван Иванович сразу же направился к Владимиру Ильичу Ленину и рассказал ему о разрухе на транспорте, о росте спекуляции, мешочничества.

В. И. Ленин отреагировал на это сообщение немедленно: в тот же день, 29 апреля 1921 года, он пишет записку Ф. Э. Дзержинскому: «Приехал (с объезда мест) Ив. Ив. Скворцов-Степанов. Рассказывает: великая угроза транспорту, и железнодорожному, и водному.

Во-первых, мешочники засилье берут.

Во-вторых, совбуры на железных дорогах, посылают всюду десятки вагонов «комиссий». Предлог: служебное поручение. На деле:

мешочничают. Совбуrows кормят.

Железнодорожные служащие сплошь-де мешочники. Спекулянты. Надо принять меры *сугубые*»^[47].

Уже на следующий день Феликс Эдмундович переговорил с Иваном Ивановичем и сообщил Владимиру Ильичу о предпринятых шагах по искоренению мешочничества и беззакония на транспорте.

К словам Скворцова-Степанова В. И. Ленин относился с повышенным вниманием, советуя коллегам с особой тщательностью прислушиваться к мнению столь высокообразованного большевика — литератора и экономиста. Когда Владимир Ильич получил записку от Ивана Ивановича, в которой тот сообщал о том, что переиздание в четвертый или пятый раз книги бывшего правого эсера С. Маслова совершенно неоправданно и даже вредно, В. И. Ленин тотчас же (12 августа 1921 года) написал И. Теодоровичу: «...Насчет книги Семена Маслова мне пишет из Госиздата Скворцов, что ее *Осинский одобрил*. Если так, это ошибка»^[48].

Владимир Ильич тщательно следил за публикациями Скворцова-Степанова, находя их, как правило, оригинальными, содержащими интересные мысли (правда, случалось, не всегда четкие формулировки). Так, прочитав опубликованную в «Правде» статью Ивана Ивановича «Что такое спец и как его делают»^[49], Владимир Ильич через несколько дней написал автору весьма подробное письмо с ее разбором, который включал и дружескую критику некоторых положений статьи.

В условиях перехода к мирному социалистическому строительству огромное значение придавал В. И. Ленин электрификации народного хозяйства. Как отмечал Скворцов-Степанов, «Владимир Ильич и в самое тяжелое, мучительное время не забывал, что это только первый приступ к делу экономического строительства, что это — только элементарнейшее начало. Лозунгом «электрификация» он ярко отметил тот путь, по которому пролетариат должен продвигаться в своем социалистическом строительстве.

Электрификация означала для Ленина полный переворот во всей наличной технике: решительный, революционный сдвиг от средневековой рутины к научной постановке всех производственных процессов».

На сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, говоря о своевременности выхода в свет брошюры Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России», В. И. Ленин заметил, что «автор брошюры совершенно прав, когда эпитафией для нее избрал изречение: «Век пара — век буржуазии; век электричества — век социализма». Мы должны иметь

новую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество»^[50]. Недаром Владимир Ильич считал план ГОЭЛРО «второй программой партии»^[51].

В осуществлении этого плана немалая роль вождем революции отводилась широко поставленной пропаганде электрификации среди трудящихся масс. В марте 1920 года он обращал внимание на исключительную важность «доказать или хотя бы иллюстрировать

- а) громадную выгодность,
- б) *необходимость* электрификации»^[52].

Чтобы реализовать эту историческую программу, В. И. Ленин предлагал предпринять срочные организационные меры для вовлечения в работу миллионов рабочих и крестьян. «Все обладающие достаточной подготовкой, научной или практической, должны быть поголовно мобилизованы для пропаганды плана электрификации и преподавания необходимых знаний для его понимания»^[53]. В написанном им проекте резолюции XIII Всероссийского съезда Советов читаем: «Принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана... Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики»^[54].

По мысли Владимира Ильича, требовалось создать серию популярных брошюр и очерков для распространения среди населения. С такой просьбой он обратился, в частности, к членам комиссии ГОЭЛРО через Г. М. Кржижановского. Через сравнительно короткое время начался выпуск соответствующей популярной литературы в Петрограде, Москве, Воронеже, Саратове, Рязани, Владимире, Ростове-на-Дону, Казани, а для увольняемых в запас красноармейцев был издан плакат «Об электрификации России». Однако наряду с брошюрами и другими пособиями крайне нужна была доступная широким массам книга, написанная талантливо и страстно.

Ленинский выбор пал на Ивана Ивановича Скворцова-Степанова. Правда, тот сравнительно долго отказывался, считая себя малокомпетентным в этой «новой области хозяйства». Ильич проявил настойчивость, и Иван Иванович сдался. Поручение В. И. Ленина было оформлено в виде специального постановления ЦК РКП(б), обязывающего Скворцова-Степанова написать книгу к XI съезду партии.

Владимир Ильич самым внимательным образом следил за работой над книгой, знакомился с ее планом, помогал Ивану Ивановичу советами. 17 июля 1921 года из Горок В. И. Ленин телеграфировал ему: «Прошу Вас сообщить мне, как движается иногда закончится обещанная Вами работа, о

которой мы последний раз говорили»^[55].

На эту телефонограмму Иван Иванович через четыре дня ответил письмом, в котором жаловался на чрезмерную свою загруженность служебными обязанностями. Он писал: «Дорогой Владимир Ильич, я уже говорил Вам, что в настоящем моем положении нечего и думать о серьезных литературных работах, — между прочим, и об электрификации. Я — один в Госиздате...

Я уже говорил Вам, что очень хотел получить отпуск для литературных работ на два-три месяца: без этого я мертв. И Вы согласились с моими соображениями.

Ах, как хорошо было бы, если бы с первых чисел августа составили коллегию Госиздата и дали мне отпуск. Тогда первой работой будет электрификация».

В разгар сбора материалов Скворцовым-Степановым Владимир Ильич позаботился, чтобы необходимые книги и брошюры по вопросам электрификации были ему доставлены. В записке 20 сентября 1921 года на имя Управляющего Делами Совнаркома Н. П. Горбунова В. И. Ленин потребовал, чтобы собрали следующую литературу:

«1) все по-русски по электрификации *сверх* книги «План электрификации».

Доклады Кржижановского и Рамзина в Питере. — Брошюра Кушнера^[56]. — Другие брошюры об электрификации — издание *Владимирского* губисполкома об электрификации и *другие местные издания*.

2) По-немецки новую литературу (1915–1921) о состоянии электрификации в разных странах и задачах ее и т. д. (через Кржижановского и т. д.).

Достаньте мне в 1–2 недели все сие сроком на 2 месяца для Ив. Ив. Скворцова (Степанова)»^[57].

Н. П. Горбунов исполнил поручение В. И. Ленина. 7 октября в записке он сообщал: «Владимир Ильич! Собирать литературу взялся Глеб Максимилианович, который Вам ее и доставит. Я прослежу».

В книге поручений В. И. Ленина по Совнаркому и Совету Труда и Оборона 20 сентября 1921 года можно прочесть следующую запись: «Собрать для И. И. Скворцова-Степанова литературу об электрификации. Исполнено 21 октября».

Иван Иванович получил необходимые ему книги, но работа продвигалась по-прежнему медленно. 18 октября 1921 года Скворцов-

Степанов пишет новое письмо В. И. Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич,

Оргбюро, разрешив мне командировку, через 2–3 дня отменило ее, предписав заниматься с Красной Профессурой. И только 17.X дело уладилось, и я объявлен свободным.

Но за это время МК возложил сложное поручение, которое выполняю только дня через три (выработка программы лекций по религии). Кроме того, необходимо перед отъездом закончить некоторые дела в Госиздате. Словом, выезжаю между 25–28 октября...

Обязуюсь полностью по миновании надобности, т. е. не позже чем к 1 января 1922 г., возвратить всю литературу, какая будет выдана мне в качестве материалов к работе по электрификации.

Обязуюсь представить в законченном виде работу по электрификации не позже 1 января 1922 г., в чем и подписуюсь.

Ваш И. Скворцов.

Р, S. Пожалуйста, примите меня как-нибудь до моего отъезда».

На письме Ивана Ивановича — пометка Л. А. Фотиевой: «И. И. Скворцов взялся самостоятельно получить книги. 19.X. Л. Ф.».

И в тот же день (вероятно, по указанию В. И. Ленина) Л. А. Фотиева сделала следующую запись, относящуюся к Ивану Ивановичу: «Письменно подтвердить срок отъезда, обязательно написать брошюру об электрификации, вернуть книги, кот/орые/ ему будут даны».

Вслед за этим письмом числа 20-го или 21-го следует новое обращение Ивана Ивановича к В. И. Ленину: «Электрифицирую» с остервенением. Обрисовывается общий план работы (если есть пять минут, хотел бы рассказать его). Литературы мало. Пожалуйста, дайте «Respondek Elektri industria». Надеюсь, к январю книжка будет готова. ЦК дал отпуск на 1 1/2 месяца. Значит, высылка из Москвы излишня.

Ваш И. Скворцов».

Все дополнительные просьбы Скворцова-Степанова по указанию В. И. Ленина незамедлительно выполнялись. 21 октября Л. А. Фотиева записала в журнале поручений послать Ивану Ивановичу книгу, а также передать руководителю научно-издательского отдела ВСНХ И. Б. Рабчинскому просьбу переслать Скворцову-Степанову научно-технический словарь.

Чтобы создать спокойную плодотворную обстановку для работы над книгой по электрификации, В. И. Ленин 21 октября обратился со специальным письмом в Оргбюро ЦК РКП(б): «Ввиду просьбы Ив. Ив. Скворцова-Степанова), прошу отменить его командировку и сослать его вместо этой командировки в один из подмосковных совхозов, на молоко,

чтобы он в 1–1 1/2 месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятую им литературную работу. /Совхоз найти через соответствующий московский орган^[58]»./

Полностью Скворцов-Степанов засел за написание монографии в конце октября 1921 года, а если быть строго точным, на создание книги ушел период с 23 октября 1921 года по 29 марта 1922 года — эти числа указаны Иваном Ивановичем в дарственной надписи на экземпляре, подаренном В. И. Ленину.

Скворцов-Степанов так увлекся проблемами электрификации, что просиживал за подготовкой будущей книги буквально дни и ночи, изучая различные источники. Ленинское поручение целиком захватило и увлекло Ивана Ивановича. Он просыпался уже с почти готовым планом очередных разделов, и ему порою казалось, что и во сие работа продолжается. Немало времени уходило на освоение сугубо технических вопросов, терминологии. Вместо планировавшейся брошюры все больше вырисовывалась серьезная научная работа.

Большую помощь в подборе материала и написании книги оказал автору Г. М. Кржижановский, председатель Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Иван Иванович часто заходил в Садовники, где расположилась комиссия.

В кратком введении «От автора» Скворцов-Степанов признавался: «Многими идеями этой книги я обязан тов. Г. М. Кржижановскому: заваленный делами, он находил время на долгие разговоры со мной. А я, через несколько дней принося ему на просмотр новые главы книги, во многих случаях давал ему просто изложение того, что от него слышал. Никогда еще, ни в каких прошлых работах, не испытывал я, до какой степени облегчается труд, когда дорогие товарищи с истинно коммунистическим отсутствием собственнических чувств, — страшно обостренных и невероятно мелочных у нашей литературной братии, — дают снова и снова обирать себя». Эта глубочайшая признательность Ивана Ивановича звучит и в дарственной надписи верному соратнику Ильича: «Дорогому товарищу Кржижановскому, бесконечно обиравшемуся мною, но по-прежнему богатому идеями».

Когда же работа над трудом значительно продвинулась и автор убедился, что скоро ее окончит, 20 января 1922 года он сообщает Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич, по-прежнему яростно электрифицирую. Вполне определился уклон от Вас к Кржижановскому: не брошюра из разряда пресловутой «производственной пропаганды», а более обстоятельная работа, захватывающая и вопросы «экономики переходного

времени», и «новый курс экономической политики», и т. д. Зато получите действительное руководство для совпартшкол и для наших лекторов.

Устаю. Дней пять даже валялся (ревматизм, ишиас — и, несомненно, сказалось утомление от дьявольской работы). Тем не менее к *партсъезду* книга *выйдет из печати*.

Не присылать ли Вам сверстанные листы или оттиски? Не дадите ли предисловие хотя бы в две странички? Было бы очень полезно.

По окончании работы отпустите (с женой) для отдыха... Простите, но без Вас не знаю, как начать хлопоты об этом.

Надо увидеть Вас, когда будете в Москве, по обыкновению на пять минут, чтобы подвинтить себя. Вы, как умный эксплуататор, превосходно повышаете работоспособность.

Крепко жму Вашу руку. Спасибо Вам за то, что засадили за такую работу.

И. Скворцов».

На этом письме рукой Л. А. Фотиевой (вероятно, по распоряжению В. И. Ленина из Горок) была сделана запись:

«Ответить:

1) Впредь не писать о Кунове, а спрашивать Владимира Ильича о работе, имеющей отношение к жизни.

2) До окончания книги никаких разговоров об отпуске» (для автора)».

Как только книга об электрификации была готова, Иван Иванович послал корректуру ее на просмотр Владимиру Ильичу Ленину. Прочитав первую половину книги, В. И. Ленин 19 марта 1922 года написал Скворцову-Степанову небольшое письмо из имения Корзинкино близ села Троицко-Лыково Московского уезда, где он тогда отдыхал:

«Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги.

Насколько бешено (вплоть до нецензурности) я Вас ругал за то, что Вы способны теперь сидеть месяцы за опровержением Кунова, настолько от этой книги я в восторге. Вот это дело! Вот это — образец того, как надо русского дикаря учить с *азов*, но учить не «полнауке», а *всей науке*...

Еще раз: привет и поздравления с великолепным успехом.

Ваш Ленин»^[59].

Одновременно Владимир Ильич послал текст предисловия к книге Ивана Ивановича, написанный им накануне 18 марта. В. И. Ленин писал в нем: «От всей души рекомендую настоящую работу тов. Степанова вниманию всех коммунистов.

Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не

для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян»^[60].

Книга, созданная Скворцовым-Степановым, рассматривалась Владимиром Ильичем как образец того, каким образом следует писать для людей труда, и глава Советского правительства был озабочен тем, как довести это исследование до большего числа трудящихся. Он писал, что с появлением в свет этого замечательного «пособия для школ» надо добиться, чтобы оно (в нескольких экземплярах) было в каждой уездной, а затем и волостной библиотеках, чтобы при каждой электрической станции в России была книга Скворцова-Степанова и организованы общедоступные народные чтения на эту тему. И важно, чтобы «каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще»^[61].

Какая горечь от сознания технико-культурной отсталости Республики Советов, и одновременно какой могучий оптимизм слышится в заключительных словах предисловия В. И. Ленина:

«Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь.

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся»^[62].

Книга И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» увидела свет 29 марта 1922 года. Ленинский тезис «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»^[63] красной нитью проходит через всю монографию Ивана Ивановича. Он заканчивает свою книгу ленинскими словами, написанными в октябре 1921 года: «Рабоче-крестьянская советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-летней империалистической и 3-летней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить и превратить ее в свою колонию,

как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед...

При помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию нашей страны создадим»^[64].

В своем исследовании Скворцов-Степанов показал историю развития энергетики и техники вообще и особенно подробно историю развития электротехники. Эти главы наполнены богатым фактическим материалом и, несмотря на строго научный характер, в то же время написаны ясно и доступно для широких читательских масс. По мнению Г. М. Кржижановского, труд Скворцова-Степанова показывает, «как много ему пришлось поработать над источниками «и какими преимуществами в диагнозе изучаемых явлений обладает экономист, надежно вооруженный острым методом диалектического материализма». Крупной заслугой автора было то, что он, по существу, предвидел будущую научно-техническую революцию, колоссальную роль атомной энергии в развитии науки и техники. И он понимал, что этот научно-технический прогресс окажет громадное влияние на развитие общественных отношений человечества. «Современная, поистине революционная техника, — отмечал Иван Иванович, — неразрывно и нераздельно переплелась и слилась с современной, поистине революционной наукой в единое целое. Практические задачи дают толчок научным исканиям, всякое новое научное достижение немедленно претворяется в новый шаг техники».

Мало кто из экономистов в 1922 году мог предсказать сравнительно скорое наступление «атомного века». Между тем и это предвидел Скворцов-Степанов в своей книге, отметив те «колоссальные запасы, которые имеет здесь перед собой человечество»). И если даже газетные сообщения, писал он, дошедшие до России, в которых сообщалось о том, что эта задача уже получила успешное лабораторное разрешение, не совсем точны, по всему видно, что «наука в непродолжительном времени все же сделает это завоевание колоссального теоретического и практического значения. А за лабораторными опытами не замедлит и практическое, промышленное применение этого завоевания».

Подчеркивая органическую связь науки с социальными процессами, Скворцов-Степанов предсказывал, что электромагнитная техника, глубоко проникающая во все производственные отношения, электрификация, «пронизывающая своим током всю промышленность, все земледелие, весь транспорт, весь быт, — таково последнее слово всего развития

человеческой техники, охватывающего многие десятки и сотни тысячелетий».

Привлекают внимание образные сравнения автора, который, опираясь на известную формулу Владимира Ильича Ленина, писал, что «электрический ток расплавляет, как воск, все цепи, задерживающие поступательное движение человечества, и вливает юную силу в созидающийся коммунистический мир», а разложение атома «подведет под коммунистическое общество надежную базу, опершись на которую оно с сокрушительной мощью развеет и уничтожит весь исторический хлам».

В книге был дан обзор состояния энергетики в мире и показан принципиально иной подход к этой важнейшей области деятельности человеческой цивилизации, который осуществляется в Советской России, — поставить электрификацию, как и все другие завоевания разума, на службу людям труда, во имя их настоящего и будущего, во имя полного освобождения и счастья.

Наиболее ярким и интересным разделом книги Скворцова-Степанова В. И. Ленин считал шестую главу, посвященную непосредственно проблемам электрификации Республики Советов. По мнению Владимира Ильича, в ней «автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики, а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации; скептицизм этот прикрывает обычно отсутствие серьезного размышления о предмете (если этот скептицизм не является, что тоже иногда бывает, прикрытием вражды белогвардейцев, эсеров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще)»^[65]. Иван Иванович убедительно показал, что строительство социалистического общества требует высокой техники производства и транспорта, интенсивного и продуктивного сельского хозяйства, а этого невозможно достигнуть без электрификации.

Вывод, к которому приходит автор монографии, гласил: «То, что разработало ГОЭЛРО, это — не план электрификации, а план всего государственного хозяйства, каким оно должно быть в социалистической России, если ей предстоит превратиться из разваливающейся в развивающуюся страну, без чего она не может остаться — не может сделаться социалистической».

В. И. Лениным были предприняты конкретные меры по широкому распространению книги Ивана Ивановича: 17 мая 1922 года нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский получает письмо от Председателя Совнаркома, в котором говорилось: «Я получил ряд сведений, что дороговизна книг при наших «увлечениях» и преувеличениях *нэпа* лишает

народ полезных книг.

Мне, казалось бы, необходимо установить какое-либо правило и провести закон такого примерно рода: на счет местных налогов известные суммы установить, кои должны быть вносимы в центр для составления фонда, на счет которого покупаются несколько тысяч (скажем, Скворцов: «Электрификация» и т. п.) для рассылки всем уезд-библиотекам.

Прошу обсудить это и сообщить мне ваше заключение.

Пред СНК В. Ульянов (Ленин)»^[66].

Этот вопрос затем обсуждался в ЦК РКП(б) и других руководящих организациях.

Необычайно был тронут отзывами Владимира Ильича и Глеба Максимилиановича сам Иван Иванович. «Остается только, — писал он, — смущенно развести руками и заявить: и сам я не ожидал от себя такой прыти.

Книга вообще не была бы написана, если бы тов. Ленин не засадил бы меня за нее и не достиг долгосрочного освобождения меня от других партийных и советских поручений. Но от такой долгосрочности долготерпение многих товарищей начинало лопаться и кое-кто подумывал, не пора ли объявить меня злостным саботажником и дезертиром».

Первый экземпляр своей книги Скворцов-Степанов подарил В. И. Ленину с дарственной надписью: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «призвание». Да здравствует такое «принуждение»! И. Степанов».

И сейчас на столе в комнате Владимира Ильича в Кремле лежит этот экземпляр книги Скворцова-Степанова с посвящением вождю, вдохновившему Ивана Ивановича на научный и литературный подвиг.

*

Когда у Владимира Ильича не было нужных ему книг, он обращался к Ивану Ивановичу с просьбой дать их ему на время. Так было, например, в июле 1920 года — В. И. Ленин готовился тогда к приему французских и английских делегатов II конгресса Коммунистического Интернационала.

Во время и после бесед с Иваном Ивановичем Владимир Ильич иногда просил прислать ему ту или иную книгу, чтобы уточнить какой-то факт. Так, после приема Скворцова-Степанова 5 декабря 1921 года он написал записку: «Прошу достать мне брошюрку: Галкин (Горев): «О засухе». А

как-то при разговоре с Иваном Ивановичем (15 ноября 1922 года) Ильич запросил журнал «Печать и революция» (№ 3 за 1921 год) и статьи Ивана Ивановича, опубликованные за последнее время в «Правде».

В библиотеке В. И. Ленина в Кремле находится более шестидесяти работ, принадлежащих перу Скворцова-Степанова. Из них 27, написанных самим Иваном Ивановичем, и 34 его перевода с немецкого, среди которых много произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Эти переводы Ленин считал превосходными и обычно пользовался именно ими. Поэтому 14 книг, переведенных Скворцовым-Степановым, находились непосредственно в ленинском рабочем кабинете в Кремле.

На четырех книгах (авторских) Иваном Ивановичем сделаны дарственные надписи Владимиру Ильичу. Это — «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», перевод работы Р. Гильфердинга «Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма» и две антирелигиозные книги: «Благочестивые размышления (Об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях по спасению)» и «О живой церкви». На первой из этих антирелигиозных работ, на титульном листе, Иван Иванович сделал надпись: «Дорогому В. И. Ульянову (Н. Ленину) в день его пятидесятилетия благословение от автора, кандидата в патриархи...» 22.IV—1920». Дарственные слова мы видим и на второй книге: «Дорогому тов. Владимиру Ильичу Ленину-Ульянову, — расширенный доклад, читанный в Брянской губернии и Москве, автор.

19—30/IX—22».

В кремлевской библиотеке Ленина находятся также две книги Скворцова-Степанова, подаренные им Надежде Константиновне Крупской. «Дорогой Н. К. Крупской-Ульяновой для душевного назидания, автор. 2.XII — 1921» — так написал Иван Иванович на своей книге «О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах». А на книге «О таинстве святого причастия» имеется дарственная надпись: «Дорогой Н. К. Крупской благословение от автора, патриарха РСФСР.

21. IX.1921 г.»

Этими книгами, судя по пометкам, Владимир Ильич и Надежда Константиновна пользовались довольно часто. И стояли они на видном месте.

В. И. Ленин был неизменно внимателен к талантливым людям, составлявшим гордость республики, и в их числе к Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову, оберегая их от различных несправедливостей и ненужных волнений. Гнев и возмущение Ильича вызвало, например,

судебное дело, возбужденное одним поэтом против Ивана Ивановича, руководившего в то время Госиздатом, за неуплату гонорара. 21 августа 1921 года Московский дисциплинарный суд при МГСПС постановил лишить за это Скворцова-Степанова членства в союзе на полгода, а 4 сентября, узнав о таком решении, В. И. Ленин написал записку секретарю ЦК В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б):

«Надо еще:

Обуздать *архисуровым* выговором Мельничанского и МГСПС (суд над Скворцовым-Степановым и над Литкенсом). Верх наглости и бесстыдства!! Я требую выговора с публикацией от имени *Политбюро*»^[67].

8 сентября по настоянию Владимира Ильича Ленина специальная коллегия пересмотрела судебное дело, отменив приговор Скворцову-Степанову как совершенно несправедливый. Чтобы подобное не повторялось, В. И. Ленин в записке П. А. Красикову 8 октября предложил Народному комиссариату юстиции совместно с ВЦСПС уточнить и изменить соответствующий закон, несовершенство которого давало возможность трактовать его произвольно.

*

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на то, что Иван Иванович нуждается в систематическом отдыхе и срочном улучшении жилищно-бытовых условий. 16 сентября 1920 года В. И. Ленин дает распоряжение руководителю хозяйственного аппарата Кремля и Домов Советов А. П. Платонову:

«Категорически настаиваю на том, чтобы т. Скворцову была немедленно предоставлена квартира»^[68]. Это предписание В. И. Ленина вызывалось тем, что Скворцовы жили в весьма тесной и неблагоустроенной квартирке.

Забота об организации нормального быта и отдыха для Скворцова-Степанова и его семьи не покидала В. И. Ленина во все последующие годы. Так, в записке 30 апреля 1921 года заведующему хозяйственной частью МОНО А. А. Бурдукову он писал: «Ив. Ив. Скворцову (Степанову) прошу устроить под Москвой летний отдых, по возможности с огородом»^[69].

Как только Скворцов-Степанов закончил книгу об электрификации РСФСР, секретарь МК РКП(б) И. А. Зеленский направил Ивану Ивановичу предписание о том, что он мобилизуется на проведение агиткомпании по

использованию в интересах революции церковных ценностей и что это поручение «подлежит неуклонному исполнению». Скворцов-Степанов, чувствовавший себя прескверно, просил дать ему возможность немного отдохнуть. На записке И. А. Зеленского Владимир Ильич написал: «Дать отдых» — и 29 марта 1922 года обратился в Секретариат ЦК РКП(б) с письмом: «Очень прошу дать отдых Скворцову-Степанову и поручить МК его не привлекать к работе (записку прилагаю), ибо он в отдыхе *абсолютно* нуждается»^[70]. На следующий день, 30 марта, Секретариат ЦК предложил Московскому комитету партии немедленно предоставить отпуск Скворцову-Степанову и не привлекать его на это время ни к какой работе.

Весной 1922 года Иван Иванович чувствовал частое недомогание, вызванное прежде всего большим умственным перенапряжением. Как ни старался он бодриться и не замечать усталости, в конце концов вынужден был в мае написать в Совнаркоме заявление, в котором просил освободить его от должности заместителя председателя редакционной коллегии Госиздата, оставив членом коллегии, и дать возможность отдохнуть, чтобы поправить расшатанное здоровье. На этом письме 18 мая 1922 года В. И. Ленин написал: «т. Сталин! Пересылая это письмо т. Скворцова-Степанова, я очень поддерживаю его просьбу. Он человек болезненный. А работник сугубо ценный. Надо ему дать отдых согласно его просьбе; очень это поддерживаю. Вылечившись и отдохнувши, он будет архиполезен и как *профессор*, *notabene*, и как литератор, 18.V—1922 г. Ленин»^[71]. Секретариат ЦК РКП(б) принял специальное постановление о предоставлении Скворцову-Степанову отпуска.

В последние полтора года жизни В. И. Ленина Иван Иванович виделся с ним редко из-за плохого самочувствия Владимира Ильича. 2 августа 1922 года В. И. Ленин принял Скворцова-Степанова в Кремле и долго беседовал с ним.

На следующий год, по свидетельству Надежды Константиновны Крупской, Иван Иванович дважды приезжал и виделся с Лениным в Горках (последний раз — 29 ноября 1923 года вместе с О. А. Пятницким). Во время последней встречи они вместе с Владимиром Ильичем смотрели фильм «6-я годовщина Октябрьской революции», а затем Ильич внимательно слушал их рассказы. Скворцов-Степанов сообщил Ленину о ходе выборов в Московский Совет. Во время рассказа Ильич, как заметил О. А. Пятницкий, «одним глазом смотрел на рассказчика, а другим просматривал заглавия книг, лежавших на столе, вокруг которого сидели». Но вот Иван Иванович перешел к вопросу о поправках к «наказу МК» со

стороны рабочих: об освещении слободок, где живут рабочие, о необходимости продления в рабочие кварталы трамвайных линий, о закрытии ряда «питейных заведений» и т. и.

И. П. Скворцов-Степанов и О. А. Пятницкий приезжали к В. И. Ленину в Горки в числе последних: после них сюда приезжали лишь Н. Н. Крестинский и А. К. Воронский (16 декабря 1923 года).

День смерти вождя и очень близкого, дорогого человека — 21 января 1924 года — стал самым скорбным днем в жизни Скворцова-Степанова.

Кончина Владимира Ильича Ленина глубоко потрясла Ивана Ивановича, нестерпимой болью отозвалась в его сердце. Бессонница, которая часто мучила Скворцова-Степанова, усилилась. Иван Иванович напряженно вспоминал во всех деталях последнюю встречу с вождем, его улыбку, движения удивительно жизнерадостных прищуренных глаз. Очень переживал, что не все успел тогда рассказать Ильичу, что хотелось, — Надежда Константиновна взяла обещание, что визит не будет долгим: «утомляться и волноваться ему категорически запрещено».

Одного не мог себе простить Иван Иванович: многие вопросы, мучившие его, так и не удалось обсудить с Лениным. Все казалось, что неподходящее время, что впереди много возможностей... И вот — ужасная весть, которая обожгла сознание: Ильича больше нет. Ушел из жизни не только гениальный мыслитель, стратег революции, вождь партии и трудовых масс. Ушел обаятельнейший товарищ, друг, общение с которым было неповторимой радостью, наполнявшей до краев оптимизмом, бодростью, уверенностью в решении самых сложных проблем. А сознание того, что Ильич рядом, рождало все новые и новые силы...

Поездка в Горки, траурный поезд, Колонный зал Дома союзов. Убитые горем Надежда Константиновна, родные Ильича, его соратники. Все эти печальные картины увиденного остались в памяти всех, кто провожал Ильича в последний путь в морозный январский день 1924 года.

Как только с кем-нибудь заходил разговор о Владимире Ильиче Ленине, Иван Иванович весь преображался — его глаза теплели, излучая особый свет, становясь и радостными и грустными. «Мы часто с ним говорили о Владимире Ильиче, — рассказывал видный большевик А. С. Енукидзе, — и всегда у Ивана Ивановича я подмечал особые, из глубины сердца исходящие нотки».

«Для всех нас, — говорил Иван Иванович, — имевших счастье близко встречаться с ним, В. И. Ленин был и навсегда останется в воспоминаниях бесценным «Ильичем», простым и доступным товарищем, редкостным по своей простоте человеком».

Соратник Ильича — точная характеристика личности Ивана Ивановича. И здесь не было никакого преувеличения. «Владимир Ильич относился к нему, — свидетельствовал Анатолий Васильевич Луначарский, — с великим уважением. Ленин ценил огромные знания, которые приобрел Иван Иванович не только в области политической экономии, но и в области философии, естественных наук и т. д. Когда этот переводчик Маркса, соавтор большого экономического труда взялся за популяризацию идей Ильича об электрификации, ему удалось создать настоящий шедевр, подлинный образец в смысле изложения, в смысле подбора материала и в смысле целесообразности всей книги. Недаром Владимир Ильич отозвался о ней с глубокой похвалой».

ЗА ЛЕНИНСКОЕ ЕДИНСТВО

После кончины Владимира Ильича Ленина в Коммунистической партии заметно активизировались оппозиционные элементы, решившие, что теперь «пришел их час». Большие надежды на растерянность трудящихся, на раскол в партии ввиду тяжелой утраты при этом возлагались в первую очередь Троцким и его единомышленниками.

Стойкие большевики давали решительный отпор фракционным действиям троцкистов. Уже в октябре 1924 года в журнале «Красная молодежь» Иван Иванович публикует статью «Кто совершил Октябрьскую революцию? (По поводу «истории» Октября в книге Троцкого «1917 г.»)». С негодованием он пишет о троцкистских «изысканиях», в которых будто бы раскрывается, что победа в дни Великого Октября «одержана, собственно, вопреки большевистской организации, наперекор ей, что ее приходилось толкать к революции, совершать над нею насилие за насилием». У Троцкого, отмечал Скворцов-Степанов, «история Октябрьского переворота становится чисто индивидуалистической историей, которая затушевывает и сбрасывает со счетов ленинскую партию».

Подчеркивая органическое единство руководящего ядра большевистской партии с рядовой массой коммунистов, Иван Иванович показал, как чужды были методы командования и администрирования для В. И. Ленина, который постоянно жил интересами и мыслями рабочих и крестьян, проявляя исключительное внимание к мнению рядовых членов партии. Без этого, писал Скворцов-Степанов, В. И. Ленин «не был бы гениальным стратегом и тактиком, он не был бы великим вождем революции XX века, и партия была бы не авангардом мирового пролетариата, а маленькой сектой, кружком заговорщиков...».

Как же ответил Иван Иванович на заголовок-вопрос своей статьи «Кто совершил Октябрьскую революцию?»?

Ответ его был ясным и четким: грандиозную революцию нашего века в России совершили *рабочие и крестьянские трудовые массы*, а добились они победы потому, что их боевыми выступлениями руководили *Ленин и ленинская партия*. Особое возмущение Скворцова-Степанова вызывали попытки троцкистской оппозиции преуменьшить роль Владимира Ильича Ленина в победе Октября. В статье «Исторический перелом», опубликованной в газете «Известия», Иван Иванович подчеркнул, что,

получив первые скудные сообщения о Февральской революции в России, «Ленин разом уразумел глубокое *международное* значение этого сообщения и с поразительной проницательностью предусмотрел *дальнейшие ступени* развертывания революции... Он твердой рукой взялся за руль и уверенно повел корабль революции к Октябрю».

В своих нападках на партию и ленинское ядро в Центральном Комитете троцкисты смыкались с различными мелкобуржуазными группировками и течениями, часто прикрывавшимися громкими и туманными названиями. К открытию XIV партийного съезда образовалась так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Зиновьевым и Каменевым, которая, как показали дальнейшие события, мало чем отличалась от троцкистской платформы.

В секретных документах, рассылаемых своим единомышленникам, лидеры «новой оппозиции», как метко заметил Е. М. Ярославский, рекомендовали до поры до времени скрывать свои разногласия с ЦК, говорить о платформе оппозиции «в четверть голоса» — на районных конференциях, вполголоса — на губернских и «полным голосом» — на XIV съезде ВКП(б).

Ставленники Зиновьева и Каменева сумели обманом захватить в свои руки Ленинградский губком партии, подчинить своему влиянию и губком ВЛКСМ, партийную и комсомольскую печать — газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» и «Смена». Получив тем же путем мандаты от ленинградских большевиков, оппозиционеры уже в первый день работы съезда сбросили маску и начали открыто выступать по всем основным вопросам против Центрального Комитета, против ленинской политики партии. Цель их была ясна — расколоть ВКП(б).

Речи и обструкции оппозиции, называвшей себя «новой», сравнительно быстро дали возможность делегатам обнаружить идейное ее родство с троцкизмом. Как и сторонники Троцкого, участники «новой оппозиции» отражали опасения и колебания мелкобуржуазных слоев, вызванные трудностями социалистического строительства; они не верили в реальность поставленных целей, в возможность победы социализма в СССР, воспринимая открыто враждебные установки буржуазных идеологов, расшевелившихся в первые годы нэпа.

XIV партсъезд решительно выступил с осуждением взглядов и фракционной деятельности сторонников Зиновьева и Каменева. В ответ на это оппозиционеры развернули в Ленинграде бурную антипартийную деятельность. Редакцией «Ленинградской правды» продолжали заправлять зиновьевцы, которые давали в газете крайне ограниченную,

двусмысленную, но в большинстве случаев извращенную информацию о работе и итогах съезда. Одновременно они пошли на открыто подрывной акт: прекратили распространение в Ленинграде органа ЦК ВКП(б) — газеты «Правда».

Оппозиционеры прежде всего опасались, что с появлением в Ленинграде номеров «Правды» и «Известий», где печатались материалы съезда, ленинградцы быстро разберутся с истинным положением дел. Поэтому зиновьевцы организовали подлинный заслон на станции Любань. Группе журналистов приходилось ездить в Любань на автомашинах и привозить газеты и журналы буквально «нелегальным путем».

— Дожили! — возмущенно заметил Скворцов-Степанов. — А Вы взгляните, как именуют оппозиционеры центральный орган нашей партии — газету «Правда». Оказывается, «Правды» больше нет. Есть «Московская правда», а «Ленинградская правда» превратилась в ленинградскую «Правду». Обратите внимание и на примечание в заголовке: основана «Ленинская правда» не в марте 1918 года после переезда Советского правительства в Москву, а 5 мая 1912 года. Эти манипуляции потребовались «новой оппозиции», чтобы изобразить захваченную ими «Ленинградскую правду» центральным органом партии.

Заняв обманным путем ключевые посты в городском партийном аппарате, лидеры оппозиции развернули настоящую травлю ленинградских коммунистов, верных линии Центрального Комитета ВКП(б). Под грубым нажимом вожаков «новой оппозиции» бюро Ленинградского губкома приняло специальное решение, запрещающее обсуждать материалы XIV съезда ВКП(б) в партийных организациях города и области.

В этой обстановке 28 декабря 1925 года XIV съезд принял обращение «Ко всем членам Ленинградской организации», в котором отмечалось, что ленинградская делегация голосовала против всего съезда, «противопоставив себя съезду партии...». В обращении призывалось положить конец «всем таким попыткам подрыва единства нашей ленинской партии». В документе выражалась уверенность, что «ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией».

В тот же день была принята специальная резолюция съезда о «Ленинградской правде». Она гласила: «Ввиду того, что «Ленинградская правда» уже после решения съезда ведет систематическую борьбу против решений съезда, явно нарушая общепартийную дисциплину, и срывает решения партии, съезд поручает ЦК принять немедленно меры по изменению и улучшению состава редакции «Ленинградской правды».

Это решение было вызвано тем, что зиновьевцы превратили редакцию в один из центров борьбы против политики партии по всем коренным вопросам социалистического строительства и партийной жизни, которую настойчиво осуществлял Центральный Комитет ВКП(б). Аппарат «Ленинградской правды» почти сплошь состоял из активных оппозиционеров, которые публиковали антипартийные и антисоветские статьи и заметки, извращающие генеральный курс ВКП(б) и ставившие цель обмануть рядовых коммунистов и широкие массы трудящихся Ленинграда, настроить их против руководства партии. Немало было случаев, когда авторами пасквилей выступали лица с весьма сомнительным прошлым.

Созванный через несколько часов после этого решения съезда Пленум ЦК большинством голосов утвердил постановление Политбюро ЦК ВКП(б) назначить ответственным редактором «Ленинградской правды» Скворцова-Степанова, сняв с этого поста прежнего редактора газеты зиновьевца С. Л. Закс-Гладиева. В помощь Ивану Ивановичу было откомандировано в Ленинград несколько опытных, идейно стойких журналистов, газетных работников. Против этого постановления вместе с членами «новой оппозиции» голосовали также Троцкий, Пятаков и Раковский.

Для разъяснения ленинградским коммунистам поведения их делегации на съезде и решений высшего партийного форума в Ленинград ЦК послал большую группу видных деятелей партии, в том числе ряд членов президиума съезда: С. М. Кирова, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе.

Скворцов-Степанов приехал в Ленинград уже 29 декабря 1925 года и сразу приступил к своим обязанностям ответственного редактора «Ленинградской правды».

Когда Иван Иванович пришел в редакцию газеты, кабинеты ее оказались закрытыми. Ключи тоже исчезли, как и сами сотрудники. Пришлось открывать двери с помощью слесарей. В помещениях редакции было совершенно пусто — отсутствовали даже ручки и чернила.

— О нас неплохо позаботились предшественники, — пошутил новый редактор.

За работу над очередным номером приступили немедленно. Рабочие типографии «брали набор по страницам». А когда номер был готов, Иван Иванович собрал небольшой коллектив работников редакции и типографии и рассказал о работе съезда, о новых задачах, стоящих перед «Ленинградской правдой».

— Для нас для всех, — сказал он в заключение, — остается совершенно ясным одно: Ленинград был и остается красным Ленинградом,

городом Ленина!

Утром 30 декабря жители города Ленинграда увидели в киосках номер «Ленинградской правды», под которой стояла подпись нового ответственного редактора, написавшего в ней передовую статью под названием «За единство партии». В передовице отмечалось, что делегаты XIV партсъезда, все грамотные члены партии «никогда не бывали и никогда не забудут, что наша партия может гордиться ленинградской организацией, выдающейся и по своему пролетарскому составу, и по своим великим заслугам перед революцией». Обращаясь к ленинградским большевикам, Иван Иванович обратил внимание на позорное поведение их делегации на съезде, выступившей против ЦК и всего подавляющего большинства делегатов. «Ленинградские рабочие, — писал он, — должны спросить себя, уполномочили ли они на это ленинградскую делегацию? Они должны разобраться в деле. Они должны сказать: место славной ленинградской организации не в оппозиции партии, а в передовых рядах железной своим единством армии ленинцев».

На следующий день — очередной номер газеты и новая передовица, подготовленная Скворцовым-Степановым. «Только коллективная мысль, — подчеркивалось в ней, — только воля партии могут, хотя бы отчасти, возместить то, чего партия лишилась со своим организатором и вождем Владимиром Ильичем Лениным». Бесконечно более тесная спайка требуется в настоящее время. «К ленинскому единству! К ленинскому исполнению всех решений ленинской партии!» — провозглашалось в передовой статье «Ленинградской правды».

По инициативе Ивана Ивановича 1 января в «Ленинградской правде», учитывая всю особую остроту разъяснительной работы, была введена постоянная рубрика «За единство партии». По рекомендации ЦК газета начала печатать материалы XIV съезда, который закончил свою работу 31 декабря 1925 года. Для Ивана Ивановича Скворцова-Степанова это был особо памятный, незабываемый день: он избирается съездом членом Центрального Комитета ВКП(б).

Материалы съезда, которые печатались вместе с «Ленинградской правдой» в типографии города, начиная с третьего номера газеты распространялись среди подписчиков бесплатно.

За короткий срок, с приходом Скворцова-Степанова, газета не только по содержанию, но даже и по внешнему виду, по доходчивости и боевитости коренным образом изменила свой облик. Из фракционного органа зиновьевцев она стала подлинным рупором ленинцев, активным борцом за единство партийных рядов.

Между тем «новая оппозиция» не унималась. Ее участники активно продолжали антипартийную деятельность. Они мешали всеми способами распространению документов и материалов съезда, особенно на промышленных предприятиях, организовывали публичные выступления в ответ на справедливую партийную критику и разоблачение их подрывных действий. Нелегко было новому редактору «Ленинградской правды» организовать четкую работу газеты: аппарат старого состава, подобранный зиновьевцами, регулярно саботировал многие указания Скворцова-Степанова, а часть редакционных работников во главе с ответственным секретарем Матвеевым вообще с первых дней отказывалась выполнять распоряжения Ивана РТвановича и передать дела новым сотрудникам.

О положении, которое создалось в первые дни приезда Скворцова-Степанова, свидетельствовала телеграмма, которую вынужден был дать Иван Иванович президиуму XIV съезда ВКП(б). Она была оглашена на заключительном заседании съезда вечером 31 декабря. В ней сообщалось, что кабинет главного редактора и другие комнаты редакции заполнены «делегациями», состоящими из оппозиционеров, которые в самой недопустимой форме требуют публикации антисъездовских резолюций. «Аппарат редакции, — говорилось в телеграмме, — не только саботирует работу, но и разжигает настроение делегаций, призывая к более решительным действиям», что означало одно — сорвать выпуск «Ленинградской правды».

В канун нового, 1926 года вокруг здания редакции появились... пикетчики, которые от «имени рабочих» требовали печатать материалы, «одобренные «новой оппозицией». Только благодаря большому партийному опыту, настоящей политической закалке Скворцова-Степанова удалось сорвать эту провокационную затею.

О том, как это происходило, рассказывал в своих воспоминаниях писатель Федор Гладков. Ивану Ивановичу, свидетельствовал он, «пришлось выдержать напряженную борьбу. Ставленники Зиновьева встретили его с яростной враждебностью: в редакции сначала демонстративно не замечали его, на совещания не являлись и всячески старались поставить его в невыносимые условия. Кончилось тем, что ему устроили обструкцию: почти все работники редакции подняли бунт, чтобы выгнать его на улицу. Но Иван Иванович выдержал этот наглый напор спокойно, с достоинством. Он выпрямился во весь свой высокий рост впереди небольшой группы преданных ему помощников и громовым басом объявил:

— Это кто передо мной? Хулиганы, громилы или честные работники

советской печати? Все, кто желает работать, выполняя заветы Ленина, найдут здесь свое место. Но саботажникам и бандитам придется немедленно унести отсюда ноги. Того, кто не подчиняется партий, мы сметем, как пыль.

На подмогу Скворцову-Степанову явились наборщики и печатники, настроенные еще более решительно, чем ответственный редактор. Учтя это, возбужденные работники редакции «зиновьевского набора» быстро ретировались.

Сам Иван Иванович спустя несколько недель, по возвращении в Москву, в кругу друзей по партии и близких так рассказывал о своих впечатлениях:

— Понимаете, очутился с первого дня как во вражеском стане. Ни один прохвост не желает отвечать на вопросы, не является на зов. Устроили однажды кошачий концерт. Всюду понаставили своих пикетчиков, терроризовали рядовых работников. Ну, я, знаете, сильно разозлился — выгоняю одного за другим. Началась вакханалия, пытались даже применить ко мне насилие. А я уж заранее знал, с кем имею дело.

Прощупал я и в редакции и в типографии хороших парной из сотрудников и наборщиков и вместо с ними организовал дело так, что пи одна строчка без моего ведома по могла быть набрана. А когда хулиганы ворвались ко мне, чтобы схватить меня и вытолкать из редакции, эти хорошие парии стали рядом со мной и приготовили крепкие кулаки, как доблестные бойцы, пусть, мол, кто-пи-будь из негодяев попробует подойти поближе, он па своих боках испытает, что значит пролетарский отпор. Ну и трусили... — Иван Иванович, покраснев от смеха, продолжал: — Понимаете... Хотели меня поставить в положение генерала без армии, но не рассчитали своих сил и, как всякие авантюристы, полагались только на свою наглость, то есть сами были изолированы от масс. А я уже со своими соратниками опирался и на рабочих типографии и предприятий и привлек здоровую молодежь из вузов. Через недельку-две редакция уже была насыщена новыми людьми, и работа пошла полным ходом.

Но чтобы «насытить» редакцию преданными делу ленинизма работниками, пришлось приложить немалые усилия для очищения аппарата газеты от оппозиционеров, используя полномочия, предоставленные Скворцову-Степанову съездом и ЦК партии. Засевшие в Ленинградском губкоме сторонники «новой оппозиции» всеми способами противодействовали этим мерам.

4 января утром Ивану Ивановичу стало известно, что губком решил назначить его заместителем по «Ленинградской правде» одного весьма

активного зиновьевца. Скворцов-Степанов тотчас же направился в губком. Прихода его явно не ждали.

«Прямо как в картине у Репина», — подумал, невольно усмехнувшись, Иван Иванович, когда решительным шагом вошел в зал заседания губкома. Растерянность присутствовавших...

Не дав им опомниться, Скворцов-Степанов заговорил первым.

— Думаю, вам всем ясна причина моего прихода. Ваше решение назначить мне заместителя из числа активных оппозиционеров — это вызов партии.

Густой бас Скворцова-Степанова звучал в просторном зале довольно впечатляюще.

— В настоящее время шутки шутить нельзя. Что для вас постановление съезда — пустяки? Постановление ЦК — пустяки? — Он обвел всех сверлящим строгим взглядом. — Это — демонстрация не только против ЦК, но и прямо и ясно против постановления съезда. Извольте аннулировать сие ваше решение...

Иван Иванович не стал слушать объяснений. Повернулся и вышел. Придя в редакцию, тотчас же сообщил о случившемся по телефону в Москву.

Потребовалось вмешательство Центрального Комитета ВКП(б), чтобы окончательно отбить и этот наскок раскольников.

Сообщение Скворцова-Степанова также ускорило поездку в Ленинград для разъяснительной работы группы видных деятелей партии: уже 4 января решением Политбюро в город выехали М. И. Калинин, С. М. Киров, К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, А. А. Андреев, В. В. Шмидт и др. А на следующий день ЦК ВКП(б) утвердил новый состав секретариата Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК во главе с Сергеем Мироновичем Кировым. Скворцов-Степанов стал членом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б).

«Ленинградская правда» широко освещала выступления прибывших в Ленинград руководящих деятелей Коммунистической партии на массовых митингах и собраниях. Репортаж, информации об этих встречах делались ярко и доходчиво — Иван Иванович был мастером простых и понятных лозунгов, коротких и убедительных фраз. Броские заголовки «Ленинградской правды» сразу приковывали внимание читателей. 10 января 1926 года ее номер вышел с такими лозунгами: «Пять дней, как члены ЦК делают отчетные доклады. Рабочие-коммунары с единодушием заявляют: права партия, прав XIV партсъезд, а делегация^[72] кругом не права! Довольно дезорганизаторской политики оппозиции! Не было и не

будет на то согласия коммунаров Ленинграда, чтобы нарушить единство партии!»

5 января 1926 года Скворцов-Степанов был назначен также ответственным редактором «Красной газеты», выходившей в Ленинграде (он ее редактировал до 23 февраля). Возглавляя две ведущие газеты ленинградских большевиков, Иван Иванович почти ежедневно писал передовые статьи, полные подлинно революционного пафоса, сознания высокой ответственности каждого, кто предан делу большевистской партии, непримиримости к провокационной тактике заговорщиков.

В редакции ширился поток посетителей, которые жаждали услышать правду о поведении зиновьевцев, о решениях XIV съезда ВКП(б). В основном это были рабочие делегации. В отдельные дни приходило по 200–300 представителей от рабочих, служащих, студентов, учащихся. Главный редактор находил время, чтобы внимательно и терпеливо их выслушать, объяснить им существо сложившегося положения, указывая им единственно правильный — ленинский — партийный путь. Спокойно, уверенно он переубеждал ту часть коммунистов и комсомольцев, которую удалось увлечь за собой «новой оппозиции» благодаря пышным «левым» фразам и ловкой демагогии.

В «Ленинградской правде» и «Красной газете» печатались резолюции низовых партийных организаций, требовавших создавать чрезвычайные районные и губернскую партийные конференции. С каждым днем число этих требований возрастало: сказывалась разъяснительная работа делегации ЦК ВКП(б). Сам Скворцов-Степанов громил оппозиционеров, используя не только печатное слово. Он выступал с речами на заводах, фабриках, в учебных заведениях, на военных кораблях, в учреждениях, разоблачая авантюризм и демагогию зиновьевцев.

«Боец без страха и упрека за идеалы рабочего класса, которому он отдал сорок лет своей сознательной жизни, Иван Иванович, — писал Федор Гладков, — ненавидел людей, которые приносили в революционную борьбу личные интересы, которые не брезговали грязью, хамством и подхалимством. Он презирал всякую группировщину, не мог говорить без гнева о тех, кто бедность мысли заменял ухарством, крикливой демагогией и хвастливым пустозвонством».

С особой страстью Скворцов-Степанов боролся за идейную стойкость молодого поколения. Его часто можно было видеть в те трудные дни на комсомольских собраниях, на молодежных диспутах, в студенческих общежитиях. «Юность всегда остается юностью, — говорил Иван Иванович в одном из своих выступлений. — Ее больше привлекают дела,

где требуется порыв, смелый акт, бурный взрыв энергии. Работа, где необходимы размеренность, методичность, планомерность, длительная выдержка, представляется ей серым, будничным делом...

Мозги неизбежно начинает точить одна мысль; а правилен ли вообще избранный путь? Не попали ли мы на обходные пути, которые приведут неизвестно куда? Нет ли более короткого прямого пути? Нельзя ли решить все дело бурным натиском, лобовой атакой, смелым ударом, решительным взмахом?»

По реакции молодежной аудитории Иван Иванович чувствовал, что эти вопросы, сомнения, раздумья очень близки и понятны юношам и девушкам Ленинграда. Пением «Интернационала» обычно заканчивались выступления большевика-ленинца. В хоре молодых голосов выделялся его сочный бас.

В «Ленинградской правде» появилась специальная рубрика — «Ленинградский комсомол — по ленинскому пути». Здесь печатались отклики молодых ленинцев города в поддержку решений XIV съезда ВКП(б), генерального курса партии. Особенно это было необходимо в первые дни начала 1926 года, когда газета «Смена» — орган Ленинградского губкома комсомола — еще находилась в руках зиновьевцев. Однако вскоре на Скворцова-Степанова было возложено общее руководство и этим периодическим изданием. Случай, конечно, редкий: один человек редактировал сразу три ведущие газеты города. Правда, те, кто хорошо знал Ивана Ивановича, считали, что это нелегкое поручение ему вполне по плечу.

8 января 1926 года в «Ленинградской правде» Иван Иванович публикует статью «О комсомоле и «левизне» в большевизме». В ней он объяснял молодым читателям, почему некоторая часть юношей и девушек попала под влияние оппозиционеров. Построенная в форме беседы, с вопросами и ответами, статья нашла широкий отклик среди комсомольцев Ленинграда, ее обсуждали на молодежных собраниях. В редакцию посыпались письма с новыми вопросами.

И тогда 10 января «Ленинградская правда» выходит с передовицей, написанной Скворцовым-Степановым, — «Опять о комсомоле». На конкретных фактах Иван Иванович показывает, убеждает, что «быть левее ленинской партии невозможно», а «всякая «левизна» по сравнению с линией Коммунистической партии является мнимой «левизной».

Проходит еще пять дней — и снова передовая статья в «Ленинградской правде» — «ВКП(б) и РЛКСМ». Рядом с партией, под руководством ленинской партии, говорилось в ней, найдет верный путь

ленинская молодежь. Не словами, а делами надо доказать свою верность партии большевиков. «Всякий, кто потакает ограниченным местным иллюзиям, претензиям и предрассудкам, — не коммунист, не ленинец, а всего лишь маленький областник, с крошечным политическим кругозором», — писал он в статье «Коммунары и областники» (16 января 1926 г., «Ленинградская правда»). Статья была вызвана тем, что на Василеостровской районной комсомольской конференции один из работников губкома РКСМ призывал молодежь города к «борьбе против тех, кто хочет умалить роль Ленинградского комсомола как руководителя союза в целом».

По мнению А. Е. Енукидзе, «из старых большевиков мало кто умел так разговаривать с молодежью и зажигать ее, как Иван Иванович». Он всегда живо интересовался и тем, как трудится, как отдыхает молодежь, и тем, как проходит идеологическое воспитание смены. Посещая молодежные общежития, Скворцов-Степанов невольно сравнивал быт новой поросли с тем, как трудно было юношеству при царизме, вспоминал свои первые революционные шаги, когда он соприкасался со студенческим движением, которое стало под знамена демократии и свободы, против угнетения и бесправия. Часто, глядя на комсомольцев, он повторял:

— Вы посмотрите на нашу молодежь. Изумительные ребята!

Отношение Ивана Ивановича к юному поколению, которому суждено было вместе со старшими товарищами строить новую жизнь, прекрасно передал писатель Федор Гладков. О молодежи, свидетельствовал он, Скворцов-Степанов «не мог говорить иначе как с любованием. Как только к нему заходили молодые работники редакции, привлеченные из Института красной профессуры, он очень оживлялся, глаза его, серые с перламутром, вспыхивали, и морщинки около глаз лучились любовью и нежностью. Другого слова не могу подобрать, именно нежность трепетала во всем его облике. И вместе с этой нежностью играл в глазах задорный, молодой смех. Мне думается, что в эти минуты общения с ними он сам перевоплощался в жизнерадостного юношу». Поэтому он с такой страстью боролся за то, чтобы вырвать неопытных, мало искушенных в идеологической жизни молодых людей из плена оппозиционных лабиринтов. «Оппозиция отчаянно обороняется, — отмечал в те дни Иван Иванович. — Она перебрасывает свои силы из района в район, с предприятия на предприятие. Она выдвигает десятки ораторов. Но самые их речи и самые способы обороны только окончательно раскрывают перед глазами рабочих всю антипартийность их дела».

Самым мощным оружием в идейной борьбе за чистоту

большевистских рядов Скворцов-Степанов считал ленинское наследие и постоянно обращался к сокровищнице ленинизма. В статье «Два года без Ленина», опубликованной в «Ленинградской правде» 21 января 1926 года, Иван Иванович писал: «По мере того как мы дальше отходим от того времени, когда сам Ленин руководил партией, мы все глубже чувствуем... громадность того наследия, которое он оставил после себя.

Поистине неисчерпаемым представляется нам в настоящее время идейное богатство, оставленное Лениным. На нем еще долго будут воспитываться тысячи и миллионы борцов и строителей не только в нашем Союзе, но и во всем мире...

Сохранить партию единой, не допустить в ней никаких трещин и брешей, подчинить всех ее членов ее коллективной воле — это один из величайших заветов Ленина».

Руководителю ленинградских ведущих газет Скворцову-Степанову приходилось выступать по несколько раз в день. Он едко высмеивал и разоблачал лицемерие зиновьевцев, которые не скупились на комплименты по адресу ленинградских пролетариев, льстиво изображали рабочих Ленинграда «солью пролетарской земли». Один из лидеров оппозиции, выступавший перед Иваном Ивановичем, сообщил собранию: «Московская губернская партийная организация проходила под лозунгом «Бей ленинградцев!». Мало кто поверил этому грязному приему, но факт оставался фактом — «новая оппозиция» не брезговала ничем в своих клеветнических упражнениях. После своего выступления Иван Иванович невольно почувствовал по горячим аплодисментам — время ликования оппозиционеров-зиновьевцев прошло. И все эти визгливые крики ее ораторов — «арьергардные бои перед поражением»...

К началу февраля 1926 года оппозиция потерпела полный крах в Ленинграде. Каждый вечер в редакции «Ленинградской правды» Скворцов-Степанов просматривает выборочные данные о соотношении сил. И вот на исходе первого месяца 1926 года в низовых партийных организациях за зиновьевцев проголосовало лишь 3,5 процента коммунистов.

Чаще всего в те дни Ивана Ивановича преследовал естественный вопрос: почему же именно в Ленинграде оппозиция за некоторое, правда короткое, время смогла оторвать от партии сотни коммунистов? Отвечая сам себе, он приходил к выводу о том, что, несмотря на многочисленный пролетарский состав, силу, крепость и выдержанность, Ленинградская партийная организация из-за коварной линии антиленинского руководства (сюда сумели пробраться раскольники, демагоги и просто идейно незрелые элементы) дрогнула, в нее прокралась болезнь. А болезнь эта в том, что

усилиями зиновьевцев (плюс доверчивость низовых ячеек) организация оказалась на отлете, в стороне от партии в какой-то степени. «Ее приучали, — рассуждал Иван Иванович, — жить какой-то самодовольной жизнью, смотреть несколько свысока на другие организации и даже противопоставлять себя в известном смысле этим другим организациям».

Этими мыслями он делился с Сергеем Мироновичем Кировым, членами делегации ЦК ВКП(б), прибывшей в Ленинград по поручению съезда, — М. И. Калининым, К. Е. Ворошиловым, А. А. Андреевым, Г. И. Петровским, и др., которые развернули энергичную работу среди ленинградцев по разъяснению генеральной линии партии. Сверяя свои взгляды с мнением соратников по ленинскому Центральному Комитету и опираясь на их поддержку, Иван Иванович в выступлениях на митингах говорил о том, что некоторые «успехи» зиновьевцев по части обмана ленинградцев не привели к устойчивому изменению позиции пролетарских масс города Октября, Ленинградской партийной организации в целом. Обсуждая с членами делегации ЦК и членами секретариата Ленинградского губкома итоги таких массовых встреч, С. М. Киров с удовлетворением отмечал, что мелкобуржуазный уклон не мог пустить глубокие корни в пролетарском Ленинграде.

С хорошим настроением начался февраль 1926 года. В статье «За работу» Скворцов-Степанов писал 7 февраля: «Партия преодолела то колебание, которое появляется в известных ее частях, на пороге каждого нового этапа, на каждом новом трудном переломе. Мы снова приобрели то железное единство, которое необходимо для реальной борьбы за наше дальнейшее движение вперед, к социализму». На XXIII Ленинградской губернской партийной конференции завершился разгром зиновьевской оппозиции. Накануне ее открытия Иван Иванович до поздней ночи писал передовую статью в «Ленинградскую правду». 10 февраля она была опубликована, и делегаты конференции буквально за несколько часов до начала работы познакомились с нею. Когда спросили одного из делегатов-рабочих, как он расценивает передовицу, тот, не задумываясь, ответил: «Мы так тоже думаем. Статья — настоящий обвинительный приговор «новой оппозиции», которая сумела влезть в губком и верховодить им. Любой из нас, рабочих-металлистов, кому дороги заветы Ильича, подпишется под словами передовой статьи «Ленинградской правды» о том, что с ленинского пути мы никогда не свернем. «Оппозиция открыто изменила ленинским принципам партийного строительства, потребовав превращения нашей партии из крепко спаянной боевой силы в рыхлую коалицию разнородных течений и фракций» — это сказано в газете.

Сказано метко. Как говорят, «лучше не скажешь».

Иван Иванович только улыбнулся, когда ему рассказали об этом случайном интервью с рядовым рабочим делегатом. Он на минуту задумался и обронил:

— Питерцы есть питерцы, ставшие теперь ленинградцами.

А этим сказано все.

Скворцов-Степанов с честью выполнил боевое поручение Центрального Комитета. «Ленинградская правда» под его руководством стала настоящим рупором ленинской партии, ее оружием, агитатором и пропагандистом коммунистических идей, борцом за социализм. Ленинградцы глубоко уважали Ивана Ивановича, высоко ценили его самоотверженность в работе, острый ум, исключительную скромность, теплоту его сердца, готовность всегда прийти на помощь. На партийном собрании коллектива судостроителей «Северной верфи» его избирают делегатом на партийную конференцию Московско-Нарвского района, а на XXIII губернской конференции он был избран в бюро Ленинградского губкома, который возглавил Сергей Миронович Киров.

В начале марта 1926 года Скворцов-Степанов возвращается в Москву, где он стал исполнять все свои многочисленные обязанности, в первую очередь редактирование «Известий». Одновременно Иван Иванович до 28 мая 1926 года продолжал руководить «Ленинградской правдой». Последняя передовая статья, написанная им и опубликованная в «Ленинградской правде» 2 апреля 1926 года, называлась «Необходимо привлечь крестьянские вклады». В ней он призывал усилить разъяснительную работу с целью привлечения сбережений крестьян в систему сельхозкредита для нужд восстановления хозяйства области.

Зиновьевцы не примирились со своим поражением в Ленинграде и в апреле 1926 года выступили общим фронтом с троцкистами против курса ЦК ВКП(б) на осуществление социалистической индустриализации. Чтобы нарушить стройность партийных рядов, фракционеры пускали в ход всевозможные абсурдные обвинения (вроде «буржуазного перерождения» руководящих кадров ВКП(б), об ущемлении прав молодежи, о росте «антидемократических начал» в партийной жизни и т. п.). В газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» Иван Иванович опубликовал целую серию статей, посвященных борьбе за чистоту марксизма-ленинизма, за организационное единство партии коммунистов. Касаясь решений Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль 1926 г.), Скворцов-Степанов показал всю глубину проведенного Пленумом анализа существа главных оппозиционных течений. В действительности все они — блок всех

старых антиленинских группировок. Словесный камуфляж их лидеров никого не сможет ввести в заблуждение, разве только людей совершенно наивных и малоискренних в политической жизни.

К слову Скворцова-Степанова прислушивались миллионы. Его авторитет в партии был очень высоким. Это был не только голос известного в массах большевика-публициста, но и талантливого теоретика, глубокого знатока ленинского наследия.

Глубоко владея ленинскими документами, Иван Иванович широко использовал их в идейной борьбе против троцкистской оппозиции, прежде всего в своих публицистических статьях на страницах «Известий». «Неудержимо сползая к социал-демократии, — писал он в ноябре 1926 года, — оппозиционный блок уже прямо противопоставил себя партии. Безудержный авантюризм и бесшабашная демагогия характеризуют и его критику мероприятий Советской власти, и его будто бы практические предложения». С негодованием Иван Иванович обращает внимание на то, что участники блока пошли по пути буржуазных партий, которые, как известно, не скупятся на обещания и посулы, забывая это каждый раз, как только при помощи таких ухищрений удастся добраться до власти.

Троцкистско-зиновьевский блок был осужден XV партийной конференцией ВКП(б). Примечательно, что на Западе ему сочувствовали правые социал-демократы, меньшевики-эмигранты и прочие открытые враги СССР, злобно клевета на ЦК ВКП(б), всячески изображая оппозиционеров защитниками демократии и «свободомыслия». Демагогию троцкистов и зиновьевцев Скворцов-Степанов квалифицировал как «эквилибристские попытки прикрыть антипартийную деятельность». Оппозиционеры, отмечал он, отличаются еще и тем, что силятся злорадно раздувать размеры и опасность затруднений на пути созидания нового мира.

В мае — июне 1927 года, используя обострение международного положения, вожаки оппозиции вновь активизировали свои подрывные действия против партии. Троцкий дошел до того, что обвинил партию в «термидорианстве» (имея в виду перерождение). В ход были пущены самые недостойные методы и средства: ложь, запугивание, лицемерие, шантаж. Грубо нарушая партийную дисциплину, оппозиционеры добивались открытия широкой внутрипартийной дискуссии с целью раскола ВКП(б). Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль — август 1927 г.) вновь рассмотрел вопрос о раскольнических действиях троцкистско-зиновьевской группировки и принял решительные меры по пресечению их антипартийных действий. Участник Пленума, Иван

Иванович Скворцов-Степанов в своей статье подчеркнул, что «при всех своих нюансах и оттенках все эти группировки характеризуются одной основной особенностью: во всех оппозиционных платформах все отчетливее пробивается полный разрыв с ленинизмом».

«Верхушечными комбинациями» назвал Скворцов-Степанов действия оппозиции после XIV партсъезда, «сплошным нарушением ленинских принципов партийной дисциплины». Это своеобразный «барский анархизм», когда партийные решения считают обязательными для себя лишь постольку, поскольку они целиком совпадают с собственными воззрениями. Оценивая амбициозные театральные спектакли лидеров троцкизма, Иван Иванович предупредил их на страницах «Известий», что партия не допустит, чтобы ее превратили в «игралище сомнений интеллигентов и бар», с великой спесью воображающих, будто они все знают и могут делать лучше, чем ленинская организация коммунистов, закаленная в огне трех революций и гражданской войны.

Эти суждения Скворцова-Степанова были естественны для человека, прошедшего суровый жизненный путь и прекрасную ленинскую школу. Полный оптимизма, жизнерадостности, Иван Иванович, по замечанию большевика М. А. Савельева, не переносил какого-либо ханжества, и, хотя ничто человеческое не было ему чуждо, весь его подход к жизни, отношение к окружающим можно было бы определить характеристикой «демократ». Он, как и Ленин, в высшей степени был противником «барского отношения к жизни». Он не терпел людей, мнящих себя ортодоксами и оракулами.

Когда поздно вечером 11 августа 1927 года Иван Иванович приехал в редакцию «Известий», он был необычайно взволнован и долго ходил по своему кабинету. Только что ему сообщили о новых позорных фактах подрывной деятельности троцкистов.

В кабинете ответственного редактора собралось несколько сотрудников. Скворцов-Степанов читает им передовую статью, которую написал несколько минут назад.

Памфлет-фельетон искрился иронией и сарказмом. Он рисовал портрет Троцкого — праздного человека, прохаживающегося с тросточкой в руке вокруг да около. А нет ли где щели? А нет ли чего-нибудь такого, что можно покритиковать, над чем можно поиздеваться?

И заголовок передовой статьи необычный, острый, резкий, бичующий. Статья «Барин с тросточкой» открывалась следующими словами:

«Уже давно, еще при Ленине, так повелось, что всякая оппозиционная группировка, противопоставляя свои предложения партийному курсу,

уверяет, что, если они не будут немедленно приняты и проведены в жизнь, стране и партии угрожает полный развал...

Чем только не пугает и чего только не страшится оппозиция: и хорошего урожая, и экономического подъема широких середняцких масс деревни, и снижения промышленных цен. Все это, по ее уверениям, ведет Советский Союз к «краю гибели».

На Объединенном Пленуме критические упражнения оппозиции получили правильную оценку в таком образном сравнении: партия, напрягая все свои силы, тянет воз, именуемый строительством Советского Союза. А в это время в сторонке стоит барин с тросточкой, который делает свои никому не нужные и пустые брезгливые указания: «И это не так, и то не так».

Статья Скворцова-Степанова «Барин с тросточкой» может быть отнесена к числу лучших образцов советской партийной публицистики.

Кличка «Барин с тросточкой» прочно закрепилась за Троцким. Вскоре под этим же названием появились и едкие частушки Демьяна Бедного:

Насмешил свою семейку,
Сам весь день прохохотал:
Барин с тросточкой» — статейку
Я в «Известиях» читал.

То есть во
До чего

Получилось хлестко!
А нельзя ль узнать, кого
Так хватили жестко?
Кто-то ходит-щеголяет
Не по ленинской тропе.
«Барии с тросточкой» гуляет
В самой, значит, Ве-Ка-Пе!

.....

Как ни ладь с ним, все равно!
Этот «Барин с тросточкой»
Подавился уж давно
Меньшевистской косточкой!

Давая оценку решениям состоявшегося в октябре 1927 года Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), Скворцов-Степанов отмечал, что «организационно оппозиция отбросила и партийный Устав, и все постановления партсъездов. Фактически она уже начала противопоставлять себя ленинской партии как вторая партия, организуемая для борьбы против партии Ленина».

Оппозиционеры не вняли последнему предупреждению со стороны ЦК ВКП(б) и продолжали проводить фракционную деятельность, которая стала все больше принимать открыто антисоветский характер. Они нелегально печатали и распространяли враждебные листовки, пытались организовать тайные сборища, а 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октябрьской революции, во время праздничной демонстрации сделали попытку осуществить антисоветские выступления на улицах Москвы и Ленинграда, но были сметены трудящимися массами, отмечавшими всенародный праздник под знаменем ленинизма.

Вернувшись с демонстрации на Красной площади, Иван Иванович сел за новую статью. Написал ее сравнительно быстро, хотя несколько раз, чтобы успокоиться, вставал и прохаживался по кабинету. Долго ломал голову над заголовком. Остановился на более простом: «За железное ленинское единство». 10 ноября 1927 года номер «Известий» со статьей-передовицей Скворцова-Степанова вышел в свет.

Трудящиеся СССР, говорилось в ней, внушительно ответили комедиантам: не надо нам меньшевика Троцкого, выступающего с позолотой «ленинизма». Не надо нам штрейкбрехеров, которые юбилей своего предательства в Октябре ознаменовывают новым предательством, свидетельствуя тем самым, что их тогдашнее предательство было действительно «не случайно». Не надо нам политических авантюристов, не надо переметных сум, которые сегодня оплевывают свое политическое вчера.

Политическое бесстыдство — достаточное основание для звания «вождя», отмечал Иван Иванович, имея в виду Троцкого и его единомышленников — Зиновьева, Каменева и К⁰. Партия большевиков «научилась распознавать и отшвыривать политических лицемеров и шарлатанов».

Для столь уничтожающей оценки лидеров оппозиции у ответственного редактора «Известий» были веские основания: поведение их в канун Октября 1917 года, характеристика, данная этим деятелям в «Письме к съезду» В. И. Лениным, их двурушничество и авантюризм во время работы XIV партсъезда и дальнейший ход внутрипартийной борьбы. Он хорошо

знал многих из них и лично.

Советская печать подробно освещала действия оппозиции и меры партии по очищению своих рядов. Публиковались гневные протесты коммунистов и беспартийных против попыток фракционеров сорвать строительство социализма в СССР. Достаточно броскими, политически острыми выглядели заголовки в газете «Известия» — результат участия Скворцова-Степанова: «Единицы против тысячи», «Мы не хотим другой партии, кроме партии Ленина», «Лучшие рабочие, работницы — в партию Ленина» и т. д.

Скворцов-Степанов в качестве делегата участвовал в работе XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), завершившего идейный и организационный разгром троцкизма. На первом же заседании он избирается членом редакционной комиссии съезда, а на одном из последних заседаний — вновь членом ЦК ВКП(б).

В дни работы съезда видные большевики-ленинцы выступали на многих промышленных предприятиях столицы, в воинских частях, на собраниях служащих, молодежи, в научных учреждениях. Одно из выступлений Скворцова-Степанова легло в основу его статьи «Ясность до конца», которая получила широкую известность в пропагандистских кругах, среди комсомольского актива, массового читателя.

«...Большевистская партия, — писал Иван Иванович, — всегда, на всех этапах своего развития была и теперь остается партией политических единомышленников. Дисциплина для каждого большевика — не «формальная» дисциплина, не вынужденное подчинение коллективу, не «формальное» соблюдение существующего устава. Это — самодисциплина свободных людей, которые видят, что только своя партия и дает каждому из них возможность максимального развертывания сил.

Если бы ленинская партия не была бы партией политических единомышленников и если бы ее дисциплина не была бы самодисциплиной ее членов, она развалилась бы при каждом серьезном испытании».

Как актуально, злободневно и сегодня звучат слова статьи применительно к международному коммунистическому движению в целом и каждой революционной национальной партии в отдельности: «Допускать какую-либо дискуссию после единодушного решения партийного съезда — это значило бы превратить партию из революционной армии в дискуссионный клуб, из боевой организации в разношерстный блок течений, воззрений, оттенков, во внутренне неспаянный конгломерат, угрожающий рассыпаться при встрече со всякой трудностью, со всяким испытанием». Автор статьи не уходил от острых вопросов. Он сам их

задавал и четко и ясно отвечал.

Что делала оппозиция? В чем она обвиняла ленинское руководство большевистской партии?

«Оппозиция, следуя за меньшевиками, — отвечал Скворцов-Степанов, — кричала о «термидорианском», о «кулацком» уклоне и перерождении партии, ее главных органов и направляемого ею государства. Ведь оппозиция возвещала, будто эта партия возрождает и выращивает капитализм.

Теперь не остается места никаким иллюзиям оппозиции. Ее клеветническая деятельность, растянувшаяся на целые два года, раскрыта и разоблачена перед всей нашей страной и перед трудящимися всего мира. Не только вся партия, но весь рабочий класс решительно стал на сторону ленинского руководства и против меньшевистских клеветников».

Спустя четыре месяца Иван Иванович в одной из своих последних статей подвел итоги работы состоявшегося в апреле 1928 года Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), отметив, что за истекшее после XV съезда ВКП(б) время еще больше углубился разгром антиленинских группировок. Своими делами за этот короткий промежуток времени партия «сделала очевидным для слепых и ослепленных, что она как была, так и остается партией рабочего класса, находящей крепнущую опору в деревенской бедноте и отыскивающей новые, все более действенные способы вести за собой середняков. Она демонстрировала свою неуклонную большевистскую волю к научной перестройке всего земледельческого хозяйства и к социалистическому преобразованию деревни на путях коллективизации».

Это было написано за несколько месяцев до начала колхозного строительства, и приходится только поражаться прозорливости Скворцова-Степанова, уловившего дальнейшее магистральное направление социалистического преобразования страны и органически связанный с этим комплекс вопросов партийной жизни.

УЧЕНЫЙ. АТЕИСТ. РЕДАКТОР «ИЗВЕСТИЙ»

Если попытаться выделить наиболее характерную особенность Ивана Ивановича Скворцова-Степанова как ученого, то, естественно, это будет его поразительная разносторонность. В самом деле: он прекрасно знал естественные науки, разбирался в технике, был видным экономистом и философом, талантливым историком и атеистом, литературоведом и публицистом.

Вскоре после победы Октябрьской революции в целях дальнейшего распространения знаний о развитии общественной мысли на Западе Скворцов-Степанов перевел с немецкого языка и издал (в 1919 г.) книгу «левого» голландского социал-демократа Германа Гортера «Исторический материализм» с критическими комментариями переводчика. Во втором издании (1924 г.) он поместил обширное послесловие «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм»^[73].

Появление этой работы Скворцова-Степанова вызвало бурную философскую дискуссию. Хорошо ориентируясь в естественных науках, Иван Иванович внес определенный вклад в вопросы взаимосвязи философии и естествознания. Он обстоятельно критиковал философа А. М. Деборина и его последователей за идеалистические концепции, отрыв философских теорий от революционной практики, за недооценку значения революционного переворота, совершенного марксизмом-ленинизмом в философской мысли, и отрицание партийности в философии.

Однако, выступая в целом с правильной критикой антимарксистских взглядов А. М. Деборина, Иван Иванович все же временами склонялся к несколько механистическому истолкованию явлений природы и общества. Вместе с А. К. Тимирязевым, А. И. Варьяшем, В. Н. Саробьяновым и некоторыми другими он порою придерживался механистической точки зрения, а в 1925 году даже опубликовал статью «Диалектическое понимание природы — механистическое понимание», в которой утверждал, что возможна замена философии общими выводами естествознания. В дальнейшем он отказался (так же как и упомянутые механисты) от этих взглядов...

В марксистское обществоведение Скворцов-Степанов вошел как один из лучших знатоков научного коммунизма, талантливейший теоретик

большевистской партии, крупный исследователь истории революционного движения и классовой борьбы, блестящий знаток вопросов научного атеизма. По справедливому замечанию Н. А. Семашко, он «принадлежал к числу самых образованных марксистов современности». Многолетняя революционная деятельность не только не помешала ему стать видным ученым, теоретиком. Напротив, она вдохновила Сковрцова-Степанова на творчество, наполнив его произведения глубоким и ярким содержанием.

Велики заслуги Ивана Ивановича Сковрцова-Степанова в развитии и защите идейной чистоты марксистско-ленинской теории. С момента создания Социалистической академии он уже в качестве ее действительного члена сделал очень много для научной пропаганды учения Маркса — Энгельса — Ленина, подготовки марксистских кадров обществоведов.

Сковрцов-Степанов входил в инициативную группу по созданию на основе решения Пленума ЦК РКП(б) от 8 декабря 1920 года первого в мире Музея по марксизму, который через месяц (1 января) был преобразован в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под руководством В. И. Ленина Иван Иванович вместе с В. В. Адоратским, М. Н. Покровским, Ф. А. Ротштейном, В. А. Невским и другими много приложил усилий в деле становления этого первого научного центра по марксведению.

Когда в первой половине 20-х годов возникла необходимость создания нового центра по изучению, сбору и хранению выдающегося теоретического наследия В. И. Ленина, Иван Иванович также был в числе инициаторов этой идеи, с которой выступили коммунисты Москвы. В течение нескольких месяцев (до создания 28 октября 1923 года Института В. И. Ленина при ЦК партии) при МК РКП(б) работал институт, носивший имя вождя Октябрьской революции. Официально Институт В. И. Ленина как центр всесоюзного характера был открыт 31 мая 1924 года по решению XIII съезда РКП(б). С 1926 года Сковрцов-Степанов — директор Института В. И. Ленина и остался им после слияния двух научно-партийных учреждений — Истпарта и Института В. И. Ленина в одно — Институт В. И. Ленина при ЦК ВКП(б).

Работе по собиранию, хранению и изучению великого теоретического наследия В. И. Ленина Иван Иванович отдавался с особой страстью. Он считал первейшей обязанностью института, носящего имя вождя Великого Октября, исследование и пропаганду ленинского учения и сам показывал в этом деле великолепный пример. Поистине исторической заслугой Сковрцова-Степанова является организация сбора рукописей Владимира Ильича, переписки с ним его соратников, выявление важных фактических

данных из богатейшей ленинской биографии. Иван Иванович выступил одним из первых авторов научных трудов, составивших впоследствии обширную Лениниану, а стал одним из первых историков партии большевиков.

Под руководством Скворцова-Степанова началась подготовка ко второму изданию Собрания сочинений В. И. Ленина. При этом Иван Иванович широко использует свой опыт во время подготовки первого издания сочинений, которое выпускалось под его редакцией совместно с В. Д. Бонч-Бруевичем, М. С. Ольминским и другими. Всю эту многогранную работу Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) Скворцов-Степанов рассматривал как мощный фундамент в борьбе за идейную сплоченность партийных рядов. Придавая огромное значение выпуску ленинских трудов в условиях исключительно напряженной деятельности Центрального Комитета ВКП(б) по обеспечению единства партии, Скворцов-Степанов в записке М. С. Ольминскому писал: «Я сознаю всю ответственность редактирования сочинений Владимира Ильича и отношусь к этому делу с величайшей внимательностью». Собрание сочинений, заявил Иван Иванович на вечере памяти В. И. Ленина, даст ценнейший материал для истории ВКП(б) и для истории русской общественной мысли вообще, для науки об обществе. «Ознакомление с методом работы Владимира Ильича, — подчеркнул он, — будет иметь большое педагогическое и дидактическое значение для всех научных исследователей, для всех научных работников».

Трудно переоценить предпринятое издание Институтом В. И. Ленина «Ленинских сборников», перевод важнейших произведений Владимира Ильича Ленина на иностранные языки и языки народов СССР. В «Записках Института В. И. Ленина», которые стали выходить шире, чем раньше, печатались (наряду со статьями научного характера) воспоминания и библиографические заметки. Работу научного коллектива в институте непосредственно направлял его директор Скворцов-Степанов, прекрасно понимавший историческое значение выполняемых исследований и публикаций. «Это дело, которому почетно отдать все силы, все знания, все, чем наградила вас природа», — любил говорить Иван Иванович и сам следовал этому правилу до последнего вздоха.

Постоянно вел Иван Иванович Скворцов-Степанов преподавательскую деятельность в вузах страны. Он выступал с лекциями в Московском университете (здесь же вели преподавательскую работу Ю. М. Мархлевский, М. Н. Покровский, В. П. Волгин, И. Д. Удальцов и другие видные ученые), на курсах агитационно-пропагандистского актива, созданных по инициативе Я. М. Свердлова (затем — Университет имени Я.

М. Свердлова). Темой его выступлений были не только народнохозяйственные проблемы, но и вопросы новой и новейшей истории, философии, научного атеизма. Непременным пособием для нового поколения студенчества стали, в частности, его научные произведения «Жан-Поль Марат», «Парижская коммуна 1871 г.», «Курс политической экономии» и др. Как указывал сам автор, задачи работы о Парижской коммуне заключались в том, чтобы показать учащимся, студентам и широкому читателю связь «в ее возникновении, существовании и гибели со всеми экономическими отношениями той эпохи и с предшествующей историей рабочего движения».

Он в течение нескольких лет редактировал центральные литературные журналы «Новый мир» и «Красная нива». Известно, например, что трилогия Алексея Николаевича Толстого «Хождение по мукам» впервые появилась в «Новом мире» благодаря настойчивости Скворцова-Степанова. В июне 1927 года он писал, что произведение А. Н. Толстого будет для «Нового мира» «большим приобретением, гвоздем года».

Многолетняя дружба связывала Скворцова-Степанова с Алексеем Максимовичем Горьким. Характерно, что в 1928 году именно Иван Иванович был председателем Комитета по встрече Максима Горького, который прибывал в СССР из-за рубежа, где он лечился в течение нескольких лет. Старый работник «Известий» В. Мартынов писал, что «А. М. Горький и И. И. Скворцов-Степанов во многом были похожи друг на друга. Оба примерно одних лет, оба высокие, костистые, усатые. И оба говорили на «о». Беседуя, они ласково смотрели друг другу в глаза, как влюбленные».

О редакторской деятельности Скворцова-Степанова вспоминал и Федор Гладков: «Помню случай, когда к нему пришел один писатель-коммунист и с отчаянием рассказал о своих мытарствах. Пахло волокитой, формализмом, невнимательным отношением к человеку. Иван Иванович сразу же загорелся и широкой ладонью хлопнул по столу, точно хотел раздавить вопиющую несправедливость. Он неустанно переговаривался по телефону, писал письма, куда-то ездил сам лично и дело довел до конца. А потом, когда явился этот писатель и радостно забормотал ему слова благодарности, Иван Иванович встал и в волнении широко пошагал к нему, обнял его и крепко поцеловал.

— Я очень рад... Бесконечно рад!.. Ну, мы, кажется, оба получили высшее удовлетворение».

К писателям он вообще относился с большой любовью. Общение с ними для него являлось потребностью. Литературу он считал одним из

самых мощных орудий в борьбе за социалистическую культуру. При каждой встрече с каким-нибудь поэтом или писателем Скворцов-Степанов непременно заводил беседу на литературные темы, а его взгляды, как говорили о нем литераторы, на эти вопросы вполне соответствовали внутреннему облику Ивана Ивановича — литература для него была выражением литературного действия.

Исключительно высоко он оценивал, в частности, книгу молодого тогда писателя Федора Гладкова «Цемент». Встретив как-то на лестнице в МГК ВКП(б) автора, он признался:

— Последние два дня по ночам — другого времени нет — я читаю Ваш «Цемент». И я понял, что такое художник — и именно наш художник. — Добродушно усмехаясь в свои пышные усы, он положил руку на плечо писателя и пробасил: — Так вот... Вы должны гордиться. Я считаю, что Ваш «Цемент» — это огромный удар по нашему консерватизму. Это — первая книга о большевиках, о рабочих, строителях нового, социалистического мира.

Немало неизвестных в литературных кругах и среди широкого читателя художественных произведений увидели свет благодаря активному содействию Скворцова-Степанова, замечательно угадывавшего талант. Так были напечатаны воспоминания А. К. Воронского «За живой и мертвой водой», роман С. А. Клычкова «Ертухинский балакирь», о котором затем положительно отзывался А. М. Горький.

В историю советской литературы Скворцов-Степанов вошел и как видный литературный критик. Достаточно обратиться к его статье, посвященной анализу романа Пантелеймона Романова «Русь». Статья появилась в «Известиях» 11 июля 1926 года под заголовком «Предреволюционная Россия в отображении Фирса». Он характеризует П. Романова как легкого юмориста, который скользит по поверхности, не возвышается над обывательским отношением к изображаемым явлениям.

Русь представляется «писательскому взору» П. Романова «большой, рыхлой Фефелой», деревня — дикой, ленивой, жадной, обижающей добрых помещиков и всегда готовой отдаться разрушительному порыву. Рыхлым, благодушным, беззаботно-безвольным, неспособным к борьбе предстает поместное дворянство. Романов десятки раз, отмечал Иван Иванович, «описывает жратвы и попойки своих героев, десятки раз перечисляет их кушанья и спиртные напитки».

Кто же герои «Руси»? Это, как заметил Скворцов-Степанов, книга об «одном болване и нескольких олухах обоего пола». И это главные действующие лица в «монументальном» произведении автора, который

дискредитирует революционную борьбу, унижает и презирает русский народ. Изобличая антинародные убогие измышления Пантелеймона Романова, Иван Иванович писал: «Маленький помещик, крошечный обыватель использовал перо для того, чтобы выразить всю тоску своего желудка, по которому ударила революция. Он жалуется, визжит и скулит. Я не знаю Пантелеймона Романова и не знаю, был ли он владельцем какой-нибудь усадьбы, — или же всего лишь «его дядя видал, как их барин едал».

*

Широкий и действительно всеобъемлющий характер после пролетарской революции 1917 года приняла в стране антирелигиозная пропаганда и атеистическая работа в массах. На этом поприще в полную силу раскрылся талант Скворцова-Степанова как крупнейшего теоретика в области научного атеизма и агитатора. Им были созданы почти все его крупные антирелигиозные произведения, вошедшие в золотой фонд советской марксистско-ленинской литературы по научному атеизму.

Надо учесть, что в первые послеоктябрьские годы антирелигиозная пропаганда приобрела огромное значение, поскольку церковь, продолжая оказывать серьезное влияние на население, активно противодействовала строительству новой жизни. Требовалась кропотливая, а по многим вопросам тонкая работа в массах, и решительно начавшемуся вскоре отходу миллионов трудящихся от религии и церкви в немалой степени содействовали атеистические произведения Скворцова-Степанова, Ем. Ярославского и других видных соратников В. И. Ленина. Их труды пронизывали основополагающие ленинские идеи, мысль о необходимости при проведении разъяснительной работы хорошо знать сам предмет критики, не допуская в этой сложной агитации акций, оскорбляющих чувства верующих.

Нельзя было, проводя терпеливую работу среди граждан, продолжавших верить в бога, не учитывать, что и церковники не сидели сложа руки, используя малейшие промахи атеистов в своих целях, раздувая отдельные перекосы в антирелигиозной пропаганде до внушительных размеров. Еще миллионы трудящихся в стране не умели читать и писать, что было также питательной средой для насаждения религиозного дурмана, для восприятий призывов духовенства. Оставался пока очень сильным и весь аппарат церкви — от патриарха до псаломщиков и церковных старост, священников и дьячков. Немало было случаев их прямой смычки с

антисоветскими организациями.

Контрреволюция возлагала на церковь немалые надежды. Сам патриарх Тихон (В. И. Белавин) возглавил настоящий «крестовый поход» против Советской власти: в своем послании от 19 января 1918 года он предал анафеме органы рабоче-крестьянской власти и призвал православных не подчиняться распоряжениям народного государства. По решению собора Русской православной церкви состоялся крестный ход, который должен был дать, как надеялись его устроители, толчок к массовым антисоветским выступлениям верующих по всей России. В этот же день Скворцов-Степанов выступил в газете «Социал-демократ» с боевой статьей «Поповский поход», пригвоздив к позорному столбу организаторов «церковной контрреволюции». Своим походом, говорилось в статье, церковь хочет заставить темные массы страдать и бороться за эксплуататорские интересы. Для разоблачения лицемерия князей православной церкви Иван Иванович умело использовал библейские легенды, что еще больше усиливало его аргументацию.

В том же году он публикует брошюру «Беседы о вере» (за 1918 год она была выпущена дважды массовыми тиражом), в которой коснулся многих вопросов религии и атеизма: воспитывает ли религия нравственного человека, как возникает вера в приметы и вещие сны, можно ли верить в колдовство и заклинание и др. Автор работы отвечал на все эти вопросы живо и просто, на материале, доступном и понятном массе.

Высокое научное качество сочеталось с живым, ярким и красочным описанием в работе «Благочестивые размышления», которая была написана Иваном Ивановичем в то время, когда молодое Советское государство находилось в тисках блокады и отбивалось в жестоких сражениях гражданской войны. Еще миллионы трудящихся находились в плену религиозного дурмана, который постоянно использовали в своих интересах враги народного строя. Автор показал вред религиозных верований в строительстве нового мира. Он, как отмечалось в центральной печати, сумел, исходя из материала самих «житий» вымышленных «святых», обнажить классовые корни религии и показать ее классово-эксплуататорскую роль.

По решению правительства вскоре был учрежден рассчитанный на пропагандистов и широкие массы журнал «Революция и церковь». Сотрудничество в нем Иван Иванович считал своим партийным долгом. Коммунизму, как подчеркнул Скворцов-Степанов в статье «Религия и общественный строй», помещенной в журнале, не нужны религиозные постулаты. Высшим его существом будет сам Человек, строитель нового

мира. На конкретных примерах из истории автор показал, как церковь на всех этапах развития человечества оказывала услугу имущим слоям, укрощая массы, держа их в повиновении. Теперь этому пришел конец.

На погромные антисоветские проповеди церковников, активно сопротивлявшихся мерам рабоче-крестьянского правительства, Скворцов-Степанов ответил целой серией ярких и страстных антирелигиозных статей: «Новое послание первосвященника Тихона», «Сбавили тону», «Благословения», «Проклятие», которые вошли в брошюру «Религия, духовенство, его доходы, его проклятия и благословения», вышедшую в 1918 году. Как отмечал М. С. Ольминский в «Правде», «это на редкость интересная, увлекательная книжка. В самых простых словах автор рассказывает, какую роль играет духовенство в воспитательной и политической жизни страны». Он рекомендовал всем прочесть работу Ивана Ивановича: «И прочтет ее с интересом даже человек, давно усвоивший правильный взгляд на религию и духовенство. Эта книжка обязательно должна иметься в каждой — даже небольшой — рабочей, крестьянской и красноармейской библиотеке».

В своем послании о Брестском мире от 2 марта 1918 года патриарх Тихон, предвкушая, как ему казалось, победу германских оккупантов и карателей, призывал «подчиниться мечу Вильгельма Второго». Иван Иванович дал уничтожающий ответ на этот враждебный выпад. Первосвященник Тихон хочет убить у бедноты всякое помышление о том, что общество можно устроить по-другому, отметил он. Подобно Тихону, украинские первосвященники не нашли ободряющих слов для восставших против захватчиков крестьян, а скорее всего призовут их покорно принять германское нашествие как «выражение гнева божия и покорно склонить перед ними свою волю».

Создавая статьи-памфлеты на антирелигиозную тему, Иван Иванович стремился дать в них ответ на обычный вопрос, мучивший верующих: почему в первые послеоктябрьские годы православная и другие церкви страны заняли антисоветскую позицию, стали «по другую сторону баррикад»? И делал это блестяще. Недаром его выступления, печатные работы за короткий срок приобрели широчайшую популярность и авторитет среди пропагандистов и в читательской массе. И недаром именно его выдвинули общественным обвинителем на судебном процессе над патриархом Тихоном.

Конечно, больше всего верующих находилось в деревне, в массе своей неграмотной. Учитывая это, Иван Иванович ряд работ посвятил специально атеистическим беседам с крестьянами. В трех номерах газеты

«Правда» за декабрь 1919 года он публикует статью «Житие чудотворца Николая». Это была талантливая, по общему признанию, чрезвычайно своевременная публикация, в которой очень нуждались сельские антирелигиозники: в тот период число почитателей этого «чудотворца» среди деревенского населения было весьма велико. Спокойный, доверительный тон статьи, неоспоримые факты, четкая логика его суждений заставляли задумываться заблуждавшихся, ставили в тупик «церковных агитаторов». По признанию самого Скворцова-Степанова, в первые послеоктябрьские годы «профессия антирелигиозника» сделалась для него почти что «главной профессией».

А когда Иван Иванович закончил свой труд по электрификации, Владимир Ильич в своем письме автору предложил: «...Напишите еще (отдохнув сначала, как *следует*) такой же томик по истории религии и *против всякой* религии (в том числе кантианской и другой утонченно-идеалистической или утонченно-агностической), с обзором материалов по истории атеизма *и по связи с буржуазией*»^[74]. Из этих строк видно, как вождь революции ценил творческий талант, широту знаний Скворцова-Степанова и в этой области.

Неотложность этого поручения диктовалась тем, что церковная агитация в те годы приобрела внушительные размеры.

В предисловии к сборнику статей «Коммунизм и религия» (1922 г.) Иван Иванович обратил внимание на то, что поповщина неплохо использовала трудности объективного порядка в стране и субъективные настроения, «развив религиозную агитацию и пропаганду до крайних пределов напряженности». Учитывая это, МК РКП(б) образовал специальную Комиссию по организации антирелигиозной пропаганды, выпуску атеистической литературы, подготовке кадров антирелигиозников. Во главе со Скворцовым-Степановым комиссия развернула активную работу среди верующих. В антирелигиозную пропаганду были вовлечены лучшие силы Московской партийной организации. Успешно выполнял Иван Иванович и другое поручение Центрального Комитета РКП(б) на этом участке идеологического фронта, который был основным наравне с хозяйственным и военным: с декабря 1921-го и до самой своей кончины Скворцов-Степанов активно участвовал в работе Антирелигиозной комиссии при Агитпропе ЦК партии. 19 октября 1922 года в присутствии В. И. Ленина на заседании Политбюро комиссия была утверждена в новом составе. В нее вошли: И. И. Скворцов-Степанов, А. В. Луначарский, Г. В. Чичерин, В. Р. Менжинский, Е. М. Ярославский, П. А. Красиков, В. Д. Бонч-Бруевич, П. Г. Смидович и другие.

Разоблачительные речи и статьи Ивана Ивановича вызывали ярость церковников. Письма с угрозами и проклятиями не раз приносила ему почта. Однако эти действия священнослужителей и их подпевал не смущали убежденного атеиста-большевика. «Неистовствами церковников, — как-то признался он Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, — я вполне удовлетворен. Значит, мои стрелы попадают в цель».

В другой публикации в этом журнале об итогах антирелигиозной борьбы Скворцов-Степанов постоянно обращал внимание на то, что агитационная антирелигиозная работа должна быть всегда систематической и непрерывной. Она не должна отставать от стихийного, бурного роста антирелигиозных настроений. И лектор-атеист обязан владеть материалистическим пониманием природы, уметь научить слушателей наблюдать, самостоятельно схватывать суть явлений окружающего мира. Таким образом, заключал он, партия большевиков антирелигиозную работу тесно связывает с борьбой за научное мировоззрение. Всякая толковая лекция, беседа неизбежно базируются на знании астрономии, основ антропологии, биологии, химии, физики и других наук о природе и наук об обществе, законах его развития.

Несмотря на трудности военных лет, разруху, «бумажный голод», уже в первые годы Советской власти атеистические работы Скворцова-Степанова были изданы не только в Москве и Петрограде, но и в Твери, Курске, Екатеринбурге, Вятке, Харькове, Полтаве, Одессе и других городах страны.

Одним из центральных теоретических произведений Ивана Ивановича по научному атеизму была его статья «Религия и общественный строй» (1920 г.), где анализируется роль религии в истории общества. Давно миновала пора, когда буржуазные философы и ученые склонялись к неверию. Придя к власти, буржуазия решила, что без бога слишком трудно управлять народными массами. И чем быстрее приближается крах капиталистического общества, тем сильнее тянется буржуазия к религии. Ее ученые и философы, «смущенные, запуганны!» грандиозными переворотами, назревающими в глубинах общества», хотят задержать эти перевороты, стремятся во что бы то ни стало поставить предел человеческому мышлению и познанию. И находят этот предел в идее бога — последнем якоря спасения гибнущего старого мира. В действительности это не якорь, а соломинка для утопающего.

«В числе первых докладов и сообщений, — рассказывал Михаил Горев-Галкин, — с которыми познакомился только что вновь приступивший к работе в 1922 году Владимир Ильич Ленин, был доклад

Ивана Ивановича о «каких-то диковинных «советских попах».

Через несколько дней Иван Иванович выступил с чтением своей новой статьи-книжки «О живой церкви». Искусной рукой он смыл грим — румяна и белила — с молодящейся старушки, появление «живых церквей» определил как политическую мимирию поповства, призывал к борьбе со всякими церквами, прорвав тем самым «заговор молчания» печати по отношению к карточным домикам «живых церквей».

Агитпроп ЦК РКП(б), отметил он, дал четкую и ясную оценку обновленческого движения в православии, имевшего место в то время: «Живая церковь» остается церковью, измененная, обновленная религиозная догматика остается догматикой, находящейся в непримиримом противоречии с наукой, сама по себе церковная организация остается эксплуататорской организацией, строящей свое материальное основание на умелом использовании темноты и невежества масс».

Остановившись на этой партийной характеристике «живой церкви», Скворцов-Степанов перешел к сравнительной оценке старой церкви и обновленчества. «По историческим условиям своего развития, — подчеркнул он, — всякая церковь превращается в громадный эксплуататорский аппарат, всякая религия становится идеалистическим орудием эксплуататоров, всякое духовенство является частью эксплуататорских классов».

— А каковы же причины появления этой «живой церкви»? — неожиданно спросил кто-то из зала.

— Мне думается, — тотчас же ответил Иван Иванович, — причины острого конфликта в русском православии надо связать с историей православной церкви и отношением ее к Советской власти. Сейчас поясню, — продолжал он, уловив некоторое недоумение на лице у сидевшего сбоку активиста в солдатской шинели. — Более умная, сообразительная и современная часть духовенства увидела, какие опасности несет агитация Тихона для духовенства, церкви и религии. Она поняла, что, когда Советская власть и РКП раскроют массам глаза на действительный характер борьбы, начатой и возглавляемой Тихоном, даже в отдаленных деревнях отвернутся от церкви Тихона, а затем и от всякой религии.

Иван Иванович сделал паузу, заметив, как сосредоточенно записывает один красноармеец:

— Единственно разумное, что остается перед церковью в Советской России, единственное, что она может сделать для своего самосохранения, — это круто повернуть фронт по отношению к Советской власти.

Это нужно для самой церкви. Этого требуют профессиональные

интересы духовенства.

Скворцов-Степанов, проявляя высокую принципиальность, выступал с критикой тех товарищей, которые допускали ошибочные толкования различных аспектов религии и научного атеизма. Не останавливала его в этом и многолетняя дружба: личные связи не могли стоять выше столь важнеего дела. Убедительно свидетельствовал об этом следующий эпизод.

В конце 1923 года народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский выступил в журнале «Красная новь» со статьей «Мораль и свобода», в которой предлагал «ввиду того, что мирозозерцание марксизма всеохватывающее и дает удовлетворение все той жажде, которая прежде утолялась религией, не чуждаться признавать и марксизм — это и Дицген признавал — тоже *религией* высшего порядка».

На это непродуманное предложение Иван Иванович ответил критической статьей, напечатанной в «Большевике», — «Истинное христианство» в откровении тов. Луначарского». Скворцов-Степанов не мог допустить, чтобы среди тех, кто вольно или невольно помогал обновленцам в их стремлении создать «советскую церковь», оказались и такие видные революционеры, как Луначарский.

Не без основания Скворцов-Степанов предсказывал, что в стране появятся священники, которые, подобно христианским социалистам на Западе, будут считать, что «идеалы научного коммунизма одинаковы с идеалами «чистого христианства». В первые годы революции не раз раздавались возгласы «охристианить классовую борьбу», соединить некоторые догматы православной церкви с... социализмом. А выступления в печати видных деятелей партии и государства с ошибочными положениями вполне могут «сыграть на мельницу» поповской братии, часть из которых уже вообразила, что Советская власть не может не обзавестись своей «советской церковью». Поэтому, рассуждали они, скорейшее признание ими нового строя поможет-де и занять привилегированное положение, и сохранить свои нетрудовые доходы (и вообще удержаться «до лучших времен»).

«...Никакая церковь, — подчеркивал Скворцов-Степанов, — не может быть живой, никакое духовенство — прогрессивным, никакая религия — современной».

Как организатор антирелигиозной пропаганды. Скворцов-Степанов руководил подготовкой пропагандистов по атеистическим темам, периодически выступал на семинарах, работавших при Московском Комитете РКП(б). Он выступил одним из создателей Союза воинствующих

безбожников, на первом съезде которого в апреле 1925 года выступил с основным докладом о задачах антирелигиозной пропаганды. Им же были подготовлены методические пособия для атеистов «Религия в школе» и «Задачи и методы антирелигиозной пропаганды» и др. В них он обращал внимание всех работников атеистического фронта на то, что борьба с религией не имеет для марксистов самостоятельного значения: это — просто один из моментов классовой борьбы, и вместе с тем борьбы за современное научное мировоззрение. Антирелигиозная деятельность, пояснял он, всегда должна сочетаться с пропагандой научного познания мира; антирелигиозник постоянно должен работать рука об руку с историком и естествоиспытателем... Наука тем и отличается от религии, от веры, что там, где религия утверждает, вещает, наука говорит: исследуй, учись, постоянно учись, иди вперед и ввысь, в познание природы и общества.

Пристальное внимание обращал Иван Иванович на пропаганду и привитие атеистических идей в советской школе. Он считал, что всякий день, проведенный ребенком в стенах учебного заведения, когда он узнает что-то новое в произведении и окружающей действительности, в области истории и географии, есть удаление от бога, от религии, от ее миропонимания. И пусть это прежде всего поймут учителя.

Однако, чтобы довести до сознания широких масс трудящихся зерна атеистической пропаганды, надо знать историю религии, мифологию, умело ориентироваться в библейских легендах, без чего трудно объяснить происхождение религии. Разумеется, при этом следует всесторонне учитывать уровень аудитории.

— Нужно ли осмеивать библейские сказания? — спросил однажды Иван Иванович группу молодых атеистов, которые собирались в агитпоход в окрестные деревни Московской губернии. И сам ответил: — Это, конечно, легко сделать. Но принесет ли это пользу? Такой подход допустим только в отдельных случаях и только к некоторым слушателям. Здесь мыслима опасность обратного результата: от осмеяния получается обида, от обиды человек начинает топорщиться. Такими способами ту тупость и ту слепоту, которая лежит в основе всякой религиозности, мы не разобьем, а скорее укрепим.

Лишь в исключительных случаях Скворцов-Степанов выступал за снос монастырей и церквей — когда они не имели архитектурно-исторической ценности.

Далеко не всегда был оправдан снос, разрушение и закрытие многих церквей (нередко и вопреки желаниям населения). Некоторые из них представляли историко-архитектурную значимость. «Мы должны прямо

признать, — говорил Скворцов-Степанов на первом Всесоюзном съезде безбожников, — что делали глупости с закрытием ряда церквей. Иногда с этим действовали очень торопливо и во многих случаях навредили самой антирелигиозной пропаганде. Приносили, в частности, вред, особенно в деревнях, «комсомольские пасхи» и наспех организованные карнавалы».

Могла ли одна лекция, один диспут превратить верующих в атеистов? Едва ли. Хотя свидетели уверяли, что с тех митингов и вечеров, на которых выступал Иван Иванович Скворцов-Степанов, немало верующих уходили, усомнившись в догмах православия, в авторитете «святых отцов», а бывало, и самого господа бога.

Бывший священник М. В. Горев-Галкин, ставший активным антирелигиозником, так рассказывал об одном выступлении Ивана Ивановича в здании второго Госцирка в Москве, сверху донизу забитого публикой:

«Бурными аплодисментами, прямо восторженной овацией встречается появление Скворцова-Степанова.

Вся Красная Пресня здесь. Она-то Ивана Ивановича знала!

Был первый день «великого поста».

— Сегодня как будто у православных пост, — раздается в затихшем зале голос Ивана Ивановича, и улыбка дрожит в этом голосе. — Думается, что и нам, братие, будет небесполезно в эти дни тоже заняться «благочестивыми размышлениями».

Аплодисменты. Смех. Начинается разговор «по душам». Скворцов-Степанов прохаживается во время выступления по сцене. Приводит типичные примеры. Не скрывает трудностей, перегибов в антирелигиозной работе. Рассказывает о данных науки, о силе человеческого разума, о недопустимости оскорбления чувств верующих, о политике государства в просвещении масс...

Доклад окончен. Зал бурно рукоплещет. Немало слушателей покидает его с большим недоверием к догмам религии».

В начале 20-х годов антирелигиозная пропаганда в Стране Советов заметно активизировалась. Однако отсутствие четких программ, методики и учебников по атеизму затрудняло работу преподавателей, пропагандистов и лекторов. Ввиду этого ЦК РКП(б) в октябре 1920 года «постановил поручить нескольким ответственным партийным литераторам»: А. С. Бубнову, В. В. Воровскому, Н. М. Лукину, М. Н. Покровскому, И. В. Сталину, Ю. М. Стеклову, И. И. Скворцову-Степанову и другим — составление этих учебников. По предложению Владимира Ильича Ленина Скворцову-Степанову предлагалось в полуторамесячный срок написать

учебник «О религии» для совпартшкол и атеистических работников, в связи с чем он освобождался от текущей партийной работы.

Иван Иванович выполнил и это ответственное поручение В. И. Ленина: в 1921 году им был создан «Очерк развития религиозных верований», который был издан как пособие для слушателей партийных и советских школ. Сам автор не считал его законченным исследованием, скромно отметив, что этот популярный очерк «послужит канвой для наших лекторов и пропагандистов». Книга много раз переиздавалась и в течение десятилетия считалась основным пособием по истории религии, первым в советской литературе систематическим марксистским курсом о происхождении ранних форм религии — религии классового общества.

Условия и обстоятельства возникновения религии, по мнению Ивана Ивановича, должны рассматриваться с большой осмотрительностью. Основным источником он считал данные археологии и этнографии, но и они требовали тщательной проверки, сопоставлений, ибо «первыми европейцами, являвшимися во вновь открытые страны и на острова, были купцы и миссионеры (попы и монахи). В то время как купцы, почти не отличавшиеся от разбойников, предавались грабежу, миссионеры принимались за обращение дикарей в христианство и вступали с ними в разговоры о вере». И вот эти рассказы миссионеров были порой чуть ли не единственным источником для буржуазной науки. Ну а миссионеры не скупились на сочинительства...

Так что причины возникновения религии, подчеркивал Скворцов-Степанов, надо искать не только в невежестве древнейшего человека, а скорее в общественно-исторических условиях и обстоятельствах его бытия.

В течение многих лет важными пособиями советских атеистов были переведенные Скворцовым-Степановым в первые годы Советской власти две книги немецкого историка и этнографа Генриха Кунова «Возникновение религии и веры в бога» и «Происхождение нашего бога». Особенно много потрудился Иван Иванович над первой книгой: по существу, это был новый авторский текст. Он лишь использовал фактический материал, собранный Г. Куновым, а целые разделы написал заново. Предисловие Ивана Ивановича к книге «Возникновение религии и веры в бога» понравилось Н. К. Крупской, которая отметила: «Очень важно и хорошо написано предисловие Степанова, в котором он дает примеры того, как у нас в России во время революции церковь стояла на стороне помещиков, указывает на необходимость преодоления религии (а не только ее обезвреживания), на противоречия религиозного воззрения с достижениями современной науки, на необходимость воочию показать

это».

В своих работах Скворцов-Степанов разоблачат ухищрения служителей церкви, которым покорно верили наивные граждане, страшащиеся «страшного суда».

— Я узнал, — рассказывал на одной деревенской сходке на Рязанщине Иван Иванович, — что первосвященники во времена засух и затяжных дождей обнаруживали необыкновенный интерес к тому, что делается на метеорологической обсерватории... И по телефону, и через посыльных, и прямо, и стороной митрополит наводил справки: не предвидится ли перемен в погоде? И назначал молебствия лишь после того, как получал утешительные сведения.

Смущение собрания переходило в возмущенный ропот:

— Грех-то какой!

— Не просто грех, — возражал докладчик, — а обман доверчивой паствы. Прогноз науки выдается за божественное предвидение!

В самом деле, показывает Скворцов-Степанов в брошюре «Беседы о вере», засухи и потопы, голод и мор, пожары и войны, победы и поражения, убийства и грабежи — все могут жрецы христианства обращать на пользу себе. «Благодарственное молебствие за удачу и урожаи, моление о прекращении засухи или заразы, панихиды по скончавшимся и убиенным — все они превратили в товар, в источник дохода».

В спокойных тонах, как бы беседуя с читателем, разбирает Иван Иванович многочисленные примеры из четырнадцатитомного синодального издания «Жития святых» в книге «Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях к спасению» (1920 г.). Неоспоримыми доводами развенчивает он церковных кумиров — святых.

С иронией рассказывал Иван Иванович о похождениях церковных героев, их постоянную борьбу с бесами, их самобичевание и умертвление плоти. Глупыми и невероятными выглядят «подвиги благочестия» святых, которые порой сильно смахивают на чудачества и придурь. Нередко святые и отшельники предстают перед читателями как юродивые и сумасшедшие, развратники и богохульники, лжецы и алчные тунеядцы.

С большим основанием устами советского рабочего и крестьянина Иван Иванович Скворцов-Степанов заявлял: «Ваши святые — не мои герои, не мой идеал. Им суждено погибнуть вместе с миром помещиков и капиталистов: с его богом, его ангелами и его дьяволами — со всеми этими признаками, страхом перед которыми угнетатели хотели держать угнетенных в покорности». Гневом наполнены те страницы, в которых

описывается вся фальшь благочестия. Оно то и дело оборачивается стяжательством и корыстолюбием. Ангелы и бесы, если вдуматься в их проделки и поступки, выглядят вздорными существами и ханжами. Подчеркивая все это, автор умело обнажает рельефный классовый характер религии.

Е. М. Ярославский считал книгу Скворцова-Степанова «Благочестивые размышления» одним из «народных произведений», которое напоминало лучшие книги французских просветителей XVIII века, а также яркие работы Поля Лафарга.

Рядом с этой широко популярной работой можно поставить небольшой памфлет «О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах», созданный Скворцовым-Степановым в 1921 году. На емкость вывода обратила внимание Надежда Константиновна Крупская: «Нет веры неправой и правой. Нет истинных и ложных богов. Все веры неправые, все боги выдуманные, созданные человеком. Нет чудес, совершаемых божественной силой. Есть чудеса, творимые трудом и умом человека». Журнал «Книга и революция» отмечал «превосходный язык у автора: простой, не подделывающийся под народную речь, но идущий прямо к сознанию читателя».

В том же году Иван Иванович закончил и издал брошюру «О таинстве святого причащения», о которой также высоко отозвались Е. М. Ярославский и Н. К. Крупская. Недаром брошюра издавалась в стране 15 раз! И на русском и на других языках.

Всем верующим рекомендовал прочесть работу Ивана Ивановича «Мысли о религии» Емельян Ярославский — еще одну содержательную книгу, созданную в те годы. (С 1922 года брошюра «Мысли о религии» выдержала шесть изданий.) «Мысли о религии», заметил Е. М. Ярославский, «проясняют сознание людей, разгоняют религиозный дурман, как разгоняют лучи солнца ночной мрак». Столь же высоко оценивала это атеистическое произведение советская массовая печать. Один рецензент в журнале «Книга и революция» отмечал, что «Мысли о религии» — «удивительно ясные и точные тезисы безбожия. Ни одного лишнего слова, мысль заострена, и закалена, и, кажется, способна прожечь мозг верующего. Это — не цветничок голых афоризмов и вялых сентенций, но геометрия Атеизма, сборник теорем, приноровленных к пониманию каждым грамотным человеком». А по словам старого большевика П. И. Флеровского, надо вручить книгу Ивана Ивановича «каждому агитатору, каждому рядовому коммунисту и широко распространить ее среди рабочих и крестьян».

Последней крупной в серии антирелигиозных книг Скворцова-Степанова можно назвать подготовленную в 1924 году работу «О вере в бога и вере в дьявола», в которой рассмотрена одна из самых черных и страшных страниц в истории христианской церкви — святая инквизиция и процессы против ведьм и колдунов.

Когда в один из майских дней 1924 года Ивана Ивановича попросила выступить комсомольская ячейка одной из фабрик Замоскворечья, он в самом начале вечера попросил сразу задавать ему вопросы по всем неясным проблемам атеизма и религии. Среди полученных в числе первых оказался вопрос о том, что такое инквизиция.

— Я сейчас закончил книгу именно на эту тему, — начал Скворцов-Степанов с явным удовольствием. — Поэтому сразу готов ответить. Христианская церковь, политическая наследница Древнего Рима, сосредоточила в застенках инквизиции все средства мучительства, до которых додумались эксплуататоры прежних веков, и бесконечно умножила эти средства своими собственными новыми изобретениями.

На многочисленных примерах Иван Иванович рассказал, как церковь расправлялась с оппозицией феодальному строю. «Святая» инквизиция пыталась кострами, на которых горели сотни тысяч невинных жертв, запугать миллионы эксплуатируемых, отбить у них охоту сопротивляться власти феодалов, и уничтожить все подлости средневековья. Только неопишуемые пытки, подчеркивал он, заставили некоторых несчастных «сознаться» в отношениях с... дьяволом. А немало слабовольных людей невольно начинали верить в фантастические обвинения, исходившие от церковников.

— Такова мрачная действительность былой победы христианства над язычеством, — заключил в притихшем зале Скворцов-Степанов. — Для психиатра, для историка, вообще для науки между христианскими святыми и христианскими ведьмами нет никакой принципиальной разницы. Хочешь и признаешь святых — признавай и принимай ведьм. Смеешься над колдовскими воздействиями на дьявола — осмеивай и магические воздействия на бога. Отвергаешь существование дьявола — отвергай и существование бога.

Антирелигиозный вечер закончился поздно, но Иван Иванович не жалел о том, что некоторые срочные дела пришлось на это время отложить. Решил пройтись до дому с группой слушателей. Вопросы продолжали поступать и «на ходу». Понравилось одно выражение попутчика. Выходит, нет бога без дьявола и нет дьявола без бога?!

— Выходит, так, — ответил Скворцов-Степанов и, обняв за плечи

юношу, добавил: — Нет веры без суеверий, и нет суеверий без веры. И здесь все это взаимосвязано.

— Над чем по атеизму вы еще работаете? — спросил тот же комсомолец.

— Начал работать в прошлом году над краткой историей Русской православной церкви, уже написал часть задуманного, дальше дело идет медленнее. Свои сомнения проверяю вот на таких вечерах-встречах, как только что закончившийся и немного продолжающийся, — засмеялся докладчик...

Скворцов-Степанов часто выступал с антирелигиозными докладами и лекциями в других городах и губерниях страны. Так, в январе 1919 года он выступал 18 раз, в феврале — 12 раз, а в марте — 22 раза. Он был одним из борцов за просвещение масс, принадлежал к славной когорте большевистских пропагандистов — представителей научного атеизма, в которую также входили Б. Д. Бонч-Бруевич, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский, П. А. Красиков и ряд других соратников В. И. Ленина. По мнению Емельяна Ярославского, трудно найти «еще одного такого же последовательного атеиста, безбожника-материалиста, каким был тов. И. И. Скворцов-Степанов». Это воинствующий атеист, «равного которому в нашем Союзе не было (не считая В. И. Ленина). Он умел подходить к самому темному человеку, разъясняя ему большую мысль... Он дал нам, безбожникам, образцы умелого пользования религиозными литературными произведениями, религиозными и народными сказаниями для антирелигиозной пропаганды». При этом, как заметил Н. П. Мещеряков, «антирелигиозная пропаганда никогда не снижалась до поверхностного балагурства, его брошюры были всегда построены на тщательном изучении истории и данных естественных наук».

Не признавая в этом деле громких агитационных фраз, Скворцов-Степанов как-то по-особому умел подойти к верующим. Рассказывая о своей поездке с антирелигиозными лекциями по городам и селам Украины, он обращал внимание на то, что вопросы религии и атеизма повсюду привлекали большие массы слушателей. «Вся аудитория живет. И что особенно важно, слушает сочувственно. Лекции двухчасовые и более не удрочают публику. Когда после такого, отвечая на записки, говоришь, что публика, конечно, устала, требуют, чтобы говорил больше и больше: «Это можно слушать всю ночь».

Поэтому Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, выдающегося пропагандиста-антирелигиозника, друзья в шутку называли «святым Иоанном» и «патриархом безбожников».

Как-то в мае 1928 года в беседе со своим другом детства и юношества Матвеем Петровичем Смирновым Иван Иванович Скворцов-Степанов признался, что, пожалуй, из многочисленных обязанностей и поручений, которые он выполняет, больше всего ему по душе работа в газете. «Я давно мечтал о журналистской деятельности, — продолжал он, — но быть руководителем такой газеты, как «Известия», никак не думал...».

Газета «Известия», несомненно, была любимым детищем Ивана Ивановича, становлению и послереволюционному развитию которой он отдал много энергии и сил. В мае 1925 года Иван Иванович, освободившись от ряда других постов и поручений, сконцентрировался на работе в «Известиях» в качестве ее ответственного редактора и оставался им до последних дней своей жизни. «Я по натуре больше всего газетчик», — читаем в одном из его писем М. Н. Покровскому.

Старые сотрудники «Известий» помнят тот день, когда в редакцию пришел новый ответственный редактор — Скворцов-Степанов. Все без особого приглашения сразу собрались в комнате редактора.

— Речей и тем более нравоучений и поучений не будет, — прищурясь и обводя всех добрыми глазами, заметил Иван Иванович. — Прежде всего надо быть патриотом своего дела. Каждый из нас должен стать в полном смысле слова патриотом нашей газеты. И вообще, надо полагать, у нас работа наладится. Я с «Известиями» никогда связей не прекращал. А теперь пойдемте посмотрим ваши рабочие места.

Он обошел все отделы, осмотрел типографию и цинкографию, успел поговорить с рабочими. Уже вскоре он знал каждого сотрудника в лицо и называл безошибочно по имени и отчеству. Приходил в редакцию ежедневно в шесть часов вечера и работал, как правило, до поздней ночи. Постоянно интересовался тиражом газеты, ее популярностью, доходчивостью материала.

Его часто видели в полиграфическом комбинате «Известий». Иван Иванович использовал это время и для бесед с рабочими, общение с которыми он считал превосходной школой для журналиста, — сколько дельных советов услышал он в результате таких, даже кратких, встреч. Штатный состав был обновлен лишь частично, во многом улучшению работоспособности редакции содействовало более рациональное распределение сотрудников (на основе выводов созданной специальной комиссии).

Перед новым ответственным редактором стояла важная задача — добиться превращения газеты в подлинно правительственный орган, значительно расширить освещение вопросов внутренней политики Советского государства. Улучшению содержания номеров «Известий» способствовал прежде всего рост теоретического уровня материалов. Тон этому задавали статьи самого Скворцова-Степанова по наиболее злободневным вопросам социалистического строительства того времени. Заметно расширился и авторский состав.

На страницах «Известий» читатели знакомились со статьями руководителей партии и правительства, ученых и общественных деятелей. Здесь получили возможность излагать свои взгляды и вносить деловые предложения тысячи новых рабселькоров с мест. Только в номере газеты за 7 ноября 1925 года редакция опубликовала статьи М. И. Калинина, А. С. Енукидзе, Е. М. Ярославского, А. С. Бубнова, Л. М. Красина, И. С. Уншлихта, Н. И. Подвойского, запоминающиеся корреспонденции рабочих и крестьян по самым актуальным вопросам строительства новой жизни. Шел разговор о будущем...

В соответствии с указаниями XIV съезда партии «Известия» сделали немало для привлечения общественного мнения к борьбе за режим экономии. Этими вопросами занимались лучшие журналисты. С 4 марта 1926 года в газете по предложению Скворцова-Степанова была введена специальная рубрика «За режим экономии». Вот только несколько заголовков материалов за довольно короткий срок: «Лишние учреждения и штаты», «Отвечает потребитель или заготовитель?», «Местные парторганизации и режим экономии» и др. Критический материал был сконцентрирован в разделе «Гримасы режима экономии» — своего рода «черная доска» газеты.

Движение за режим экономии, рациональное использование ресурсов вызвало усиленный поток писем читателей что привело к появлению в июне 1926 года новой рубрики «Отклики читателей». За короткий срок обновились или созданы были корреспондентские пункты в Твери, Минске, Харькове, Тифлисе, Новосибирске, Владивостоке, ряде городов Средней Азии, с которыми Иван Иванович поддерживал постоянную связь.

Для тщательного анализа поступавших с мест писем, проверки сигналов трудящихся и устранения недочетов, о которых сообщали читатели на одной из летучек, ответственный редактор предложил создать новый отдел. В октябре 1926 года заведующим этого бюро (отдела) назначается один из лучших журналистов газеты, А. Д. Аграновский.

Особой заботой Скворцова-Степанова было налаживание работы

отделов «Советское строительство» и «Партийная жизнь». Трудно было найти вопрос, связанный с созданием нового общества, который не получил бы отражения на страницах «Известий», — будь то вопрос о подготовке коллективизации или жизни национальных районов, проблемы промышленности или положение в зарубежных странах. Широкий отклик получили очерки «У Полярного круга Чукотского полуострова», «Хакасия», «По Прибалхашью» и другие.

Повышению авторитета газеты в массах активно способствовал сложившийся за сравнительно короткое время коллектив талантливых публицистов и писателей. Среди них — М. С. Шагинян, П. А. Павленко, Л. М. Рейснер, В. Г. Лидин, Д. И. Заславский. Иван Иванович смело привлекал молодых литераторов к сотрудничеству в «Известиях». «Я не могу не вспомнить с глубокой благодарностью старого большевика тов. Скворцова-Степанова, — говорил писатель Лев Кассиль, — чье внимание согрело меня на самых первых порах моей работы в «Известиях».

Продолжал активно сотрудничать в газете Демьян Бедный. Один из стихотворных фельетонов, опубликованных в «Известиях» в марте 1927 года под заголовком «Разговор с редактором...», Демьян Бедный начинал следующими словами:

Скворцов-Степанов мне звонит,
Иван Иванович мне бубнит,
Редактор-друг меня торопит...

Действительно, Скворцов-Степанов часто обращался к поэту с просьбой срочно откликнуться на то или иное событие в мировой политике, внутренней жизни СССР, подготовить очередной материал в номер. И поэт-революционер охотно выполнял все просьбы своего друга-редактора.

Благодаря настойчивости Скворцова-Степанова сравнительно скоро газета «Известия» получила новую типографию, оснащенную по тому времени более совершенной полиграфической техникой. Внешний облик газеты поэтому заметно изменился в лучшую сторону. Например, все чаще стали появляться броские выразительные фоторепортажи, дополнявшие весьма удачно статьи и заметки корреспондентов, очерки писателей и журналистов.

Как ни перегружен был ответственный редактор, он всегда считал за правило побеседовать с максимально большим числом посетителей.

Поэтому его кабинет был постоянно наполнен людьми. Иван Иванович умудрялся побеседовать со всеми, кто пришел к нему за помощью и советом.

— Необходимо всегда помнить о том, — говорил он молодым сотрудникам редакции, — что вы здесь представляете официальный орган Советского правительства! Вы можете быть плохо настроены. Однако ваши личные настроения никак не должны отзываться на ваших служебных делах.

Кто бы ни пришел к вам в секретариат с просьбой, письмом, заявлением, вы должны, вы обязаны принять его так, чтобы он почувствовал: я — в родном доме! Здесь меня выслушают, поймут, помогут, не отмахнутся. Здесь кровно заинтересованы в том, чтобы всячески помочь советскому человеку, попавшему в беду.

Выслушайте посетителя, как бы вы ни были заняты! В редакции всегда дел по горло, сами знаете. Но, воля ваша, мы — слуги народа! И должны быть таковыми, несмотря на всю нашу газетную суматоху и занятость.

Этот разговор проходил во время одной из летучек, которые Иван Иванович проводил регулярно по понедельникам или, по мере необходимости, по другим дням.

Иван Иванович вышел из-за стола, подошел к окну, несколько секунд смотрел на улицу. Потом стал прохаживаться по дорожке ковра и продолжил свои мысли:

— Вот к вам пришел человек. У него какое-то важное личное дело. Он ищет в редакции правду. Помогите ему найти ее! Усадите, прочитайте заявление или выслушайте его устную просьбу с наибольшим вниманием, на какое только вы способны. Надо сделать так, чтобы свой, быть может, единственный визит он запомнил навсегда, как самый дружеский и самый теплый.

Словно прочитав сомнения некоторых сотрудников, редактор сам себе задает вопрос:

— Но ведь идет работа над номером, а тут вдруг посетители?

— А для кого мы вообще работаем — давайте задумаемся. Для них. Это, если хотите, не столько наша, а скорее их газета. Отсюда мы, подчеркиваю, *обязаны* принять каждого посетителя так, чтобы он говорил своим друзьям: «Вот как встречают рабочего человека в советской газете! Да, это наша родная редакция!»

И еще, друзья, хочу сказать об одной очень существенной детали.

Иван Иванович положил руку на трубку телефона.

— Помните, что «Известия» — это своего рода часть территории Советского Союза со всеми его замечательными новыми обычаями и законами. Вам звонят по телефону, вас спрашивают — отвечайте со всей вежливостью. Не бросайте трубки, как бы вы ни были заняты в газетной спешке. Каждый посетитель вовсе не обязан знать, в каком настроении вы пребываете в данную минуту...

«Сам Иван Иванович, — как свидетельствовал ответственный секретарь редакции М. Э. Зингер, — не оставлял без ответа ни одного письма, и если лично не мог оказать содействия, то передавал в бюро расследований при редакции или в секретариат».

В один из предпраздничных дней в помещении редакции в сопровождении Скворцова-Степанова появился Михаил Иванович Калинин. Его сразу окружила толпа сотрудников. «Хорошо, что в обеденный перерыв приехал, — пошутил Михаил Иванович. — Иначе бы сорвал выпуск номера».

Попросили выступить. Речь «всесоюзного старосты» во многом была схожа со вчерашним выступлением на летучке... ответственного редактора «Известий». Когда Калинин у сказали об этом, он заулыбался и ответил: «Секрет прост — все большевики-ленинцы мыслят в одном ключе».

Сотрудники редакции любили Скворцова-Степанова не только за его энциклопедические знания, остроумие, организаторский талант — Иван Иванович сильно выделялся своей простотой, непередаваемой внимательностью к судьбам окружавших его товарищей. Он вместе с ними искренне переживал их горести, радовался успехам. А когда что-то совместно удавалось, он весь преображался, его глаза вспыхивали настоящей радостью. Оживленный, сразу помолодевший, он начинал отмеривать бодрими шагами кабинет. Зажигал папиросу и басил: «Слушайте, это же замечательно! По-моему, это совсем ладно? Я, кажется, прав, как по-вашему? По-моему, у нас теперь крепкий аппарат в редакции».

И, довольный, потирал ладони.

«Он умел поднимать людей, выдвигать работников, — вспоминал журналист Г. Е. Рыклин. — Он радовался успеху каждого, независимо от должности сотрудника редакции. Встретит, бывало, в коридоре, остановит, и, полный радости, скажет:

— Слушайте... Вот замечательно. Читали сегодня статью на второй полосе? Превосходно!

Вдруг зайдет в секретариат, где обычно по вечерам толпится много нашей братии, и пробасит:

— Здравствуйте, товарищи! Знаете, я сегодня весь день под

впечатлением статьи нашего молодого автора. Хорошо! Совсем ладно!»

Скворцов-Степанов жил жизнью всего коллектива редакции, зная и ответственных работников газеты, и курьеров, секретарей, репортеров, весь обслуживающий персонал.

Как-то поздно вечером он узнал, что репортер Александр Алевич заболел и не вышел на работу. Рано утром Иван Иванович позвонил в технический секретариат:

— У меня к вам просьба. Видите ли, Алевич заболел. У него нет телефона. Пошлите к нему немедленно курьера с запиской — узнайте: какая температура, не нужен ли врач, медикаменты, как у него с деньгами? И сейчас же обо всем этом сообщите мне.

Алевич поправился. В редакции тогда поговаривали:

— Не врачи и медикаменты помогли, а заботливый телефонный звонок Ивана Ивановича.

Скромность и простота невольно притягивали к нему людей. Все, кто близко знал его, обращали внимание на то, что грубого слова, окрика Скворцов-Степанов терпеть не мог. Вместе с тем он был сторонником железной дисциплины. Не выполнить указания Ивана Ивановича? Подвести Ивана Ивановича? Подвести газету? Это было немислимо в коллективе, где дисциплина имела своим основанием уважение и любовь к видному большевику-публицисту, который не только руководил коллективом редакции, но и был искренне доброжелателен к каждому сотруднику.

«Поздно вечером сижу на квартире у Ивана Ивановича, — записал у себя в дневнике Г. Е. Рыклин. — Пьем чай. Разговариваем. Нет, не в гости я пожаловал. Визит сугубо деловой».

Так как Иван Иванович прихворнул, он попросил Рыклина проинформировать о том, что происходило в тот день на заседаниях XV съезда партии. Когда Рыклин закончил сообщение, домой его Скворцов-Степанов сразу не отпустил:

— Посидите, попьем чайку. А чтобы ваша жена не волновалась и не подумала про вас что-нибудь плохое, давайте я ей позвоню и скажу, что я властью редактора задержал вас у себя. Что? Не надо звонить? Ну, как хотите. Пеняйте потом на себя.

По мнению работников редакции, Иван Иванович не был, конечно, «добрячком», благодушно взиравшим на ошибки и недосмотры. Но он никогда не повышал голоса, понимая, видимо, насколько тяжелым является труд журналистов. Умел и щадить самолюбие своих сотрудников. Когда случался явный промах в номере, Скворцов-Степанов обычно проводил

рукой по усам и, ни к кому не обращаясь, ронял:

— Да-а... Ничего не поделаешь...

В тех же случаях, когда ошибка была слишком серьезной, он укоризненно качал головой и говорил протяжно:

— Действительно... Нечего сказать... — Больше ни слова. Но для сотрудников этого было достаточно. Каждый про себя повторял девиз, выдвинутый ответственным редактором: «Неудачу надо побить удачей».

Единственно, чего не прощал и не выносил Скворцов-Степанов, — это подлость и аморальные проступки. Никакие былые и настоящие заслуги, никакие таланты и литературные достоинства нарушителя этики не могли смягчить сурового приговора ответственного редактора. Иван Иванович становился грозным. Так, он очень тепло относился к сотруднику редакции О. Но однажды тот появился вечером сильно пьяным в Доме работников искусств. Утром О. был немедленно уволен по распоряжению ответственного редактора.

Нередко Иван Иванович давал темы очеркистам, фельетонистам и корреспондентам, требуя от них немедленного исполнения задуманного.

— Незачем откладывать на завтра. Ведь тема может появиться на страницах других газет. Оперативность — великое дело.

Он ввел почти за правило публикацию фельетонов по злободневным вопросам.

Поддерживая способных журналистов, Скворцов-Степанов тактично умел их вовремя поправить. Высоко оценивая способности очеркистки «Известий» Ларисы Рейснер, он в то же время стремился добиться того, чтобы она покончила с «красивостями». Если фраза «Колеса автомобиля — это катушки, на которые намотано пространство» — это дело литературного вкуса, то ее выражение: «У него были воровские, цыганские глаза» — вызвало у него серьезное возражение. И в подтверждение его правоты в редакцию поступило много писем от цыган, протестовавших против этой фразы.

Иван Иванович выразил удовлетворение, что «цыгане шумною толпою» высказывали протест, что у них выросло чувство собственного достоинства, что они следят за печатью, читают, обдумывают. «Разве при старом режиме могли быть такие письма?» — спрашивал он торжествующе.

Цыгане пришли действительно «шумною толпою» в редакцию, и Л. М. Рейснер извинилась перед ними за свою неудачную фразу, всем пожав руки на прощанье. Ушли довольные и смущенные.

Все на первый взгляд мелочи интересовали Скворцова-Степанова как

ответственного редактора. Точность, достоверность должны быть в самом большом и в самом малом, не раз говорил он. Иначе рукой подать до обыкновенного верхоглядства. Поэтому корреспондент с Кавказа или Арктики, пишущий заметку о Московском зоопарке, и автор какой-нибудь исторической справки одинаково понимали, что они не имеют права относиться к своей работе поверхностно, сообщать недостаточно достоверные или просто непроверенные факты, ибо материал обязательно будет прочитан Иваном Ивановичем, который, как говаривали известинцы, «все знает».

В журналистских кругах в середине 20-х годов широко стал известен любопытный и весьма характерный для Ивана Ивановича эпизод. Еще когда он работал в «Правде», один провинциальный начинающий поэт, впоследствии ставший журналистом, переписал стихотворение Генриха Гейне и под своей фамилией послал его в редакцию. Он писал слабые стихи и страстно хотел, чтобы его произведения были опубликованы. «Заведующему литературным отделом редакции, — смеясь, рассказывала Мария Ильинична Ульянова, — стихотворение понравилось, и он предложил поместить его в газете. Стихи послали в набор. Гранки попали в руки Скворцову-Степанову. Иван Иванович расхохотался, а потом язвительно сказал:

— Голубчики мои, да ведь это же Гейне сочинил!»

Можно привести еще один похожий случай, свидетельствовавший о большой начитанности и отличной памяти Скворцова-Степанова. Однажды Г. Е. Рыклин в своей публикации процитировал стихотворение Н. А. Некрасова. Прочитав верстку, Иван Иванович сказал:

— Нет, это не из Некрасова. Некрасов так не писал. У вас сказано: «Не нагнать тебе бешеной тройки: кони сыты и крепки и бойки». Видно, на память цитировали? Так я и думал. А у Некрасова сказано совсем иначе: «Не нагнать тебе бешеной тройки, кони крепки и сыты и бойки». Нельзя по памяти цитировать классиков. Давайте запомним: классики так хорошо писали, что они вовсе не нуждаются в нашем исправлении... Я давно знаю эти стихи. Но если бы мне пришлось цитировать, я бы не положился на свою память, а проверил по книжке.

Будучи человеком необычайно скромным, Иван Иванович, как правило, на своих рукописях, направляемых в набор, писал: «Не спешно». При этом он никогда сам не сдавал свои материалы в набор, а предварительно направлял их на просмотр членам редколлегии.

Всем сотрудникам редакции запомнился случай, характеризующий Ивана Ивановича как человека большой внутренней культуры. Как-то раз

репортер принес секретарю редакции М. Э. Зингеру небольшую заметку о выступлении Скворцова-Степанова на одном из московских заводов. В ней говорилось, что Иван Иванович был тепло встречен рабочими и его речь неоднократно прерывалась бурными аплодисментами. Зингер решил не беспокоить ответственного редактора и сдал ее в набор, не показав Скворцову-Степанову.

Прочитав заметку в гранках, Иван Иванович немедленно вызвал к себе Зингера.

— Товарищ многоопытный секретарь, — начал Скворцов-Степанов, показывая Зингеру жирно перечеркнутую гранку набора, — что сей сон значит?

Секретарь редакции понял, что совершил ошибку, отправив заметку в набор без санкции редактора, но главное — о ком! Зингер стоял молча, не зная, что ответить.

— Видите ли, такую заметку могла бы, конечно, поместить любая наша газета. Ездил же я не в гости, не на прогулку, не на рыбную ловлю, а по заданию ЦК партии. Но мне, редактору «Известий», печатать заметку о самом себе в своей же газете?.. Пошлите, батенька, заметку немедленно в разбор.

В редакции все хорошо знали, что Скворцов-Степанов не терпел, чтобы выпячивали его персону. И, несмотря на популярность и влияние ответственного редактора «Известий», в редакции никогда не было возвеличивания его личности.

Как опытный публицист, Скворцов-Степанов придавал большое значение заголовкам статей, считая первые зеркалом вторых. Ведь это не просто удачная фраза или, наоборот, невыразительная и аморфная строка, напечатанная над заметкой, очерком, статьей, рассуждал он. Заголовок показывает политическую направленность и литературный стиль того или иного произведения.

— Заголовок никуда не годится, — заметил однажды Иван Иванович о статье одного солидного автора. — Это не заголовок, а приказ. Строгий приказ: «Всемерно улучшать!» Во-первых, к чему нам такие неуклюжие словечки — «всемерно». Представьте себе, что я вам говорю: «Всемерно улучшайте качество статей».

Чего вы встали? Садитесь, пожалуйста. Может быть, я не так выразился? Надо было — «всемерно садитесь»... Во-вторых, почему это многие авторы наших передовых статей не разговаривают с читателем, а все время повелевают? А положение читателя, который рано утром получает пять газет? Одна ему приказывает — завершить! Другая —

закрепить! Третья — выполнить! Четвертая — внедрить! Пятая — использовать!..

Давайте, батенька, обойдемся без приказов. Мы, газетчики, должны агитировать, пропагандировать, объяснять. Но никаких приказов, никаких строгих восклицательных знаков.

Столь же требовательным ответственный редактор был к авторам в отношении литературной отделки рукописей. Сам же Иван Иванович писал просто и ясно, иронически относился к «примитивной красивости», к игре словами и был совершенно нетерпим к небрежности и неаккуратности.

— Вы написали «одел», а надо «надел». У вас сказано «зашел», а надо «вошел». Вы понимаете разницу? — спрашивал он молодого журналиста. — «Два года» у вас написаны цифрой. Это неправильно: в очерке это режет глаз.

Так внимательно и придирчиво относился Скворцов-Степанов к текстам, которые приходилось ему редактировать, требуя от авторов глубокого уважения к читателям, что обязывало не допускать ни малейшей небрежности. Обычно все исправления Иван Иванович делал в присутствии автора, убеждая его в необходимости той или иной корректировки. А убедив в правке, он с удовлетворением говорил:

— Кажется теперь, батенька, все стало на свое место.

Длинные введения к очеркам и статьям он тоже не терпел. По этому поводу он обычно говорил:

— У нас почти каждая статья, большая или маленькая, начинается, как правило, с Адама. Товарищ пишет о благоустройстве города, а запев — о проклятом царском строе, гражданской войне, об Антанте. Пока читатель доберется до сути... Собственно говоря, он даже не добирается. Или вовсе пропускает такое произведение, или, в лучшем случае, начинает с середины, с того места, где говорится о сути дела.

Немало содействовали росту авторитета «Известий» статьи самого Скворцова-Степанова. За 1925–1928 годы им было опубликовано более 150 статей, заметок, фельетонов, рецензий, а также до ста передовиц. Большинство его материалов печаталось без подписи или под псевдонимами: И. Степанов, И. С. Федоров, И. П. Работоспособность Ивана Ивановича была завидная: он признавался, что без особого напряжения может написать в один день авторский лист, если возникала срочная необходимость. Иногда писал и больше. Причем материалы из-под его пера не требовали сколько-нибудь заметной правки, редактирования.

Рабочий день Скворцова-Степанова выглядел примерно следующим образом: знакомство со свежей корреспонденцией и документами,

оперативные задания отделам, беседы с посетителями и сотрудниками редакции, обсуждение схемы очередного номера. Затем Иван Иванович диктовал письма стенографисткам. При этом любил прохаживаться по кабинету, заложив руки за спину, покуривая папиросу. Своих статей сам никогда не диктовал, а непременно писал пером или карандашом с завидной скоростью в узком и длинном блокноте (специально изготовленном в типографии). В перепечатку машинисткам давал сразу несколько десятков листов, исписанных высокими, угловатыми, тесно поставленными буквами. Словарь его материалов отличался обширностью и выразительностью в отличие от словарного багажа многих журналистов, предпочитавших казенные, сухие фразы, за которыми не были видны мысли и идеи. Иван Иванович был противником многословия, манера его изложения отличалась лаконичностью. Говорят, что «фраза — это костюм мысли», любил напоминать он. Нельзя допускать неряшливость — «неряшливо одевать свои мысли». Таких небрежностей Скворцов-Степанов никогда не допускал, заслужив оценку одного рецензента — «мастер литературного изложения».

Действительно, самые сложные, запутанные порой понятия он умел раскрывать просто и ясно, широко употребляя и «незаезженные» слова и обороты как современного ему литературного языка, так и языка прошлого времени, из-за чего некоторым казался несколько старомодным. Ответственный редактор «Известий» слыл вели-коленным полемистом: он мог буквально одним метким выражением сразить своего оппонента в споре.

Вклад Ивана Ивановича Скворцова-Степанова в борьбу за победу генерального курса ЦК ВКП(б) о путях строительства социализма был достаточно весомый и многогранный. На посту редактора «Известий» он много отдал сил, энергии и знаний, чтобы никакие подводные камни не помешали движению народа ленинской дорогой.

Около двадцати передовиц газеты написано им по проблемам социалистической индустриализации. Уже в первой из серии этих статей «От восстановления к воссозданию», опубликованной 27 октября 1925 года, он отмечал, что советская экономика в 1926 году вплотную подойдет к концу восстановительного периода и в дальнейшем рабочий класс с возрастающей свободой будет сам намечать свои собственные основные линии экономического строительства: все более выпрямлять свой путь к социализму.

Об экономической борьбе между социализмом и капитализмом Иван Иванович писал в статьях «На новую техническую основу», «Вперед от

довоенных марок», «К резолюции Пленума ЦК о хозяйственном положении», «Что такое индустриализация страны», «Темп индустриализации» и многих других, подчеркивая тот факт, что, «развернув производство средств производства и, в частности, развернув машиностроение, наше государство получит небывало широкую возможность технически воссоздать все другие отрасли производства».

Социализм — это борьба за совершенный экономический строй: за такой строй, который, объединяя максимально интенсивное и максимально рациональное использование всех производительных сил, обеспечивает быстрейшее поступательное движение человечества — таков лейтмотив публикаций Скворцова-Степанова по социально-экономическим проблемам. В этой серии трудно найти сколько-нибудь значительные вопросы, которых бы не касался Иван Иванович: вопросы демографии и градостроительства, пропорционального роста городского и сельского населения, развития нового быта, борьбы за преодоление отживающих патриархально-национальных традиций и т. д.

«Не пора ли нам, — писал Скворцов-Степанов, касаясь вопросов планирования, — тщательнее взвесить, в каких районах страны воздвигать крупные промышленные объекты: мы не можем приступить ко всем этим сооружениям разом... Это жестоко ударило бы по всей нашей экономике и не двинуло бы вперед, а затормозило дело индустриализации. Мы строим социализм не в «од ном уезде» (статьи «Проекты крупного строительства» и «На путях индустриализации»).

До последних дней жизни Ивана Ивановича особо волновали проблемы электрификации и совершенствования энергетического хозяйства. Он считал недопустимым, чтобы в топливном балансе продолжали большую роль играть дрова. Это с экономической точки зрения, доказывал он, крайне невыгодно... «Наши потомки, — писал он, — с удивлением будут говорить, как нелепо мы сжигаем дрова для отопления жилых помещений, используя тепловую энергию в размере каких-нибудь 5–6 %. Между тем переход к центральному отоплению крупных домов повысил бы коэффициент использования до 8—10 %, а следовательно, соответственно понизил бы расходы на топливо и уменьшил бы теперешний лесоистребительный размах». Колоссальные средства высвободились бы для возведения гигантов индустрии.

Крупнейшим достижением Советской власти Скворцов-Степанов считал разработку пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. «При осуществлении всех перспективных планов, — писал он, — мы должны трезво смотреть на вещи — рассчитывать исключительно на

собственные внутренние ресурсы». В 1926 году Иван Иванович выступил с предложением строительства Волго-Донского канала, который даст возможность перебрасывать нефть с Каспийского моря и лес с Волги сплошным водным путем в Донбасс и на Азовское море, откроет прямой выход для угля Донбасса на Волгу, приблизит украинский хлеб к Средней Азии и подготовит условия для переброски донецкого угля к заводам Урала. Сооружение Волго-Донского канала также облегчит оросительные работы на засушливых степных территориях юго-востока страны.

Ряд последних публикаций Скворцова-Степанова был связан с актуальными вопросами социалистического переустройства сельского хозяйства в свете состоявшегося в конце 1927 года XV съезда ВКП(б). При этом Иван Иванович постоянно обращал внимание читателей на выдающееся произведение В. И. Ленина, написанное незадолго до его кончины, — статью «О кооперации». Только крупное производство, отмечал Скворцов-Степанов, позволяет в широком, поистине безграничном масштабе (и это подтверждает практика) применять машины все к новым и новым «земледельческим операциям» и таким образом экономить человеческий труд.

И лишь в производстве крупных размеров становится возможным широкое и последовательное применение всех завоеваний науки. Он был убежден в том, что залог будущего советского сельского хозяйства — в развитии промышленности вообще и химической в частности. Конечно, его подъем зависит и от многих других компонентов. Среди них, как учит мировой опыт, широкая механизация и снабжение земледелия минеральными удобрениями, общее улучшение торговли в стране. За деревней, где восторжествует коллективный труд, — великое будущее, предсказывал он.

Готовя статьи по хозяйственным, и в частности по аграрным, вопросам, Скворцов-Степанов часто обменивался мыслями не только с профессиональными учеными-экономистами. Очень много созвучного его идеям он находил у Фрица Платтена, который с 1932 года переехал в СССР, где возглавил сельскохозяйственную коммуны швейцарских рабочих, а затем активно сотрудничал в учрежденном Международном аграрном институте.

Беседовать с Платтеном для Ивана Ивановича было одно удовольствие: этот живой и симпатичный швейцарский коммунист обладал обширными познаниями в самых различных науках. На какую бы тему они ни беседовали, всегда их встреча заканчивалась воспоминаниями об Ильиче, о его последней эмиграции и перипетиях возвращения на Родину

весной 1917 года, о созданном им III Коммунистическом Интернационале... Платтен был прекрасным рассказчиком и тонким полемистом.

— Должен тебе признаться, Иван Иванович, — однажды, смущенно улыбаясь, сказал Платтен. — Когда ты (помнишь?) в январе 1918 года стиснул меня своими ручищами, я едва не вскрикнул — ведь одна пуля бандита тогда задела меня, когда я закрыл Ильича...

— Ой, Фриц, а я и не подумал, — хлопнул себя по колену Скворцов-Степанов. — Он порывисто встал и крепко обнял Платтена. — Ты прости...

В тот вечер они вдвоем обсудили очередную статью Платтена в журнал «Коммунистический Интернационал» и общие контуры его будущей статьи в газету «Известия».

— Ты должен обещать, Фриц, написать что-нибудь о первых шагах своей сельскохозяйственной коммуны, — говорил ему, прощаясь после вечерней прогулки, Скворцов-Степанов. — И обязательно воспоминания об эмиграции Владимира Ильича, о встречах с ним, возвращении в Питер...

— Постараюсь, — ответил коротко Платтен. — А если писать о последней эмиграции Ленина, то о Питере мне сказать нечего: ведь тогда Маклаков в Россию меня не пустил. Пришлось добираться в Швейцарию с массой приключений. Мне передавали потом, что Ильич очень беспокоился относительно моего обратного путешествия...

Несомненный интерес для пропагандистов представляли статьи Скворцова-Степанова в «Известиях» по актуальным проблемам мирового развития, коммунистического и революционно-освободительного движения. Ведь его непременными консультантами были виднейшие деятели международного рабочего и коммунистического движения, с многими лидерами которого его связывала большая личная дружба. Среди них — Георгий Димитров и Эрнст Тельман, Марсель Кашен и Уильям Галлахер, Богумир Шмераль и Пальмиро Тольятти, Отто Куусинен и Сэн Катаяма, Василь Коларов и Вильгельм Пик, Феликс Коп и Юлиан Мархлевский, Бела Кун, Фриц Платтен и многие другие марксисты-ленинцы.

Ответственный редактор «Известий» живо откликался на такие факты и явления, как рост забастовочного движения в Европе (например, всеобщая стачка 1926 года в Англии), возрастание угрозы фашизма и милитаризма в мире, активизация факельщиков новой истребительной войны, положение на восточных границах, антисоветские вылазки белой эмиграции и т. д.

Как человека высокой культуры, Скворцова-Степанова не могли не

интересовать и волновать ее насущные проблемы. Об этом убеждали его многочисленные дружеские и деловые встречи с виднейшими мастерами нового, нарождавшегося искусства, пролетарской литературы. Отстаивая принцип партийности в творчестве, Скворцов-Степанов всегда критически относился к абстрактно-эстетическому и чисто созерцательному пониманию культуры. Он считал, что наука, просвещение, литература и искусство должны страстно служить борьбе за приближение человечества к коммунизму.

В сфере духовной жизни, подчеркивал он, идет такая же острая классовая борьба, как и на фронте идеологии, политики, общественных наук. Всякая аполитичность, забвение строго классового подхода неизбежно приведут к идейным вывихам, усилению враждебной идеологии, будут вредить нашему движению вперед, духовному обогащению человека труда. Пролетариат обязан не только сохранять, но и познавать лучшие и ценные элементы культуры прошлого. Как учил Ленин, без усвоения старой культуры, без восприятия тех ее элементов, которые заслуживают усвоения, мы не двинемся дальше, слова о «пролетарском искусстве» останутся пустыми фразами.

В то же время Скворцов-Степанов призывал не замыкаться только в изучении прошлого, не заниматься фетишизацией культурного наследия, а уметь видеть и изображать прекрасное в настоящем. Очень актуально звучат сегодня мысли Ивана Ивановича о призвании мастеров новой культуры: «И плох, слеп будет тот художник современности, который увидит прекрасное только в античных образцах. Плох будет он, если не почувствует, что титаническими революционными сдвигами человечество двинулось к воссозданию в жизни новых форм прекрасного, в котором будет нечто и от античной красоты, но будет и много нового, много такого, что возвысит эту древнюю красоту величайшими приобретениями дальнейшей жизни и дальнейших завоеваний человечества... Это будет красота масс и красота, созданная массами для самих себя, — это будет человеческая красота». Каждый художник произведений социалистического искусства обязан постоянно, упорно и настойчиво трудиться, бороться за усвоение ценностей культуры минувших веков. Всякий творческий работник погубит себя как художник, если он возомнит, что все дело в основном решается его пролетарским происхождением и «революционностью его намерений и настроений».

— Какое счастье работать в наши дни! — с воодушевлением говорил Федору Гладкову редактор «Известий» Скворцов-Степанов после прочтения писателю своей будущей статьи «Заметки об искусстве». —

Именно творчески работать, потому что наше изумительное время требует только труда творческого. Одно неприятно и досадно, — добавлял шутливо он, — это необходимость сна.

Частым гостем редакции «Известий» был пролетарский поэт-революционер Владимир Маяковский. Именно «Известия» первыми напечатали его, понравившееся В. И. Ленину, стихотворение «Прозаседавшиеся». Известинцы сразу сбегались в кабинет Скворцова-Степанова, когда туда, открыв дверь в редакцию размашистым ударом ладони, входил Маяковский.

Скворцов-Степанов, как свидетельствуют современники, не был поклонником поэтических новшеств Маяковского, его неологизмов и рифм, но часто вместе с поэтом они улучшали некоторые строки его произведений. Выслушав поэта, Иван Иванович брал новое стихотворение в руки и вооружался очками.

— Я, извините, плоховато беру на слух, — говорил он о лукавой искоркой в глазах, — поэзию необходимо проверять глазами, особенно вашу, уважаемый Владимир Владимирович!

Маяковский не высказывал при этом ни малейшего недовольствия или обиды. Терпеливо выслушав замечания редактора, он, как правило, покладисто принимал их к сведению и, усевшись за свободный стол в секретариате, переделывал отдельные слова и строчки. При этом он еще успевал отпускать шутливо-колючие замечания по адресу вертевшихся вокруг сотрудииков газеты.

Однако Владимир Владимирович не всегда полностью соглашался с поправками Скворцова-Степанова. Иногда они подолгу спорили, засиживаясь допоздна. А в феврале 1927 года поэт полушутливо написал:

Я мало верю в признание отцов,
Чей волос белее ваты.
Хороший дядя Степанов-Скворцов,
Но вкус у него староватый.

Все работники редакции считали Маяковского сотрудником своей газеты. Недаром художник-карикатурист Борис Ефимов в 1927 году нарисовал групповой дружеский шарж «Смотр сотрудников «Известий» в день десятилетия», включив туда идущего во главе колонны Владимира Владимировича Маяковского. Вместе с ним были изображены Демьян Бедный, Д. Заславский, М. Шагинян, В. Лидин, С. Городецкий и другие.

Смотр принимали Скворцов-Степанов, а также его заместитель И. Гронский, секретарь редакции М. Зингер, В. Василенко и другие.

Секретарь редакции «Известий» В. М. Василенко, делясь воспоминаниями о днях работы со Скворцовым-Степановым, говорил: «Иван Иванович был настоящим интеллигентом, знатоком и любителем поэзии. Но он любил и ценил поэзию мужества, а я тогда увлекался элегическими мотивами. «Вы, милый мой, не улавливаете звучания времени», — говорил мне Иван Иванович. Взяв меня под руку, шагая по коридору, начинал читать:

Смелей, друзья, идем вперед.
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломит буря наше знамя! —

И, лукаво прищурившись, спрашивал: «Ну-ка, чьи это стихи?» Я не знал чьи. «Радина. Леонида Радина... Вот так-с писали...»

Начав редактировать «Известия», он стал широко привлекать к работе в газете писателей. Кроме В. Маяковского, М. Шагинян, В. Лидина, Д. Бедного, Ф. Гладкова, Л. Сейфуллиной, Л. Леонова, А. Серафимовича, здесь часто бывали писатели С. Подъячев, В. Гиляровский, поэты Н. Асеев, С. Кирсанов, З. Багрицкий, А. Жаров, А. Безыменский и многие другие.

«Он был до наивности прост в обращении с людьми, — говорил Федор Гладков, — и эта простота была одинакова как с людьми высокими, так и с маленькими... Мягкость, предупредительность, приветливая ласковость, неугасимый огонь беспокойной мысли в глазах — вот его внешний облик».

А о скромности Ивана Ивановича ходили целые легенды. Отдельные детали в них могли быть неточными, но суть оставалась неизменной — это было на самом деле. Кто-то из друзей метко заметил, что скромность его была чем-то вроде шестого чувства. Он никогда не говорил о себе, а в основном о других, а если кто-нибудь заговаривал о его литературных трудах, Иван Иванович конфузливо отмахивался:

— Ну, будет вам... Просто корявое бумагомарание. Не будем говорить об этом.

Один писатель хотел посвятить ему свой роман. Иван Иванович обеспокоился не на шутку, дозвонился до автора и убедительно просил его отказаться от этого решения.

— Пожалуйста, будьте добры... Я вас очень прошу не посвящать мне.

Я вам страшно благодарен за дружбу, но не тревожьте меня этим.

Старый друг и соратник Скворцова-Степанова по революционной борьбе П. Г. Дауге считал, что одной из важнейших черт его натуры была «его крайне редкая для дореволюционной русской интеллигенции щепетильность по отношению к данному слову, к исполнению взятых на себя поручений. Мне неоднократно приходилось уславливаться с Иваном Ивановичем насчет какой-либо встречи. Не было случая, чтобы мы друг друга заставили ждать хоть две минуты. Он был точен, как хронометр. Отмечу еще его товарищескую чуткость. Как деликатно и с какой благодарностью он останавливается на тех мелких товарищеских услугах, которые я ему мог оказать!»

«Человек очень добрый, отзывчивый, с веселым юмором, — писал А. С. Енукидзе, — он всегда очень располагал к себе. Грубости и обиды не терпел. Говоря о товарищах, которых он любил и которыми восхищался, он проявлял какую-то особенно глубокую сердечность».

Подобных свидетельств можно привести много.

У Ивана Ивановича была какая-то особая жажда творчества, жажда деятельности: не было ни одного «маленького дела», к которому он не подходил бы творчески, отдаваясь и этому не очень заметному делу, доводя его до конца. И не было случая, чтобы успех он приписывал одному себе.

В кругу друзей Скворцов-Степанов очень любил помечтать о будущем: что ждет его страну, народ лет через десять, двадцать, пятьдесят, какой будет родина Октября накануне двухтысячного года. Столь же частыми были беседы о пройденном пути. Иван Иванович не мог быть равнодушным, когда разговор заходил о вечной теме — о счастье. Ивану Михайловичу Гронскому запомнилась одна встреча, на которой также присутствовали А. В. Луначарский, Демьян Бедный, Н. Л. Мещеряков, высказавшие ряд интересных суждений по этому вопросу. Иван Иванович слушал и добродушно улыбался.

— Счастье, друзья мои, — сказал он, — это борьба. Когда я оглядываюсь назад, на пройденный путь, когда вспоминаю участников рабочего движения, прежде всего Владимира Ильича Ленина, меня охватывает чувство удовлетворения и гордости. Да, да, гордости. Гордости от сознания того, что в этой великой борьбе есть доля и моего участия.

*

Все пережитое Иваном Ивановичем не могло не сказаться на его

здоровье. В 1918–1919 годах он особенно часто и тяжело болел. В результате сильного переутомления у него обострился туберкулез. Это было опасно: ведь его отец и два брата умерли именно от чахотки. К тому же сам он страдал плевритом, мало заботясь о лечении, продолжая нередко трудиться с самого утра, даже лежа в постели: писал статьи, редактировал, правил корректуру своих трудов, занимался переводами. В письмах к В. Д. Бонч-Бруевичу и другим товарищам можно найти немало строк о недомоганиях, что являлось причиной его отсутствия на различных деловых и дружеских встречах.

В своей биографии, написанной в 1921 году, Иван Иванович вынужден признаться в резком ухудшении состояния здоровья в 1918–1921 годах. «... Хронические бронхиты, плевриты, ревматизм, расширение сердца — все это, думается мне, достаточные основания для того, чтобы иногда на целые месяцы уходить в литературную работу. За последние четыре года бывало, когда я не мог сделать пешком более сотни шагов, когда передвижение вызывало жестокую боль в ноге и невыносимую одышку».

Несмотря на все это, Скворцов-Степанов не терял бодрости духа, а умственный труд считал неплохим лекарством, ибо он приносил огромное удовлетворение и в эти дни. «Я болен, кажется, плеврит. Нехорошо, что против самого сердца. Сегодня будет врач. Ужасно досадно. Много дел по «Коммунисту». Как только стану выходить, с утра приду к Вам...»

Это строки из письма Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу от 25 декабря 1918 года. Получив это письмо, Бонч-Бруевич, серьезно встревоженный, тотчас же поехал к больному. Но что он увидел?!

Иван Иванович полусидел в постели, окруженный высокими подушками, потому что при малейшем снижении больного бил ужасный кашель, продолжавшийся нередко по несколько минут. На Ивана Ивановича было тяжело и больно смотреть. А вся его кровать очень мало напоминала кровать больного — повсюду громоздились книги и лежали стопки бумаг. У самой груди Скворцов-Степанов пристроил какую-то дощечку и продолжал на ней писать. Все уговоры о том, что он себе крайне вредит таким напряжением, ни к чему не привели. Иван Иванович мило улыбался и ласково объяснял гостю, что не писать он не может — это просто его вторая натура, потребность.

— Если перестану писать, — заметил больной, широко разведя руками, — то тогда будет большая победа моей болезни, которая, несомненно, хочет все более и более захватить меня в свои лапы. Я клин вышибаю клином...

Таким Иван Иванович Скворцов-Степанов оставался всю свою жизнь.

Он в полном смысле этого слова мужественно переносил все болезни, всегда верил в выздоровление и постоянно работал, несмотря на протесты врачей и близких. После очередного выздоровления Иван Иванович любил хоть на несколько минут погулять где-нибудь в садике, парке, побывать наедине с природой. По-юношески блестели его глаза...

Он, вероятно благодаря во многом именно этому качеству, быстро сходилась с молодежью. К тому же и сам Скворцов-Степанов сохранил все лучшие свои «юношеские черты характера» (М. А. Савельев). Молодежь хорошо его понимала и чутко к нему прислушивалась. Конечно, ее влекли к Ивану Ивановичу энциклопедичность его ума, интеллигентность, веселый и жизнерадостный нрав. К жене Инне Николаевне часто приходили подруги по университету (их Иван Иванович называл «химичками»), завязывались интересные беседы, и молодые собеседницы не чувствовали большую разницу в возрасте с хозяином квартиры.

Истинно русским хлебосольством встречал Иван Иванович гостей. «Инна! Что есть в печи, на стол мечи!» — обычно он весело говорил жене в эти минуты. Начиналось чаепитие, но простое угощение никого не удивляло — Скворцовы жили всегда скромно. С другом, товарищем они готовы были поделиться последним.

Свою семью Иван Иванович очень любил. У него было трое детей. Первенец Миша родился 2 марта 1901 года. Он рос слабым ребенком, часто простужался, болел. Еще в детстве перенес сложную операцию. Отличался необычайной наивностью и прямодушием. Мальчик прекрасно учился, много читал. Домашние называли его Скворуша. В юности увлекся астрономией. Он не только много читал, но и любил рассказывать о прочитанном рабочей молодежи. В мае 1919 года Миша окончил 38-ю трудовую школу в Москве и в этом же году вступил в ряды Российского Коммунистического Союза Молодежи. Вскоре он стал личным секретарем Анатолия Васильевича Луначарского. В конце этого месяца он поехал вместе с ним в агитационную поездку по Юго-Западному фронту и остался в Политотделе 14-й армии, начав самостоятельно выступать на митингах и проводить беседы в школах политграмоты, составлял боевые воззвания к молодежи Украины.

Через два месяца Иван Иванович Скворцов-Степанов получил письмо от заместителя начальника Политотдела (25 июля 1920 г.), в котором отмечалось: «Михаил Иванович работает при Политотделе Реввоенсовета 14-й армии — читает лекции среди красноармейских частей и ведет организационную работу в Ольвипольском комсомоле. Пишет листовки. Для нас он весьма нужный и ценный работник».

Осенью 1920 года, после возвращения Миши в Москву, комсомольцы избрали его членом Хамовнического райкома РКСМ Москвы, где он стал заведовать отделом политпросветработы. Вечерами он почти всегда пропадал в молодежном районном клубе, заводских красных уголках, где нередко читал и свои литературные произведения (ребятам прочитанное нравилось). В середине января 1921 года Миша простудился и 27 января скончался от крупозного воспаления легких.

Он умер, когда ему было всего девятнадцать, почти «мальчишеских лет». В некрологе, опубликованном в «Правде», друзья писали: «Полный надежды увидеть в ближайшее время нашу организацию объединяющей всю рабочую молодежь, организацию молодых, сознательных коммунистов, свято веря в будущность коммунизма, он неустанно работал, желая ускорить эту будущность».

Каким неутешным отцовским горем и грустью наполнена статья Ивана Ивановича, посвященная памяти сына! Он писал в ней о коротком пути Миши, но одновременно и о жизни и работе его боевых товарищей — комсомольцев двадцатого года. «Сколько тысяч и десятков тысяч преданных сердец, — писал Скворцов-Степанов, — бьется в рядах наших юношеских организаций! И в каких несравненных работников со временем превратятся юноши!

И горит, и начинает быстро сгорать наша молодежь, наши дети. Но, сгорая в труде и бою, молодые ленинцы вместе со старшими — коммунистами пробивают дорогу в светлое завтра».

Большой радостью Ивана Ивановича и Инны Николаевны стал сын Марк. Во время Великой Отечественной войны коммунист М. И. Скворцов воевал на Тихом океане, награжден многими орденами и медалями. На два года моложе Марка родившаяся в грозное время гражданской войны дочь Наташа. Отец очень трогательно относился к ней, любил подолгу стоять у ее кровати, однако до годика он редко и с большой осторожностью брал ее на руки. А когда Наташа (ее в семье ласково звали Тасей) подросла, только она получила разрешение находиться в кабинете Ивана Ивановича во время его работы. Она не мешала ему, тихонько играла с кошкой. Отрываясь от бумаг, отец с любовью поглядывал на шалунью...

В семейном фотоальбоме Скворцовых можно увидеть немало снимков Ивана Ивановича с женой и детьми — Тасей и Марком^[75]. Радостные лица. Счастливая семья. Ряд фотокарточек снят на природе. Такие прогулки с ребятами Иван Иванович просто обожал.

В детях Скворцов-Степанов воспитывал добросовестность и честность, целеустремленность и уважение к людям труда. Обман считался

в семье Скворцовых тяжелейшим проступком.

Когда удавалось выкроить свободное время (в выходные дни!), Скворцовы чаще всего в летнюю пору отправлялись пешком по Подмоскovie. Другой страстью Скворцовых был сбор грибов и ягод, а также ловля рыбы удочкой. В их доме всегда жили птицы, черепахи, рыбы и много другой живности. В последние годы жизни Ивана Ивановича у него в кабинете жил ручной скворец (по этому поводу гости немало остряли, связывая появление птицы с фамилией хозяина), который всюду норовил важно следовать за ним и даже, к великой радости ребят, умел произносить несколько слов...

*

В конце августа 1928 года Скворцов-Степанов вместе с Инной Николаевной поехал отдыхать в Кисловодск. Они пробыли там всего несколько дней, так как оба заболели и перебрались по совету врачей в Сочи. Иван Иванович рассчитывал возвратиться в Москву в конце сентября, однако болезнь усилилась. Окончательный диагноз врачей — брюшной тиф. Положение становилось угрожающим для его жизни. 28 сентября Скворцов-Степанов продиктовал телеграмму в редакцию «Известий»: «Заболел, по всей вероятности, тифом. Скворцов».

Это была его последняя телеграмма.

8 октября 1928 года Скворцова-Степанова не стало.

Газеты Советского Союза вышли на следующий день в траурном обрамлении. Глубоко скорбила его родная Москва, вся Страна Советов. В некрологе Центрального Комитета ВКП(б) в связи с кончиной И. И. Скворцова-Степанова говорилось, что «путь, пройденный т. Скворцовым-Степановым, — это славный путь революционера-большевика в царской России, путь непрерывной борьбы в обстановке репрессий, арестов, ссылки и т. д.».

Имя Ивана Ивановича Скворцова-Степанова навсегда вошло в историю Московской партийной организации, где протекала его революционная деятельность и в рядах которой он самоотверженно трудился, не зная отдыха, не жалея сил и энергии, знаний, отдавая делу коммунизма весь свой организаторский талант. МК ВКП(б) в обращении «Ко всем членам Московской организации» отмечал: «...Московская большевистская организация на протяжении почти всей своей истории имела в лице Скворцова-Степанова активного работника, помогавшего

своими теоретическими знаниями, литературным опытом, а главное — стойким большевистским чутьем... Московская организация в лице тов. Скворцова потеряла одного из старейших и лучших своих членов, немало поработавшего над созданием кадров Московской организации...»

Похоронен был Скворцов-Степанов на Красной площади у Кремлевской стены, подле Мавзолея Владимира Ильича Ленина.

*

Мы начали свой рассказ о мальчике Ване Скворцове, который наблюдал жуткие сцены, когда по Владимирке гнали в Сибирь лучших сынов России...

Прошли десятилетия. И сегодня за Заставой Ильича лежит бывшая Владимирка — крестный путь Радищева, декабристов, народовольцев и первых русских марксистов. «Шоссе энтузиастов» — такое название получила эта дорога по предложению Анатолия Васильевича Луначарского после победы Великого Октября. Мудреное слово в то время было «энтузиаст», но название быстро прижилось, и даже малограмотные понимали значение его, догадывались, в чью честь названа эта Голгофа российских революционеров. И среди них — Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Через всю жизнь пронес Иван Иванович великую преданность делу революции во имя свободы и счастья народа. Теоретик и практик, борец и созидатель, он в полном смысле слова стал, как его называли, *просветителем пролетариата*.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

1870, 8 марта — Родился в семье мелкого служащего Ивана Степановича Скворцова и его жены Марии Прохоровны, урожденной Грайворонской, в деревне Мальцево-Бродово Богородского уезда Московской губернии.

1879–1885 — Учеба в Богородском городском училище. Окончил его с отличием («первым учеником»).

1887–1890 — Студент Московского учительского института. После окончания его удостоен золотой медали и назначен учителем Арбатского городского 4-классного начального училища в Москве.

1892 — Начал участвовать в революционном движении. Посещение народнических кружков.

1895, в ночь на 4 мая — Первый арест (освобожден после шестимесячного заключения).

1896, 14 февраля — Выслан как неблагонадежный из Москвы в Тулу на три года под гласный полицейский надзор в связи с предстоящей коронацией Николая II.

1896 — Полный разрыв с народничеством, переход на позиции марксизма. Участие в социал-демократическом движении в качестве профессионального революционера.

1899–1901 — Ссылка в Калугу. Начало литературно-научной деятельности.

1900, начало 1901 — Двухмесячное заключение в одиночную камеру Суцевской полицейской части Москвы.

1901, 27 сентября — Арест во время заседания МК РСДРП(б), в члены которого был кооптирован.

1902–1904 — Ссылка в деревню под г. Ачинск Енисейской губернии.

1905, март—1908, март — Один из руководителей литературно-лекторской группы МК РСДРП.

1906, март — Приезд В. И. Ленина в Москву и встречи с ним И. И. Скворцова-Степанова.

1906, апрель — Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП (Стокгольм), где выступал под псевдонимом Федорова, был избран в

комиссию о Государственной думе.

1907–1909 — Перевод «Капитала» К. Маркса.

1908, апрель — июнь — Поездка за границу. Встречи в Женеве с В. И. Лениным.

1908, июнь — 1911, январь — Революционная, публицистическая и пропагандистская деятельность в Москве.

1908, ноябрь — 1909, июнь — Помощь в издании книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

1911, 28 января — Арест и заключение в одиночную камеру Бутырской тюрьмы.

1911, март — 1913, начало — Ссылка на три года в поселок Енотаевск Астраханской губернии. В сентябре 1912 г. переведен в г. Астрахань.

1913, начало — 1917, февраль — Продолжение революционно-пропагандистской деятельности в Москве.

1917, 1 марта — 8 июня, 15 октября — 1918, 18 января — Ответственный редактор газеты «Известия Московского Совета».

1917, март — 1918, март — Один из руководителей московской газеты «Социал-демократ» и ряда других большевистских изданий. С ноября 1917 г. — ответственный редактор «Социал-демократа».

1917, 24–29 апреля — Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

1917, 8 ноября — Член Московского военно-революционного комитета.

1918, лето — 1928, октябрь — Действительный член и член Президиума сначала Социалистической академии общественных наук, а затем — Коммунистической академии.

1918–1925 — Член редколлегии, а с 1924 г. заместитель ответственного редактора газеты «Правда».

1921, 8–16 марта — Делегат X съезда РКП(б). Выступил на нем с речью на третьем заседании (9 марта). Избран членом Ревизионной комиссии.

1921, 23 октября — 1922, 29 марта — По поручению В. И. Ленина пишет и издает книгу «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».

1922, 27 марта — 2 апреля — Делегат XI съезда РКП(б). Избран членом Ревизионной комиссии.

1923, 17–25 апреля — Делегат XII съезда РКП(б). Избран членом Ревизионной комиссии.

1923, 29 ноября — Последняя встреча с В. И. Лениным в Горках.

1924, 23–31 мая — Делегат XIII съезда РКП(б). Избран членом Ревизионной комиссии.

1925, май — 1928, октябрь — Ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

1925, 18–31 декабря — Делегат XIV съезда ВКП(б), член редакционной комиссии. Избран членом ЦК ВКП(б).

1925, 28 декабря — 1926, 28 мая — Ответственный редактор газеты «Ленинградская правда».

1926–1928 — Директор Института В. И. Ленина. Руководит подготовкой второго издания Собрания сочинений В. И. Ленина.

1927, 19 декабря — Делегат XV съезда ВКП(б), член редакционной комиссии. Избран членом ЦК ВКП(б).

1928, 8 октября — Смерть от брюшного тифа в Сочи. Похоронен в Москве у Кремлевской стены.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

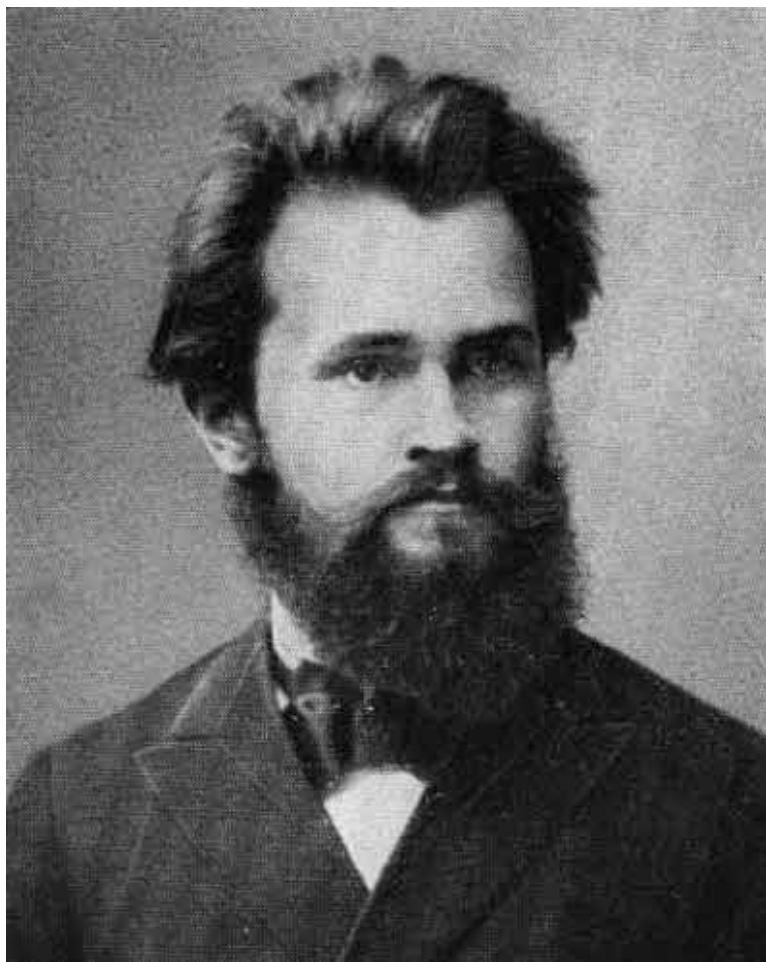

Иван Скворцов — студент Московского учительского института.

Мария Прохоровна Скворцова.

Публикуется впервые

Иван Иванович Скворцов во время ссылки в Туле. Публикуется впервые.

И. И. Скворцов — учитель Арбатского городского училища в Москве со своими учениками.

Ольга Илиодоровна Износкова с сыном Мишей Скворцовым.

Публикуется впервые.

Людмила Ивановна Скворцова.

Публикуется впервые

Иван Иванович Скворцов, 1903 г.

Леонид Петрович Разин.

Александр Александрович Богданов.

***Б. Козихинский пер., 14 (ныне ул. Остужева). Дом, в котором жил
Скворцов-Степанов. Фото М. Харлампиева.***

Газеты московских большевиков, издаваемые во время революции 1905–1907 гг.

Книги И. И. Скворцова-Степанова.

И. И. Скворцов-Степанов.

Публикуется впервые.

А. В. Луначарский.

*Полицейское дело на И. И. Скворцова-Степанова, арестованного в
Москве 28 января 1911 г.*

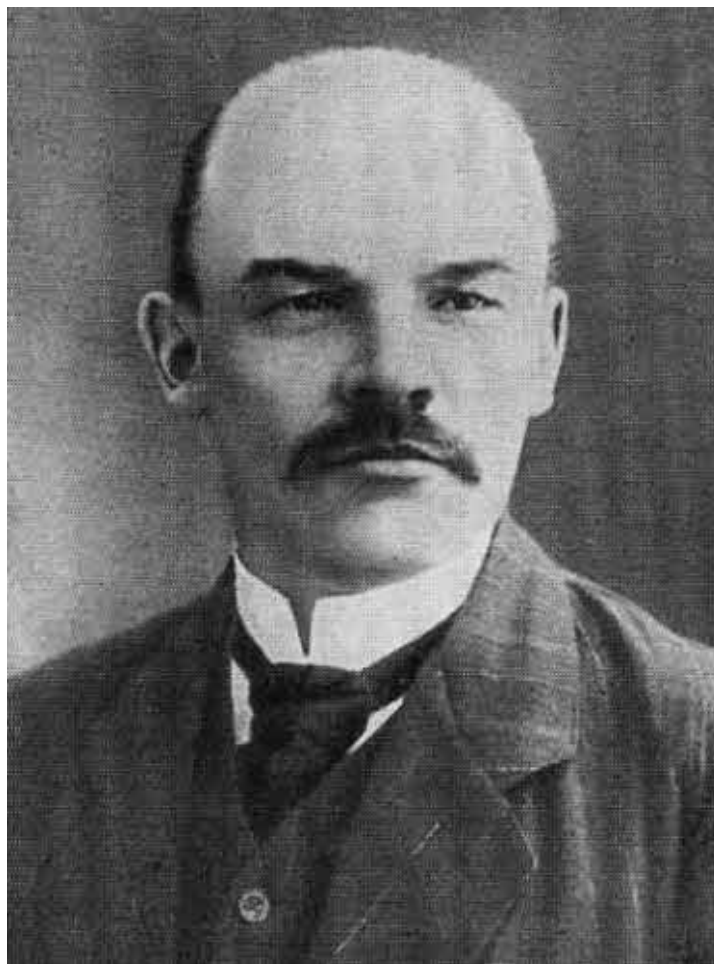

Иван Иванович Скворцов-Степанов. 1920 г.

*Город Енотаевск Астраханской губернии. Место ссылки И. И.
Скворцова-Степанова в 1911–1912 гг.*

Публикуется впервые.

В. И. Ленин. 1910 г.

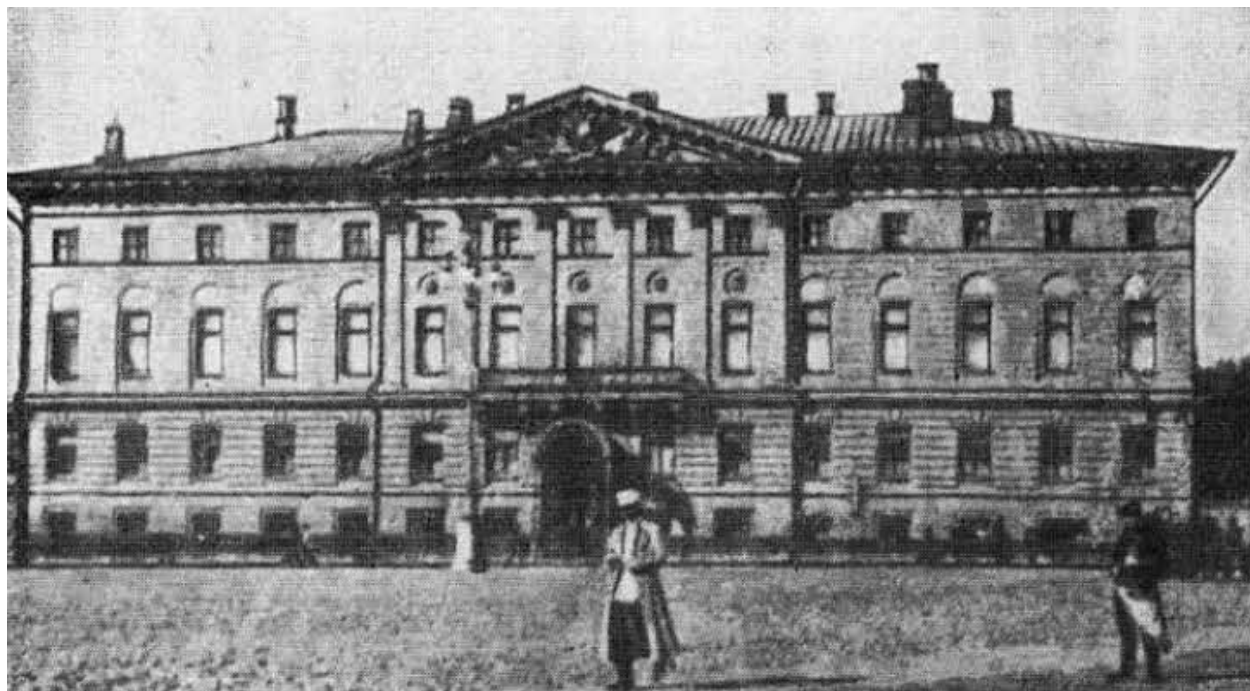

Н. К. Крупская.

Мария Ильинична Ульянова. 1911–1912 гг

Газета московских большевиков в 1917 г. «Социал-демократ».

Дом, в котором размещался в 1917 г. Московский Совет.

Октябрь 1917 г. Сидят (слева направо): Р. П. Катанян, Е. И. Ривлина, И. И. Скворцов-Степанов, Н. Л. Мещеряков, М. Н. Покровский.

Стоят: В. Израель, К. Н. Калинин, В. П. Волгин, М. М. Двойлацкий, К. П. Новицкий.

Канцовское училище в Леонтьевском переулке.

Газета «Известия» Московского военно-революционного комитета с манифестом о победе революции в Москве.

В. Д. Бонч-Бруевич

Г. И. Петровский

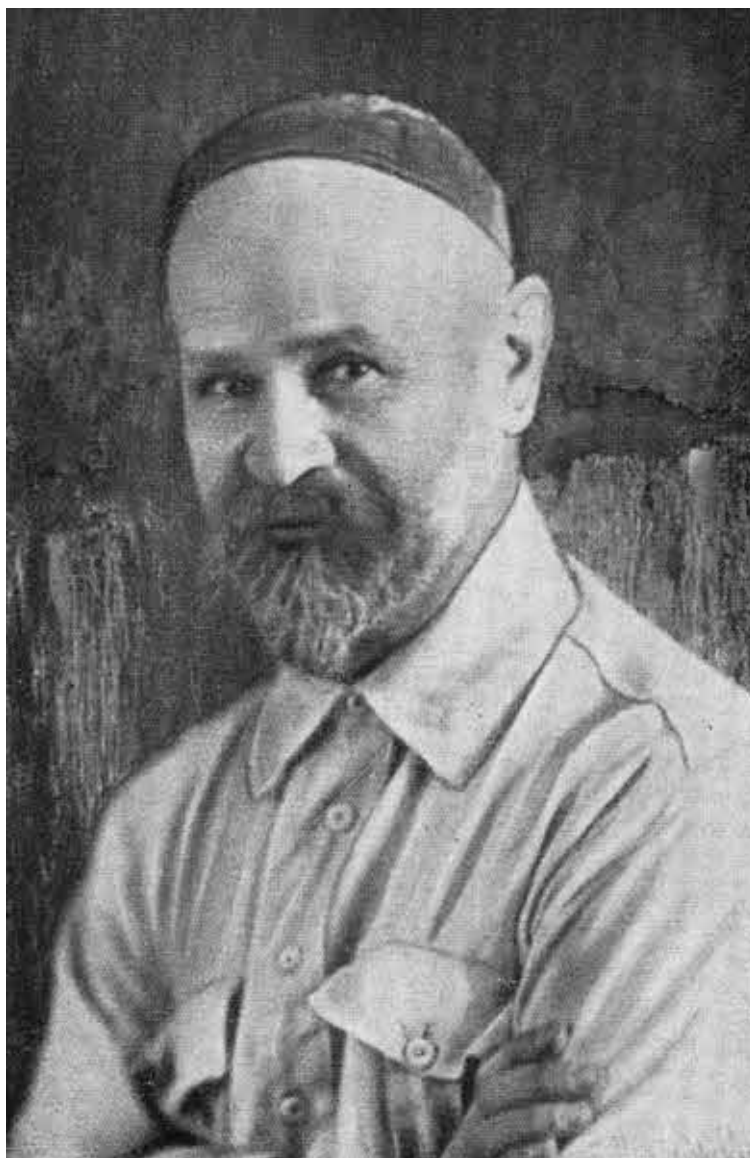
В. В. Воровский.

П. С. Смидович.

И. И. Скворцов-Степанов. 1924 г.

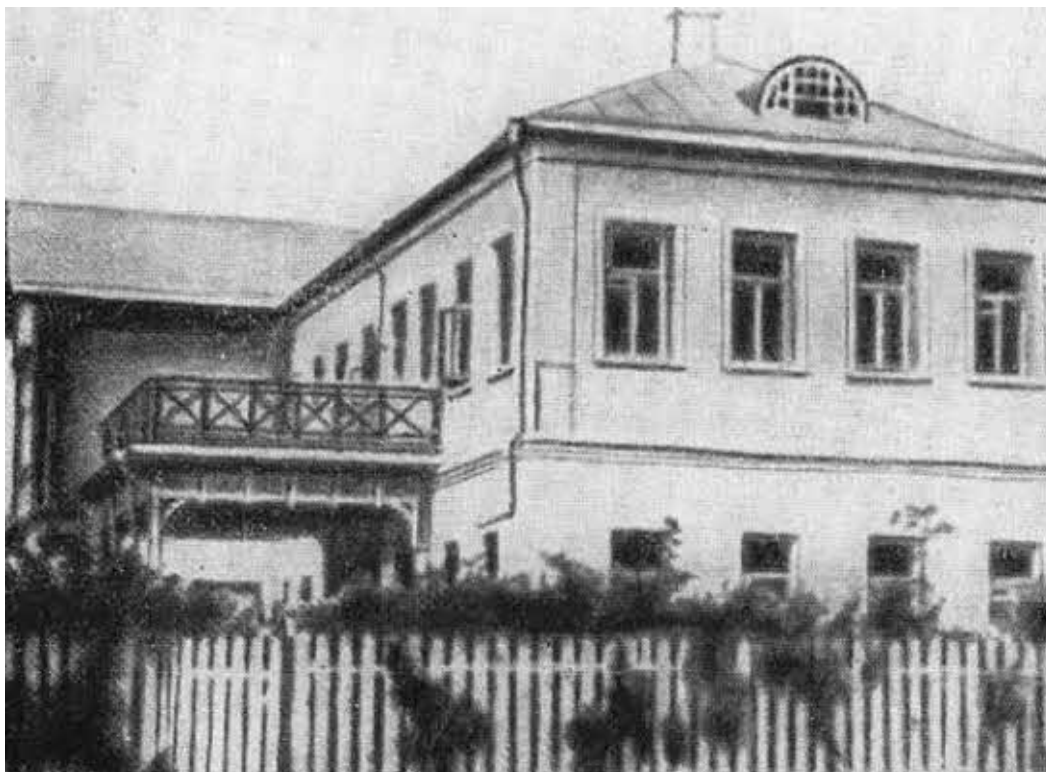
Иван Иванович Скворцов-Степанов.

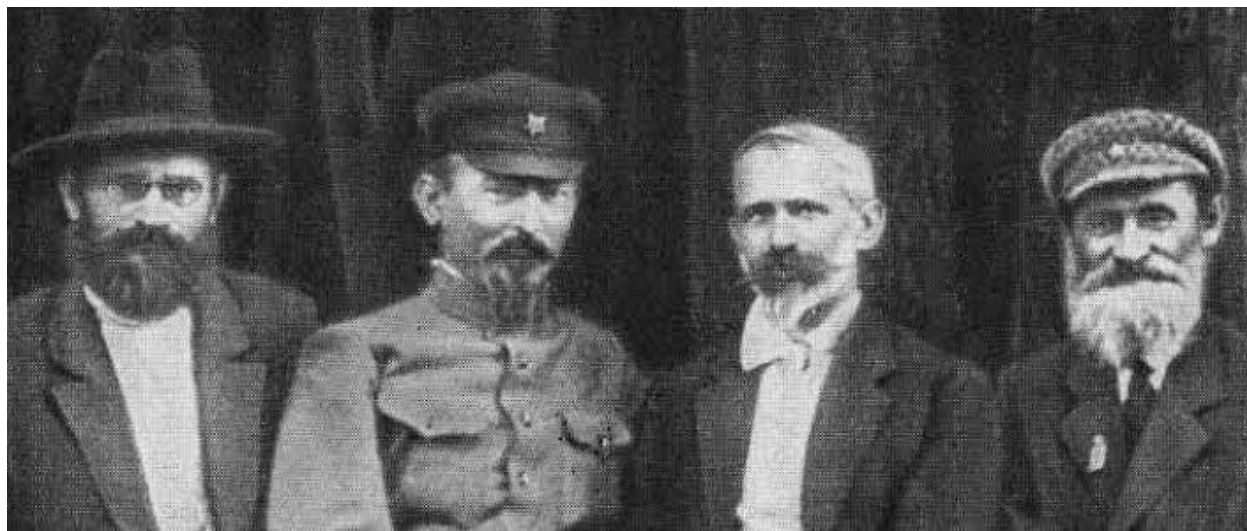
Книги И. И. Скворцова-Степанова.

***Б. Калужская, д. 51 (теперь Ленинский проспект). В. И. Ленин посещал
больного Скворцова-Степанова.***

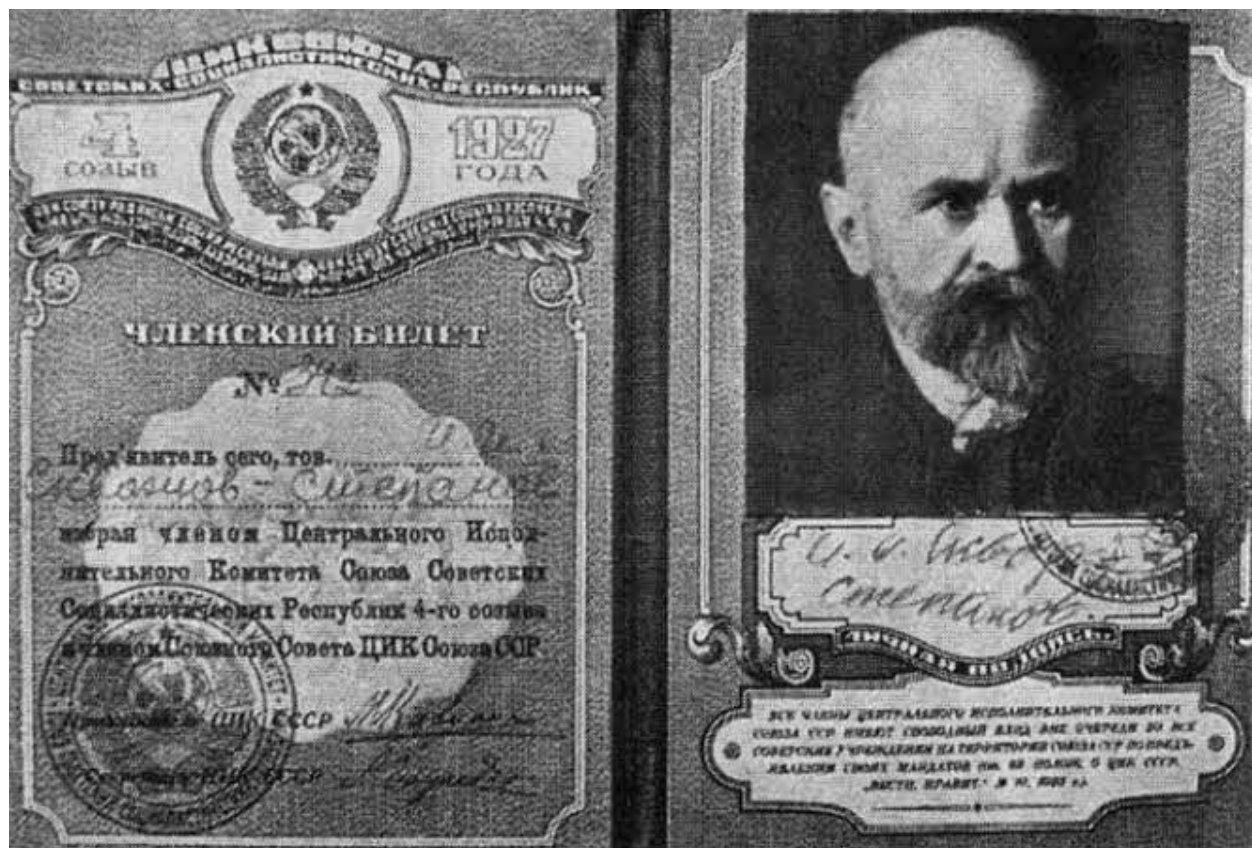

В 1918–1919 гг. В. И. Ленин и И. И. Скворцов-Степанов отдыхали с семьями в Мальцево-Бродове Богородского уезда.

И. Скворцов-Степанов с членами Временного польского революционного комитета Ф. Э. Дзержинским, Ю. Ю. Мархлевским, Ф. Я. Коном. 1920

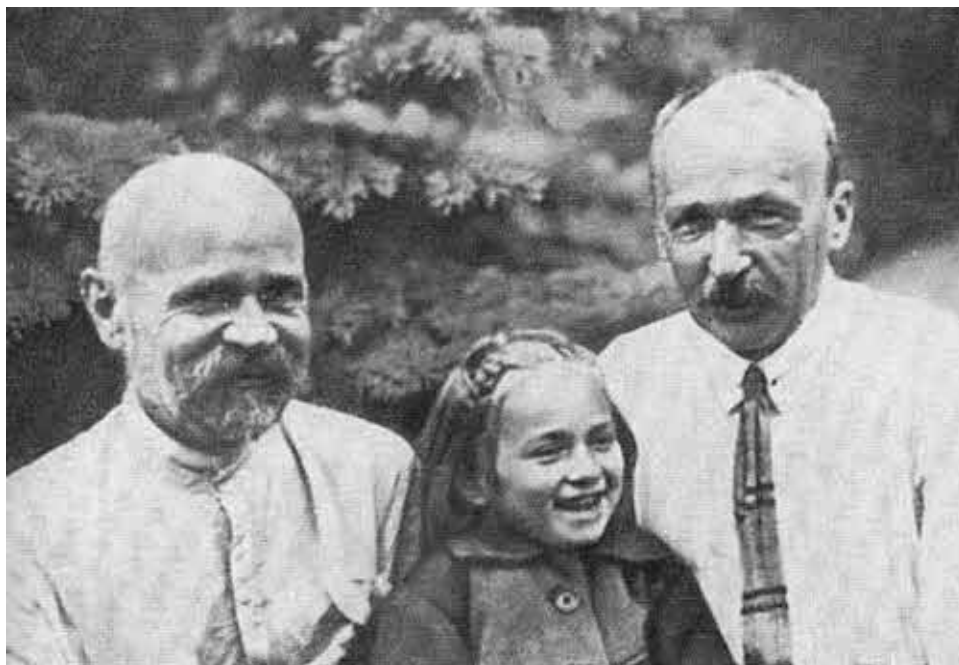
2.

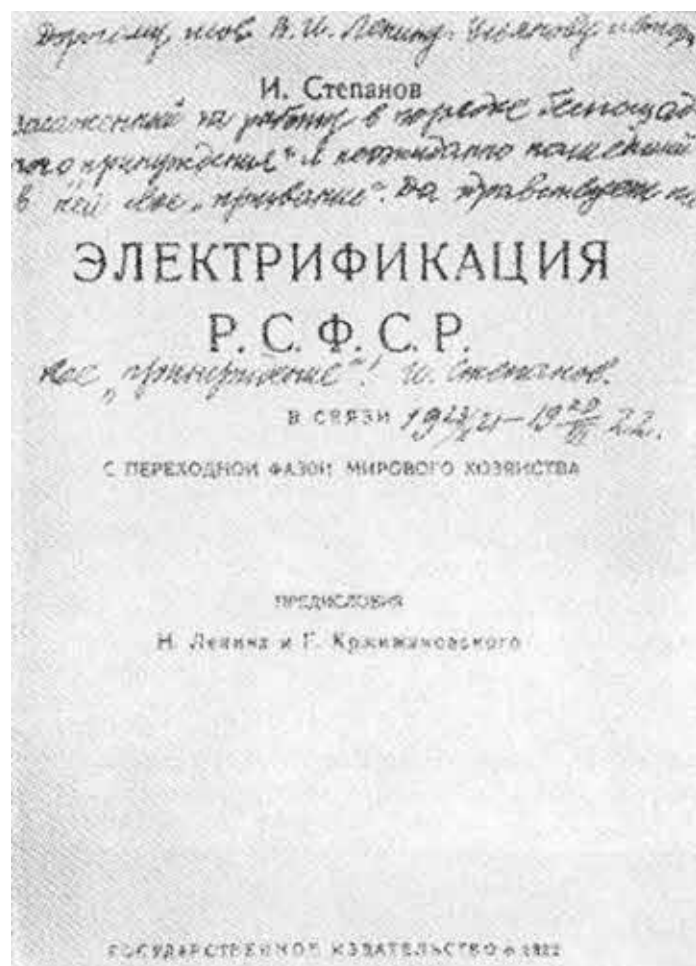
Удостоверение члена ЦИК СССР И. И. Скворцова-Степанова.

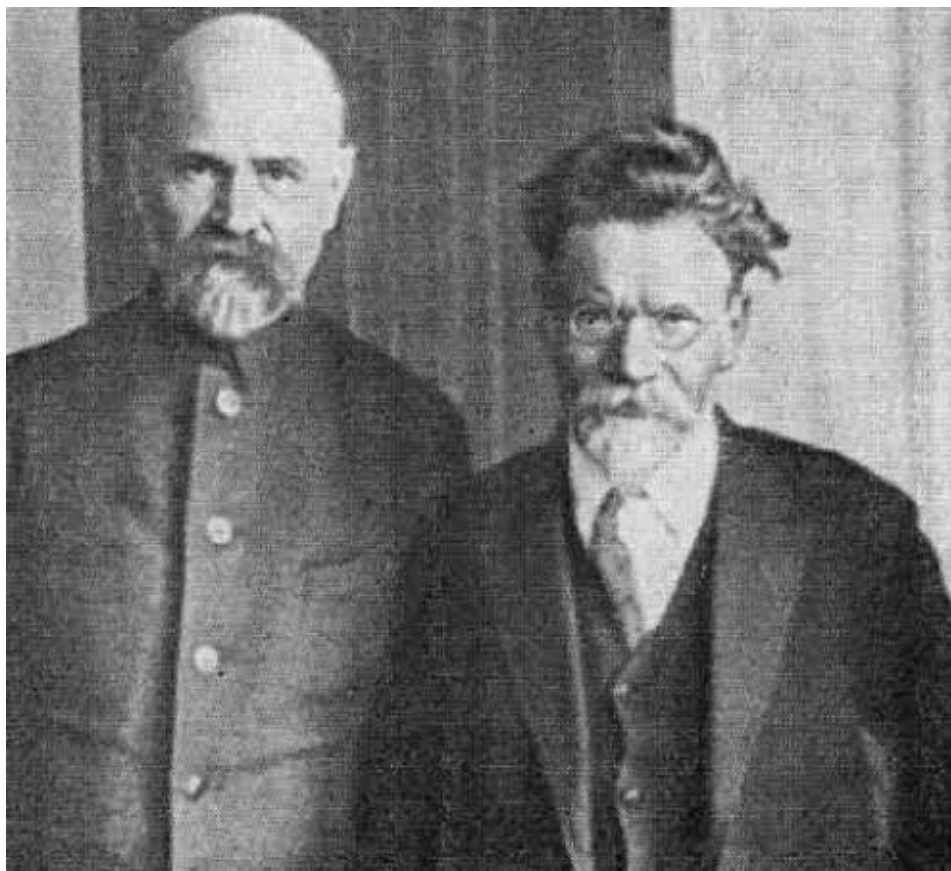
И. И. Скворцов-Степанов и К. Е. Ворошилов.

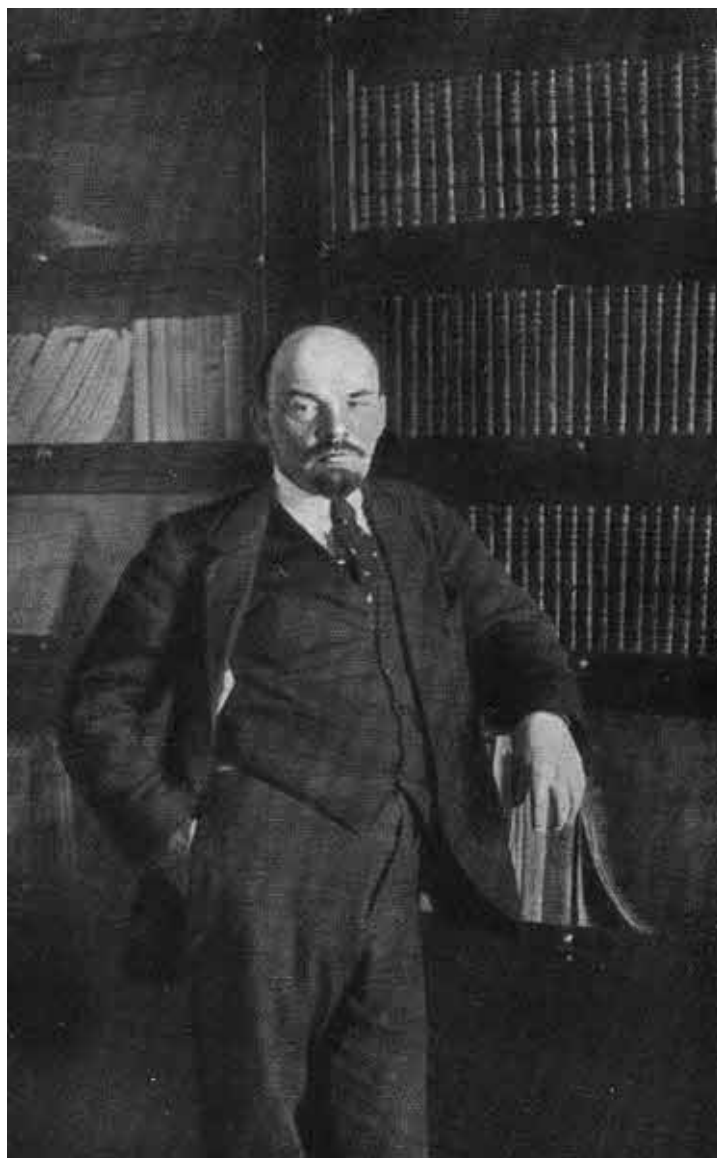
*И. И. Скворцов-Степанов, его дочь Наташа и П. А. Красиков.
Публикуется впервые.*

Книга «Электрификация РСФСР» с дарственной надписью автора В. И. Ленину.

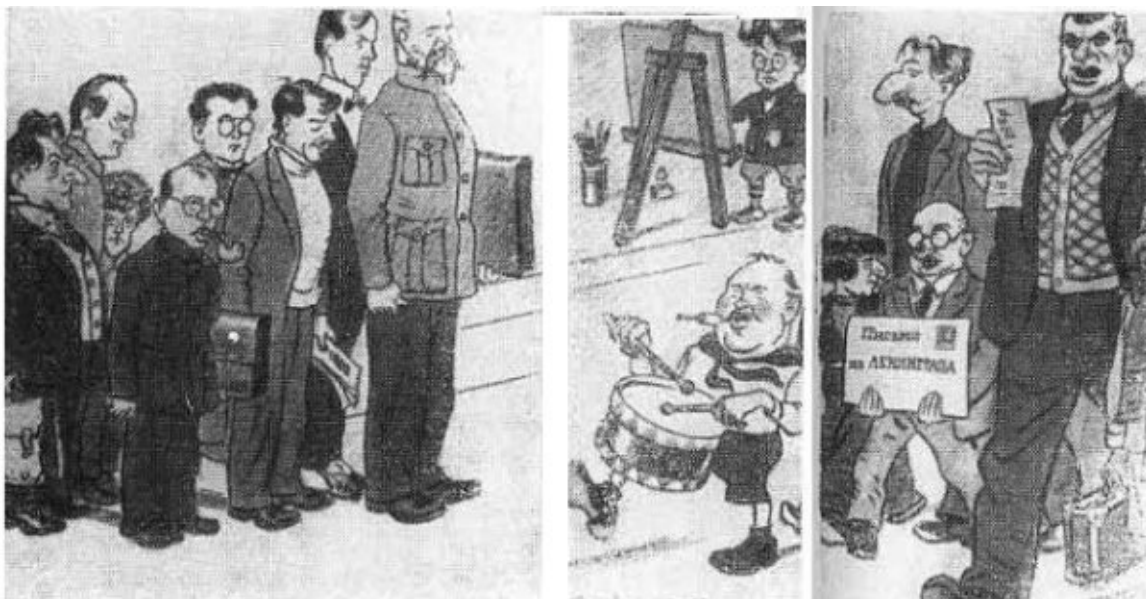
М. И. Калинин и И. И. Скворцов-Степанов.

В. И. Ленин в рабочем кабинете. 16 октября 1919 г.

*И. И. Скворцов-Степанов с группой сотрудников редакции «Известий».
Публикуется впервые.*

Дружеский шарж художника Б. Ефимова в связи с десятилетием «Известий».

*И. И. Скворцов-Степанов и И. М. Гронский принимают в редакции
«Известий» А. М. Горького. 1928 г.*

В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе. 1920 г.

И. И. Скворцов-Степанов беседует с сотрудниками редакции.

Г. М. Кржижановский.

Д. Бедный. 1926 г.

Инна Николаевна Тиц-Скворцова.

Публикуется впервые.

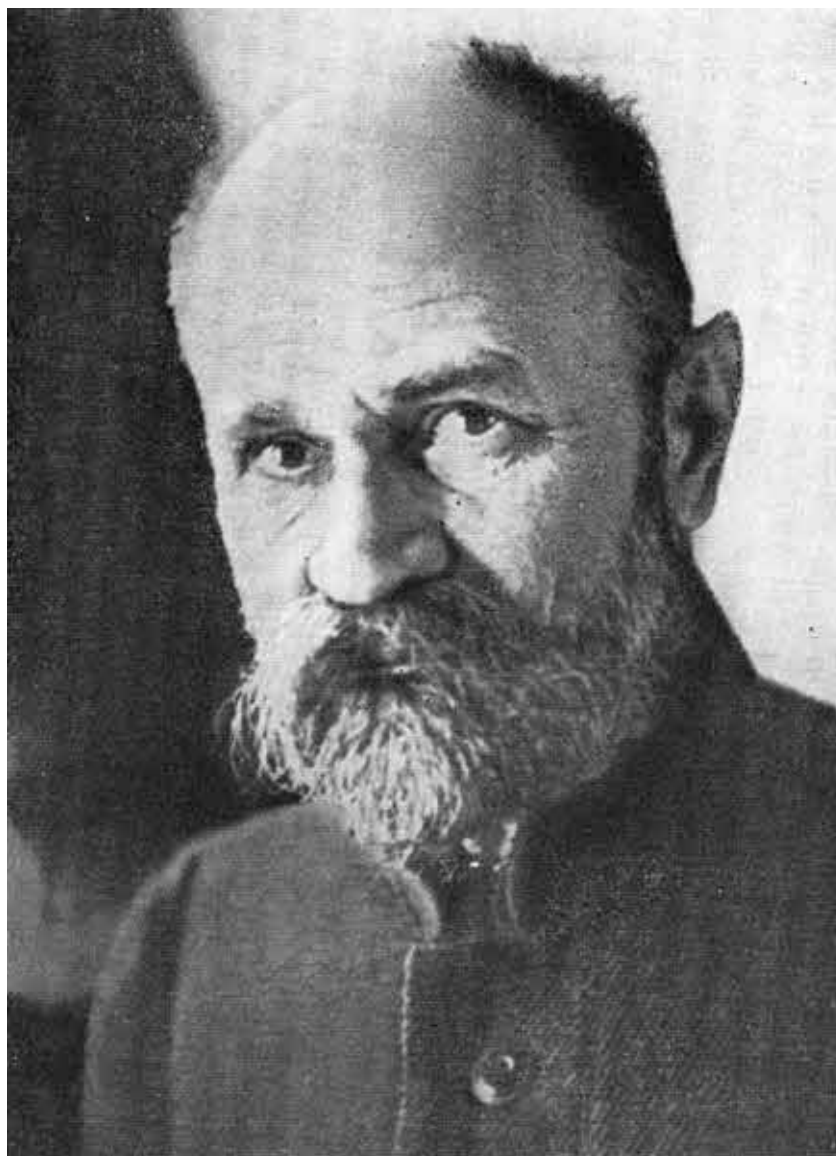
А. Б. Халтатов и И. И. Скворцов Степанов.

Публикуется впервые.

И. И. Скворцов-Степанов на даче в Серебряном бору. Подмосковье.

Публикуется впервые.

Последний снимок. Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Август 1928 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, 12, 26, 35, 42, 45–48, 51, 55.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, 3, 5, 7–9.

Библиография трудов И. И. Скворцова-Степанова. — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973, с. 387–411.

Скворцов-Степанов И. И. Избранные атеистические произведения. М., 1959.

Скворцов-Степанов. Избранные произведения, т. 1 (1905–1917). Л., 1930; т. II (1917–1928). Л., 1931.

Степанов И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. Предисловие Н. Ленина и Г. Кржижановского. Изд. 3-е. М., 1925.

Амиантов Ю. Н. и Устинов В. М. Верный сын партии. (О И. И. Скворцове-Степанове). М., 1960.

Круглов А. А. Скворцов-Степанов — атеист. Минск, 1974.

Подляшук И. И. Иван Иванович. М., 1973.

Рыклин Г. Е. Перо и сердце большевика. (Об И. И. Скворцове-Степанове). М., 1968.

Шаров В. В. Иван Иванович Скворцов-Степанов. М., 1972.

INFO

Викторов В. М., Куманев В. А.
В 43 Скворцов-Степанов. — М.: Мол. гвардия, 1586.— 272
с., пл. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биограф. Вып. 1 (663)).

В пер.: 1 р. 30 к., 150 000 экз.

В 4702010200—004/078(02)—86 150—85

ББК 66.61(2)8
ЗКП1(092)

ИБ № 4326

Виктор Моисеевич Викторов
Виктор Александрович Куманев
СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

Редактор *В. Калугин*
Научный редактор *П. Родионов*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Г. Прохорова*
Корректоры *Т. Крысанова, А. Долидзе, И. Тарасова*

Сдано в набор 21.01.85. Подписано в печать 29.11.85. А'6162.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая» Печать высокая. Усл. печ. л. 4,28. + 1,78
вкл. Усл. кр. — отг. 18, 05. Уч. — изд. л. 17.0. Тираж 150 000 экз.
(1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 30 ь. Заказ 900.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства
и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55. с. 4.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 247.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 43.

А. А. Богданов (1873–1928) после победы Великого Октября придерживался меньшевистских позиций в оценке диктатуры пролетариата, был одним из теоретиков Пролеткульта. В последние годы жизни отошел от активной политической деятельности, с 1926 по 1928 год — директор организованного им Института переливания крови.

В октябрьском номере журнала «Жизнь» за 1899 год П. И. Скворцов опубликовал рецензию на книгу Ф. Паульсена «Немецкие университеты и их историческое развитие».

Д. Д. Гончаров был прямым потомком жены А. С. Пушкина Н. Н. Гончаровой.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 405.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 306.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 218.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 321.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 2.

Ленин В. И. Полн. собр. соч... т. 14, с. 169.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 273.

18 ноября 1906 года в еженедельнике «Вопросы дня» И. И. Скворцов-Степанов опубликовал рецензию на эту работу В. И. Ленина.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 289.

«Писатель» — один из партийных псевдонимов Скворцова-Степанова.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 228.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 223.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 223.

Там же. с. 224.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. сот., т. 47, с. 225.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 309.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 153.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 276,

Там же.

Иван Иванович и Ольга Илиодоровна расстались в 1915 году, но сохраняли всю последующую жизнь товарищеские отношения.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 434.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 36.

Там же, с. 123.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 25.

Там же, с. 46.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 278.

Ленин В. И. Поли, собр. соч., т. 34, с. 51.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 77–78.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 153–154.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 228.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 229–230.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 68.

Впоследствии — Ленинский проспект. Ныне этот двухэтажный деревянный дом снесен.

В апреле 1967 года в комнатах, где отдыхал в Мальцеве-Бродове В. И. Ленин, был открыт мемориальный музей-квартира.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 74.

Там же, с. 55–56.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 80.

Ленин В. И. Полн. собр. соч... т. 52, с. 173.

Там же, т. 53, с. 114.

«Правда» 28 октября 1922 г.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 108.

Там же, т. 42, с. 157.

Там же, т. 51, с. 160.

Там же, т. 42, с. 196.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч... т. 53, с. 39.

Кушнер Б. А. Революция и электрификация. Пг., 1920.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 205–206.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 291.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 209–210.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 51.

Там же, с. 52.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 135–136.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 135–136.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 51. Предисловие В. И. Ленина еще до выхода в свет книги И. И. Скворцова-Степанова было опубликовано в «Правде» (21 марта 1922 года). С 6 по 25 марта Ленин находился под Москвой, где работал над статьей «О значении воинствующего материализма» и готовился к XI съезду РКП(б). Там же он прочел книгу Ивана Ивановича.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 262–263.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 170.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 283.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 176. В верхней части записки Владимир Ильич еще чал надпись: «Послано 30/IV. Напомнить мне».

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 218.

Там же, с. 265.

Имеется в виду ленинградская делегация на XIV партийном съезде.

Переработанное Скворцовым-Степановым предисловие было издано в 1926 году в виде отдельной работы.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 209–210.

Ныне Марк Иванович Скворцов — капитан I ранга, доктор технических наук, профессор; Наталия Ивановна — кандидат химических наук, автор многих научных трудов и изобретении.